

ДАНИЭЛЬ БРЭЙН
ЭННИ МО

КНИГА
МОНСТРОВ

Я — оборотень, неприкасаемая, преследуемая стаей беглянка, и все, что я умею — скрываться от тех, кто хочет меня найти. Я давно обрела новый дом и друзей, но тьма уже близко. За городскими воротами бродят древние твари, в старом склепе оживают чудовища, люди шепчутся о всемогущем и жадном до крови Древесном божестве. Тени, негласные хранители города, поручают мне найти Книгу Памяти — артефакт, управляющий злом. Маготшельник Гус — мой напарник в нелёгком деле, и мы оба рискуем ради свободы: его избавят от клятвы, данной когда-то Теням, меня — от гнева стаи.

Даниэль Брэйи, Эни Мо
Книга монстров

I. Предложение, от которого я не могу отказаться

Глава первая

Это была наша первая встреча за полгода. В тупике, почти в самом конце квартала Эрмет, Льюис все-таки заставил меня остановиться ровно под плюющим огнем факелом.

— Увидят же, — перепуганно сказала я, хватая его за рукав.

Совсем рядом топтались вездесущие стражники, и попасть в их руки, едва вернувшись в город, мне не хотелось.

Льюис только озорно улыбнулся и тряхнул головой, будто прогоняя наваждение. Я, не удержавшись, легко пихнула его в бок, все же сместившись в тень, клубившуюся в углу тупика.

— Ты словно кот, который сметаны наелся, — улыбнулась я в ответ, потому что хмуриться, когда он так непосредственно радовался, было почти невозможно.

— И не сметаны вовсе, — фыркнул он. — А вот.

На свет показалось запечатанное горлышко бутылки старого вина. Настолько старого, что я была уверена: все Самуэлевые выкормыши, жившие в общине до меня, на него облизывались. Я тоже облизывалась, но только ради того, чтобы позлить Самуэля — он невероятно дорожил этим вином и повторял, что оно — на очень особый случай.

А этот оболтус его украл.

— Нужно его вернуть... — начала было я, но Льюис и слушать ничего не желал.

— Вижу по твоей мордашке, думаешь, я его стащил? Нет-нет, клянусь, Самуэль сам мне его дал и даже просил вернуть тебя домой хотя бы не слишком пьяную. А чтобы ты больше не сомневалась, а я тебя знаю, малышка, вот тебе официальное разрешение.

Он вытащил из кармана клочок бумаги, на котором почерком Самуэля было выведено: «Сим позволяю обоим напиться этим вином. С любовью, С».

Я наморщила лоб, не зная, стоит ли верить записке. Подделать почерк не так уж сложно, всего-то обратиться к Обри, частенько корпевшему над документами для общины. Он был виртуозом во всем, что касалось фальшивок, и за плату готов был подделать хоть печать герцога.

Но все же не в правилах Льюиса совершать такие глупые поступки. Он был совсем молодым, хотя точных лет я не знала. У нас не принято было называть возраст и настоящие имена. И тем не менее воровать у главы общины — проступок непростительный.

— С чего бы такая щедрость? — улыбнулась я, предпочтя слепо поверить в наличие у Льюиса здравого смысла.

— Повод! — поправил он меня. — Послушай, Дайан, все, что я тебе скажу, очень важно.

Он даже немного посерьезнел, но я все равно не до конца понимала, что хочет от меня мой друг и какую долю шутки мне предстоит услышать. Льюис был славным и добрым — насколько это возможно в таком месте, как Фристада, он любил помогать и частенько делал это бесплатно, он ухаживал за мной, когда я была ранена или болела. Он добровольно навещал состарившихся членов общины, скрашивая их досуг. Но все равно он был немного странным. Никогда нельзя было предсказать, к чему он ведет, каково его настроение и что ему от тебя нужно. Льюис был способен шутя рассказать, что началась война. Или долго и искренне переживать о смерти неизвестной женщины на Козлиных болотах. Порой он пугал, держа в руках кинжал и улыбаясь широкой и доброй улыбкой.

В кого он вонзит кинжал — в тебя или булку свежеспеченного хлеба — подсказывало

только чутье.

Именно поэтому Самуэль его так ценил.

— Слушаю. Только предупреди сразу, о плохом будем говорить или о хорошем. И почему здесь, скажи на милость?

— Ну конечно, о хорошем! Так, все. — Он вздохнул, непринужденно облокотившись о пышущую жаром каменную стену. — Я знаю тебя уже больше пяти лет, Дайан...

Он прервался, будто не веря собственным словам, и внимательно меня оглядел.

— Выходи за меня замуж.

От неожиданности я поперхнулась воздухом, закашлялась, отчего на глазах проступили слезы, а потом, размахивая у себя перед лицом руками, уточнила:

— Послушай, в последнее время шутки у тебя не выходят. Я не очень поняла, в чем соль.

Он на миг насупился, а потом рассмеялся и обнял меня огромными, сильными руками.

Это была еще одна странность Льюиса — он мог казаться тонким, изящным и даже красивым: приодеть, и можно вести его ко двору герцога, от девиц отбоя не будет. Но только он приближался, как на лице его проступали обветренная кожа, сухие губы, небольшие синяки под глазами, а сам он казался просто огромным. И где-то глубоко во взгляде, среди беззаботности и доброты, проявлялось что-то еще. Я не знала — что, и никто не знал, разве, может, Самуэль, но Самуэль, как мне всегда казалось, жил вечно и знал не меньше Перевернутых богов...

— Ты права, малышка, чувство юмора покидает меня с возрастом, но не красота. Обещаю, через двадцать лет я буду все так же хорош.

— Ты меня успокоил, — ответила я, обрадованная, что дурацкие шутки закончились. — Теперь я могу любить тебя вечно. А теперь давай уйдем отсюда, мы стоим под сводами форта Флинт, а он кишит Аскетами. Не помню, чтобы они питали к нам особую любовь.

— Мы свободные люди Фристады, так стоит ли переживать за этих несчастных, — улыбнулся он. — Дай им спокойно молиться в своих кельях.

— Мы на их территории, Лью, — умоляюще напомнила я. — Может так выйти, что скоро придется молиться нам. Идем же!

Он наконец выпустил меня из своих медвежьих объятий, не переставая улыбаться.

— Ну конечно, уйдем, но ты мне не ответила.

Я замерла на полуслове, глядя на него. Ничего не поменялось — ни грамма серьезности, только улыбка, сияющие глаза и расслабленная поза. А в кармане — бутылка старейшего вина.

— Так... ты не шутил, — выдавила я, растягивая губы.

— Разумеется, нет, Дайан, у меня же есть вино! — Этот аргумент показался ему довольно убедительным, а я окончательно пала духом.

Предложение — это серьезный шаг даже для чудаковатого Льюиса, а он отнюдь не был недалевидным дураком. А я... я вынуждена была отказать. Не потому, что он мне не нравился — Льюис нравился всем, и не потому, что я не доверяла ему, опять же, все, кто знал его достаточно, не имели сомнений.

Я не хотела замуж, это раз. Никогда не хотела — слишком многое теряли женщины моего и без того почти бесправного круга: нельзя выходить на улицы города без присмотра, нельзя самой решать судьбу своих детей, нельзя даже иметь собственное мнение... чтобы возразить мужу в самой мелочи, нужно было иметь приданое от отца — откупиться от невыгодного решения, а чтобы не согласиться по воле мужа покинуть его и уйти к

Двенадцати плачущим сестрам — статус, который позволил бы с колыбели разговаривать с герцогом. Все, что могла мне дать моя настоящая семья, только клеймо неприкасаемой. Все, что мог дать мне Самуэль, он дал: кров и свою защиту. Он дал мне возможность быть членом общины, а значит — свободным гражданином свободного города.

Было еще и два. На моей руке уже был вытатуирован тонкий обод брачного браслета, который я тщательно скрывала под длинными рукавами и высокими перчатками.

— Но я же не человек, — возразила я, и это был, бесспорно, весомый довод.

— Ну и что, — легко отозвался Льюис. — Знаешь, мне никто не нужен, кроме тебя.

Судя по его лицу, это действительно было так. Льюис одиночка, и если он так говорил, да еще с таким проникновенным выражением, впускать к себе в каморку он был настроен только меня одну.

— Послушай, — собираясь с духом, медленно сказала я. — У меня есть кое-что, я никогда тебе этого не говорила, я даже думать об этом не хочу. Я даже Самуэлю... даже Самуэлю сказала не сразу. Я прошу, чтобы ты молчал о том, что услышишь, и... Прости, я не могу выйти за тебя. Я уже замужем.

Медленно подняв рукав, я продемонстрировала помрачневшему Льюису татуировку с именем, которое я была не в силах стереть со своего запястья.

— И мы не будем никогда об этом говорить, хорошо? И даже вспоминать. Это...

Он нервно натянул мой рукав обратно и снова улыбнулся, только теперь по-другому — мрачно и... сочувствующе.

— Я не хотел задевать твои чувства, — торжественно сказал Льюис, по-видимому, слегка сконфуженный.

— Ну, я то...

Но тут я учуяла близкий, чужой запах. Обстановка под стенами форта Флинт изменилась, и я повернула голову.

В отсветах факелов на стене было отчетливо видно, как к нам медленно приближался человек. Длинный тяжелый плащ скрывал его фигуру и скрадывал движения, и невозможно было определить даже его пол. Но по мере того, как он подходил ближе, я готова была спорить с кем угодно, что это был мужчина — настолько уж характерной была его походка. А когда ветер принес едва уловимый запах пыли и бумаги, мне многое стало ясно. И вместе с тем крайне любопытно.

— Кто это? — тихо удивился Льюис, и в его серых глазах мелькнул интерес.

— Тш-ш, — я приложила палец к губам и улыбнулась. — К нам пожаловала Тень.

Глава вторая

Просто так встретить Теней на улицах Фристады представлялось едва ли возможным. Рассердить сориана, я полагаю, и то было бы проще, а лично я о подобном еще не слышала: более флегматичных животных вряд ли можно было сыскать.

Ни одного пресвитера или брата, или даже послушника Ордена Теней, праздно прогуливающих по Фристаде среди бела дня, никто не видел. Тени появлялись на улицах лишь в темное время суток. Может, вместе с членством в Ордене человек приобретал аллергию на солнечный свет, или же Тени блюли репутацию таинственных затворников. Но эти прятки и были той причиной, по которой большинство обывателей даже не догадывались о существовании Ордена. Но если закрыть глаза на их порядком надоевшую загадочность, Тени во все времена были очень полезны свободной Фристаде.

На улицы плавно ложилась ночь. Сейчас я не могла обернуться и разглядеть выражение лица Льюиса, но у меня не было никаких сомнений — он изумлен. Да и неудивительно. Я и сама пребывала в некотором замешательстве. Что Теням от нас понадобилось? А может, не от нас, а от меня? Или же от Льюиса? А может, он просто мимо идет? Хотя мы с Льюисом скрывались в небольшом тупике, совсем недалеко от входа на кладбище. Предполагать, что Тень специально направлялся в этот самый тупик для того, чтобы поразмышлять о бренности всего сущего и тщетности бытия, было бы глупо. Следовательно... следовательно, пришло время поздороваться. Тени — люди серьезные, даже с перебором, с ними лучше было соблюдать этикет. Так, на всякий случай.

— Мир между нами, брат, — произнес традиционное приветствие, я учтиво поклонилась, одновременно с этим незаметно пихнув Льюиса локтем в бок, чтобы он наконец вышел из ступора.

— Насколько я помню, ты не состоишь в нашем Ордене, так что опустим церемонии. Тихая ночь, Дайан, — спокойно и тепло поздоровался со мной незнакомец, и сердце мое ёкнуло. Мне показалось, что я уже не однажды слышала этот голос.

— Брат Аргус?

Вне всяких сомнений, это был он. Собственно, а кто еще из Теней мог бы знать меня лично? Брат Аргус, темная личность, о котором я знала одно: он приходил к Самуэлю по каким-то им лишь ведомым делам. И теперь ему была нужна я, важно было только понять — втайне от Самуэля или нет.

— Могу я быть чем-либо вам полезна, брат Аргус? — с безупречно-вежливой улыбкой спросила я.

— Можешь. У меня есть к тебе одна просьба... И, если ты не занята, я хотел бы украсть у тебя пару часиков. Вы, я надеюсь, не против, молодой человек? — Вопрос был адресован Льюису. Тот уже окончательно пришел в себя и даже успел устыдиться своего по-детски неприкрытого удивления.

— Ну что вы, не буду вам мешать... Дайан, я жду тебя у Самуэля. — Кивнув мне на прощание, Льюис растворился в ночи, а я вздохнула с облегчением: разговор вышел тягостным.

— Позволь предложить тебе руку, — галантно произнес брат Аргус и действительно предложил руку. Вернее, локоть. — Нас ждет небольшая прогулка.

Прошествовав мимо стражи, мы свернули на площадь, и я зажмурилась от резко

ударившего в глаза света. Времени уже было без четверти полночь, а июньские ночи всегда были особенно темными, так что стража старалась в этом месяце развешать как можно больше факелов. Чем больше света, тем меньше опасности — так считали городские чиновники, и по моему скромному мнению, они были правы... ибо темнота переулков Фристады никогда не была пустой. Всегда, всегда случайного прохожего в ней поджидал некто, готовый познакомить его со своим кинжалом, а его кошелек — со своими руками. И было настоящим везением, если на пути попадался всего лишь вор, который хмыкал про себя и шел дальше, унося ваши драгоценности с собой, но я не боялась и этого — у меня нечего было красть. Но могли повстречаться и обычные малахольные третьесортные грабители, готовые перерезать горло за золотой. А временами из Каирнов прорывались древние чудовища, так что неизвестно, что было хуже — понятный и даже почти родной разбойник или неизвестная, отвратительная, жуткая тварюга.

Но даже с учетом обычной для стражников паранойи, сегодня на улицах было как-то слишком светло. Может быть, приехал важный гость. Посол Северных пределов или Южных краев. Кто-то из них мог пытаться заполучить Фристаду если не в союзники, то хотя бы заплатить за проход войск. Лица у стражников были такие одухотворенные, что челюсть от одного взгляда сводило, а в трактирах было тихо, как на похоронах, хотя обычно там завсегдатаи каждые пять минут затевали либо песнопения, либо потасовки.

С Фристадой было что-то не так; уверенность в этом крепла во мне с каждой секундой. Чего-то не хватало; чего-то знакомого и привычного настолько, что уже и перестаешь замечать. Я успела всерьез занервничать и с трудом удерживалась от того, чтобы не начать вертеть головой во все стороны, стремясь обнаружить причину своего беспокойства, как вдруг поняла. Возле канализации, мимо которой мы с братом Аргусом только что прошли, хорошо пахло. Обычно к стоку невозможно было подойти, чтобы тут же не упасть в обморок от смрадного запаха. А тут не то чтобы благоухало, но и нос зажимать не хотелось. Что же я пропустила? Фристада сегодня была иной.

Одинокий город, бастион на самом берегу холодного моря, свободный порт, связующий враждующие страны, которые, там не менее, не могли существовать друг без друга — далеко на юге наступала засуха, и через Фристаду шли корабли из Бернхуса с бесценной пресной водой. В иные времена там отравили бы воду ради залежей золота в Йеджи, но студенными зимами из Южных краев шли корабли с топливом для Бернхуса и Моркнотта, укрытых беспощадной непроглядной ночью на многие месяцы. Меха и мясо, целительные настои, в которых знахари Йеджи и других государств по соседству могли посоперничать с аптекарями Фристады... но я слабо разбиралась в торговле и внешней политике. Мне хватало того, что раздирало город, ставший мне убежищем и домом.

Фристада всегда была раздробленной. Испокон веков сюда бежали все, кто скрывался от гнева властей, искал защиты или просто хотел пожить. Море прибывало к берегам истерзанные бурями пиратские корабли и шхуны взбунтовавшихся команд. Из Бернхуса и Моркнотта, славящихся массовыми казнями, особенно в период Великой ночи, десятками бежали приговоренные. Из россыпи государств на юге — рабы и разбойники. Фристада принимала всех, точнее, принимали различные общества и давали свою защиту. Причиной тому была просто удивительная лояльность герцога, который однажды решил, что гораздо выгоднее не бороться с сомнительными общинами, орденами и братствами, а обложить их некоторым количеством немалых налогов — если они, конечно, хотели стать легальными. Как это ни странно, большинство орденов и братств согласились платить. Те же, кто был не

согласен, однажды ночью исчезали из города, и больше их никто никогда не видел.

Может, их убивали, а может, арестовывали и отправляли туда, где их ждала плаха или виселица, голод или скорая смерть под палящим солнцем от непосильного труда — что ж, таким образом герцогу удавалось поддерживать определенный нейтралитет среди агрессивных, постоянно воюющих между собой соседей и даже временами засматривающихся на дальние земли. Благодаря таким «добровольным взносам» Фристада стала процветать, а защита, которую обеспечили ей и себе осевшие в ее стенах общины, ордена и братства, отпугивала потенциальных захватчиков. Вскоре из защищенного порта-крепости Фристада превратилась в один из красивейших и богатейших оплотов цивилизации, свободную жемчужину Срединных Земель, и выделялась даже среди прочих свободных портов.

Я продолжила незаметно наблюдать, но ничего странного больше не заметила. А между тем как будто кто-то наблюдал за Фристадой. Невозможно было определить, как именно это происходит и в чем выражается, но я остро чувствовала присутствие рядом кого-то большого, непоколебимого и надежного. Будто из каждого окна и проема за нами следило незримое нечто.

Брат Аргус мягко вел меня под руку, увлекая к проходу в Грейстоун. И я чувствовала, что не смогу убежать, даже если применю свою силу. Не с Тенями, не с их древней магией. Скривившись при виде моего лица, страж все же неохотно пропустил нас, поймав на себе строгий взгляд брата Аргуса.

А Тень тем временем молчал. Очевидно, ждал, когда я не выдержу и заговорю первой.

— Куда вы меня ведете? — непринужденно спросила я, чуть улыбаясь.

Брат Аргус с сомнением посмотрел на меня и некоторое время соображал, сказать мне правду или подождать.

— Просто вы так таинственно молчите, что я уже и не знаю, что думать. А терпеть нет сил, — добавила я.

— Я хочу предложить тебе посетить нашу обитель, — ответил брат Аргус. — А зачем — ты узнаешь внутри, если тебя это заинтересует, конечно.

— И долго продлится этот визит?

— Не очень, — с сомнением в голосе сказал он, явно что-то прикидывая в уме. — По крайней мере, до следующего вечера домой ты точно вернешься.

Я восхитилась понятием Теней о «не очень долго». Я искренне считала, что за сутки можно успеть переделать кучу разных дел.

— У меня вообще-то были свои планы на эту ночь.

— Я у тебя действительно только пару часиков украду, даже меньше. Все остальное достанется Рему, — деликатно уточнил брат Аргус.

От его слов мне стало совсем безрадостно. Все, что я знала от Самуэля, точнее, уловила из бессовестно подслушанных бесед с ним брата Аргуса: у Высшей Тени был острый, неординарный ум; он никогда не сомневался в принятых им решениях, а если начинание себя не оправдывало, то вполне был способен отвечать за свои ошибки; именно при его руководстве Тени наконец-то начали приносить реальную пользу Фристаде. Но единственный недостаток с лихвой перекрывал все его положительные качества: до жути отвратительный характер. При разговоре с ним человек оказывался просто погребенным под градом недвусмысленных намеков, завуалированных оскорблений и язвительных реплик, и все это подавалось свысока, с напыщенным высокомерием и презрением к «жалким

плебейм», какими, по его мнению, являлись все не-Тени. Я, по большому счету, не являлась даже человеком.

Да я вообще не являлась кем-то, интересным Теням.

— А это обязательно? — угрюмо спросила я.

— Да, Дайан, это обязательно. Поверь, он тоже не в восторге, но сейчас... пойдём уже быстрее, и ты сама все узнаешь.

Мы ускорили шаг и вскоре оказались в тупике.

— Сейчас я отпущу тебя, — поведал брат Аргус. — Ты можешь попытаться убежать и даже скрыться, как ты умеешь. Но я бы нашел тебя, даже если бы ты была скрыта с самого начала.

Я мрачно кивнула. Я прекрасно знала, что мне никогда не скрыться ни от кого из Теней, даже от послушника.

— Не заставляй меня бегать за тобой по всему городу, — предупредил меня брат Аргус и кивком велел мне отойти подальше, затем взмахнул руками и начертал знак. Он пару секунд держался в воздухе, а затем перетек на каменную стену. Тень надавил на светящийся символ на кладке, и открывшийся проемдохнул на меня чистой магией.

— Дамы — вперед, — улыбнулся брат Аргус, и я шагнула внутрь.

Глава третья

Я сбежала с Волчьего острова, когда мне было всего семнадцать лет. И до сих пор я не люблю вспоминать о причинах побега, малодушно я верю, что чем меньше я думаю о них, тем меньше они думают обо мне... Мне некуда было бежать, кроме как во Фристаду, — Моркнотт не простил моему народу войну, в жарких и засушливых Южных краях мы не сможем выжить, особенно тогда, когда за кружку воды продают в рабство сыновей. И во Фристаде меня особо не ждали, но здесь, по крайней мере, хоть и шарахались от становящихся желтыми глаз, не норовили пырнуть ножом или подсыпать яду.

Оборотни с Волчьего острова появлялись в городе редко, из Фристады редкие смельчаки, жадные до наживы, отправлялись через бурный пролив с провизией и скобяными товарами, привозя обратно пряности и редкие и дорогие целебные травы. Когда остатки оборотней бежали из Моркнотта, им предоставили Остров в обмен на изоляцию и лояльность герцогу. Мудрое решение — как никто другой я знала, что оборотень не ведает боли и страха в бою, но лишь тогда, когда вкусит человеческой крови. По уговору герцог прислал бы преступников на казнь оборотням, что означало бы скорую бойню, на которой каждый из нас, от древних, еле живых стариков до детей, едва научившихся ходить, был бы обречен: отведавший крови человека оборотень себе не принадлежит, он обращается и не может остановиться, не внемлет голосу разума, способен лишь рвать горло до тех пор, пока его самого не убьют. Обращенные оборотни были идеальной армией, солдатами на один, но беспощадный, бой.

Это было и хорошо и плохо, потому что оборотни не могли различать своих и чужих, но это было бы и не нужно. Армию Фристады не было смысла посылать в эту схватку до тех пор, пока хоть кто-то оставался живой. Но именно по этой причине, как бы ни конфликтовали между собой Аскеты и Лесные чада, как близко бы ни подходили войска Йеджи с союзниками, как бы ни много показывалось на горизонте кораблей с севера, на Волчий остров за все века не доставили ни одного человека на казнь.

Я приплыла на лодке с одним из бесшабашных торговцев, заплатив ему всем ценным, что у меня было — кольцом, и брела по улице Фристады, удивляясь, как это ветер здесь не сбивает с ног и дышать можно полной грудью.

Город встретил меня неприветливо, как и каждого одинокого человека, не имеющего в кошельке достаточно денег для гостиницы и еды. Я путалась в бесконечных грязных улочках, разными путями выходила на одни и те же тускло освещенные площади. Фристада нависала надо мной громадой древнего камня, шпильями на Храмах Единого, отблесками на тротуарах от ярких витражей в церквях. Она была огромна и многолика, водила меня, словно глупого щенка, по своей утробе. Мне не нравилось здесь — всюду были пьяные люди, драки в трактирах, грязь, грубые стражники, глядящие подозрительно на всех, кто не мог выйти из дома, не обвешавшись драгоценностями.

Я провела одну из самых голодных и несчастливых недель в своей жизни, пока не сумела переломить себя и попроситься на работу мойщицей посуды в одном трактире. Он находился на Узкой улице, что вплотную прилегала к Козлиным болотам — грязнейшему и беднейшему району Фристады. Мыть посуду после пьяниц, шлюх и прочего отребья было отвратительно, но голодать еще хуже. Я ненавидела себя, Фристаду, семью, что вынудила меня окунуться в эту жизнь, и, разумеется, всех окружающих людей, и лишь молилась

Перевернутым богам, чтобы меня не нашли.

Я была единственной дочерью одного из вождей на Волчьем острове, воспитывалась вместе с младшим братом в закрытом и вполне благополучном обществе, я даже никогда не покидала границ своей стаи, так что не было ничего удивительного, что я была глупа, не знала городской жизни и повелась на слова первого же человека, давшему себе труд разговаривать со мной вежливо.

— Ты спешишь, девочка, — не то спросил, не то поддел меня хмурый старик, древний, как камни стен. — Неужели молишься Перевернутым?

Я кивнула. Приближалось полнолуние. Хозяйка Мэг, промышлявшая помимо кормежки отребья еще и публичным домом, тоже угадала во мне оборотня, может, потому она и не стала предлагать мне пополнить ряды ее девушек, но просила не дразнить клиентов желтыми глазами: меня могли бы убить, и тогда внимание стражи было бы ей обеспечено.

— Не боишься здесь оставаться?

Я хотела было забрать у старика пустую кружку, но он накрыл ее рукой.

— Мэг решила, что ты отпугнешь от ее заведения ненужных людей. Так-так... например, меня.

— Вас? — вырвалось у меня. Старик, судя по его более чем почтенному возрасту, не тянул на клиента... мог и умереть прямо на веселой девушке.

Да, в трактире Мэг я узнала многое из того, что мне не говорили ни родители, ни опекуны стаи.

— Ты же понимаешь, что не можешь жить во Фристаде? М? — он в упор смотрел на меня. — Ваше племя должно сдать страже, а в полнолуние...

— Хватит! — попросила я, с трудом не закричав. В полнолуние нас мог убить любой. По крайней мере, так я слышала на Острове. — Хватит, пожалуйста. — У меня слезы навернулись на глаза. — Я не знаю, кто вы, но я...

— Самуэль. — Я обернулась, старик даже не повернул головы. — Пришел все-таки. Давно тебя не было.

Мэг подошла ближе. Я посмотрела на старика — он сидел и чему-то улыбался.

— Пошла прочь, дикая, — бросила мне Мэг. — Не свети тут зыркалами. Пошла, пошла. Со мной она не церемонилась.

— Зачем она тебе? — все так же глядя в сторону, спросил Самуэль. — Для охраны? Выпустишь зверя. Ей не нужно полнолуние, чтобы потерять контроль.

Мэг резко отодвинула стул и села, расставив жирные ноги.

— Говори, — потребовала она.

— Иди, девочка, — посоветовал мне Самуэль. — Иди, да пребудет с тобой Тишь.

Я удивилась, услышав от него имя одной из Перевернутых. Но он определенно не был таким, как я — в подобном возрасте у оборотней глаза обычного цвета лишь когда луна совсем новая.

Я послушалась их обоих, собрала посуду с других столиков, уже опустевших — время было под утро, — и ушла на кухню. Впрочем, там, чувствуя в глазах характерную резь, я тоже долго не задержалась и скрылась в своей каморке без окон, запершись на ключ и сунув его на всякий случай под кровать.

Разбудил меня громкий стук и резкий голос Мэг.

— Эй, дикая, поднимайся, если ты еще не зверюга. Давай, не телись.

Спала я не раздеваясь, поэтому быстро встала и вышла.

— Старикан решил оставить меня в покое еще на пару месяцев. Но ему нужна ты. Я согласилась.

Я попятилась.

— Я не хочу!

— Тебя не спрашивают, дикая. Я не собираюсь платить ему, не сегодня. Старый хрыч запал на тебя, мне так даже лучше. Давай, пошла.

Мэг схватила меня за рукав, я дернулась, истрепанная ткань порвалась.

— Ах ты неприкасаемая дрянь!

Я почувствовала, как горит от пощечины лицо, и... нет, Мэг не стоило этого делать. Я была еще слишком молода, по нашим меркам — щенок, но в моменты гнева у меня тоже хватало сил, тем более накануне полнолуния. Взрослый, зрелый оборотень мог одной рукой сорвать дверь с петель, я же просто швырнула Мэг на пол — и сама испугалась того, что сделала.

— Я к нему не пойду! — закричала я.

На наши вопли собрались девушки. Уставшие, только что спровадившие клиентов, с опухшими, нетрезвыми лицами. Они молчали и смотрели на нас, на меня, вжавшуюся в стену, и Мэг, охавшую на полу и изгыравшую скверную брань.

— Вон! — проорала Мэг. — Вон, паскуда!

И я, перепуганная, в слезах, бросилась вниз по лестнице, ничего перед собой не видя, и едва не сшибла давешнего старика. Но он устоял и легко остановил меня сильной, властной рукой.

— Пойдем, — сказал он спокойно, — пойдем. Я ничего тебе не сделаю, обещаю. Ничего. Тебе нельзя жить во Фристаде без общины, тебя убьют. Пойдем, ты будешь в безопасности.

— Зачем я вам? — прохныкала я. Я догадывалась, зачем, но... я не могла. — Пожалуйста... отпустите меня. Я вернусь домой, — прошептала я, уже окончательно сдавшись. — Пусть лучше так.

Я действительно была готова вернуться на Остров.

Самуэль покачал головой.

— Сколько ты уже здесь? Пару месяцев? А сколько ты бродила по городу до того? Месяц? Две недели?

— Неделю, — я шмыгнула носом и покосилась вверх: там столпились девушки. Мэг не было видно.

— Ты не думала, почему ты вообще смогла выжить? А я подумал, — усмехнулся Самуэль. — Подумал и понял: ты мне нужна. Пойдем.

И я пошла.

Глава четвертая

Длинными коридорами, где с каждой глухой арки на нас пялились глаза каменных исполинов и горгулий, меня привели в огромную библиотеку. Я даже замерла на секунду, не в силах вместить в свое сознание эту громаду, но Аргус, снова взявший меня за локоть, как только мы вошли в проем в стене, легонько меня подтолкнул.

Он вел меня мимо книжных стеллажей, и я могла поклясться, что ни в одном не видела пустого места. Столько книг сразу — мне показалось, что я могла бы здесь жить. Но кто бы мне позволил. Еще неизвестно, о чем последует разговор и какие последствия за собой повлечет. А в том, что они будут, сомневаться не приходилось.

Пользуясь не слишком быстрым темпом ходьбы, я высматривала на корешках названия книг. «Темные анналы», «По пути к свету», «Инуминалум», «Сквозь зеркала», «Магические артефакты», «Древние знаки»... О некоторых книгах мне говорил Самуэль как о великих реликвиях, но их-то как раз я и не видела. Тени были магами знания, они получали свою огромную мощь из старых книг, а не от рождения. И не стоило удивляться, что свои бесценные знания они берегли.

Света масляных ламп, в большом количестве расставленных вдоль стен, все же не хватало для того, чтобы увидеть библиотеку полностью: потолок терялся где-то в темноте, а над головой на высоте четырех этажей я увидела арки, соединяющие стены помещения, словно огромные мосты.

Обитель Теней была скрыта сильнейшей магией, иначе я бы заметила в Грейстоуне огромный особняк с башней. Интересно, Самуэль был здесь хоть раз?

Брат Аргус молчал и равнодушно скользил взглядом по стеллажам, он вообще будто бы потерял ко мне интерес, но я не слишком расстроилась. Здесь было на что посмотреть — небрежно закрытые книги, поспешно выброшенные в мусорные корзины куски бумаги — все просто кричало о том, что Тени ждут гостей; таблички с указанием секций и странное высказывание, начертанное на древнем языке на одной из стен:

«Отстраненность не есть равнодушие. Обретя первое, познаешь истину, а второе низвергнет разум в пучину страстей».

Я только покачала головой от такой витиеватости и расплывчатости, но задавать вопросы не стала, тем более, что вообще не была уверена, насколько правильно все поняла. Несмотря на все старания Самуэля, древние знания свистели у меня промеж ушей, почти не задерживаясь там, где надо. Зато я не сомневалась, что Аргус ничего бы мне не ответил, я даже была убеждена, что каждый дюйм обители — сокровенная тайна Теней. И тем тревожнее было осознавать, что мне позволили совершить здесь прогулку.

За преградившей нам дорогу дверью нас ждало меньшее по размеру, но не менее грандиозное помещение. Это была просторная зала; напротив входа в нее располагался огромный камин. Полукругом стояли высокие кресла, в которых уже сидели люди, и их тени причудливо отплясывали в свете полыхающего в камине огня. Незанятым в полукруге оставалось лишь одно место...

— Я рад, моя драгоценная, что вы все-таки почтили нас своим присутствием, — раздался резкий голос.

Я удивленно взгляделась в говорившего. Наверное, это и был Рем — глава Теней, Незримый, человек, о котором ни с кем нельзя разговаривать.

— Соизвольте быстрее занять свое место, мы и так прождали вас немислимое количество времени. Спасибо, брат Аргус, вас мы больше не задерживаем.

Я уже давно приговорила провести здесь не лучшую ночь, но все же украдкой вздохнула, набираясь мужества. Когда в твоей жизни появляются Тени — это значит, у тебя не все в порядке с жизнью. И вскоре станет еще хуже.

Усевшись, я оглянулась, но все мои соседи были с ног до головы закутаны в плащи с капюшонами, а лицо Рема, стоявшего у самого камина, не было видно из-за бьющего в глаза света пламени. Я поежилась, ощутив себя вдруг едва ли не нагой.

— Итак, теперь мы наконец сможем поговорить о деле, — Рем прошелся вдоль кресел, остановился и пристально посмотрел на каждого из нас. — Вы должны были заметить некоторые изменения в городе. И вокруг. Я понимаю, имею в виду всех этих тварей, что повывезли из лесов. Мертвецы встают из могил и бродят по улицам, словно так и надо. Боюсь, воины Единого вскоре будут не способны справиться с ситуацией.

Я удивилась: твари из лесов — явление редкое. Настолько редкое, что за все время жизни во Фристаде я не видела ни одну. Изредка, сидя в трактирах с Льюисом и прикидываясь парочкой подвыпивших влюбленных, мы слышали разговоры стражников: будто группа Аскетов вернулась в город с окровавленными мечами. Но верить этим байкам было себе дороже. Ни один идиот не догадается ходить по улицам с окровавленным оружием. Стража хоть и была одной из самых презираемых прослоек в обществе, но полномочий от герцога имела невероятно много. И более чем прохладно относилась к тому, что герцог позволил Аскетам выполнять их работу, а значит — отнимать жалование у стражников и ворошить те осиные гнезда, которые ворошить не следует. И группу неадекватного вида Аскетов стража как минимум попыталась бы задержать и устроить немалые неприятности.

— Мертвецов и раньше было много, — глухо заметил Тень, сидящий правее меня.

— Да? — спросил Рем. — Ну конечно много, вот только находились они преимущественно в местах своего упокоения... а не пытались сожрать ни в чем не повинных горожан.

Теперь я поняла, что так меня смутило. Восставшие, вот почему город очистили от нечистот. Это рассказывал Самуэль еще очень давно, когда обучал меня самым азам: восставшие идут на запах, вонь нечистот кажется им запахом сородичей. И потому безмозглые и довольно легко убиваемые поодиночке медлительные мертвецы собираются в группы у вонючих канализаций, а уже трое, четверо восставших — и справиться с ними очень непросто, а уж если их будет пять или больше...

Я передернулась. Восставшие — очень большая напасть, но что могу сделать я? Неужели Тени собираются обратить меня и натравить на них? Отправить одну и незаметно следовать за мной, а когда я все сделаю — убить и меня? Понимают ли они, что обратят меня понапрасну, что обращенный оборотень не пойдет на вонь мертвечины, а примется за живых горожан?

Мне стало по-настоящему страшно, но я молчала, стараясь не слишком громко дышать. Все равно мне отсюда не убежать.

— Понимаю, мы надавили на герцога, и он дал указания максимально очистить Фристаду от вони и грязи, но боюсь, это не панацея, — Рем вновь медленно прошелся вдоль кресел. — Восставшие и твари плодятся, словно кошки по весне. И мы имеем все основания утверждать, что дальше будет только хуже.

— Ради этого ты нас сюда затащил? — спросил кто-то слева от меня. Я повернула голову и чуть наклонилась, чтобы понять, кто именно говорит. — Чтобы рассказать, как плохо живется в нашем городе? А дальше будет все печальней и печальней? Я и не знал, спасибо, что ввел в курс дела, я так и витал бы в облаках.

Говоривший был резок, но, даже несмотря на это, обладал красивейшим, глубоким голосом. А еще, как я не могла не заметить, он был необыкновенно нахален. Так говорить с самой Высшей Тенью — надо быть или неопенимым человеком, или абсолютным глупцом.

Потом он повернул ко мне закутанную в капюшон голову, и я тут же сделала вид, что рассматриваю книжный стеллаж.

Рем остановился лишь на мгновение, а потом продолжил ходьбу взад-вперед. На наглый выпад он не обратил внимания.

— Прошлой весной произошло еще кое-что. Сильная вспышка магии со стороны Поющего леса. Потом вспышки начали повторяться. Разумеется, нас это крайне заинтересовало, но, увы, узнать мы смогли прискорбно мало.

Он прервался, помолчал, раздумывая и шевеля губами, и продолжил:

— Не думаю, что хоть кого-то здесь заинтересуют подробности тех ритуалов, которыми развлекались Лесные чада. Кому они были важны, тех уже просветили. — Рем посмотрел на меня, словно добавив: «А всяких оборотней детали не касаются». Но, разумеется, добавив это если только про себя. — Вот последний из ритуалов... Мы полагаем, что Вольфгант — ныне здравствующий шаман — подарил человеческое тело Раскалю.

Тишина и раньше стояла гробовая, не считая редких реплик гостей, но сейчас же оглушительное безмолвие разлилась, казалось, над всем миром. Я нервно облизнула губы и прикрыла глаза, решая про себя, как реагировать на эту новость.

Что значит «подарить тело Раскалю», я точно не знала. Хотя словосочетание и выглядело понятным, от Теней можно было ожидать все, что угодно. Зато кто такой Раскаль, знали все. Древесный бог, чудовище из дерева, способное принимать вид огромного дуба, а потом вновь возвращаться в человеческую плоть. Пожирающая людей гадина, не имеющая жалости и сомнения. Хитрый, злобный дух. Раскаль был объектом поклонения Лесных чад и объектом лютой ненависти Аскетов. Меня, как и последних, воротило от него, вернее, от представления о нем. Я не особо была склонна верить в существование любого бога, которому поклонялась та или иная община. Раскаль казался мне отвратительной страшилкой, а его адепты просто ненормальными.

Люди с раскрашенными лицами и странными именами пришли в наши края внезапно и не так давно... по меркам самой Фристады. Столетия два назад в восточных лесах, что лежали у окраины, обосновалась некая странная община. Поселенцы именовали себя Лесными чадами, предпочитали единение с природой и поклонялись древнему древесному божеству — Раскалю. Люди герцога, посланные расспросить незваных гостей, с чем те пришли, вскоре вернулись во Фристаду, отравленные каким-то неизвестным смертельным ядом. На следующие переговоры с Лесными чадами отправились Аскеты... тот день теперь называют «Днем поющей крови». И именно с того самого дня началась история непримиримого противостояния этих двух сил. Несмотря на все усилия, выгнать их из леса не удалось. Аскеты, первое время пребывавшие в шоке только от того, что герцог начал вести переговоры с «погаными», после легализации их общины устроили грандиозный скандал, а глава братства от имени всех его последователей официально запретил поклонение Раскалю.

В конце концов герцог все же нашел способ обложить этих агрессивных дикарей налогами и даже заставил жить, соблюдая законы. Большую часть времени... и в светлое время суток. До сих пор неизвестно, какими жертвами, в прямом и переносном смысле, было достигнуто это соглашение и что конкретно оно требовало от каждой из сторон — власти предпочли оставить его условия в тайне. Известно было только то, что именно тогда впервые произнесли слово «Тени», и именно с тех пор о тайном Ордене стали говорить во Фристаде. Аскеты сдали свои позиции: они были сильны, но Тени владели древней и сильной магией. «Фристаду накрыла Тень» — так говорили, но никто об этом особенно не жалел.

Именно три эти фракции — Тени, Аскеты и Лесные чада — обычно грубо нарушали общественное спокойствие, скрашивая междоусобицами и интригами наши унылые однообразные будни. Остальные же общины были слишком малы и не оказывали серьезного влияния на Фристаду.

Рем не выглядел человеком, который стал бы тратить время на глупые шутки. Но и принять так просто слова о Раскале мне было странно.

— Древний и злобный Древесный бог, — мрачно проговорил Рем. — Теперь живой. Теперь человек.

— Ты сказал, — напомнил все тот же красивый голос, бесцеремонно прервав Рема и не позволив ему сказать то, что он наверняка собирался, — мы полагаем. Предположение — не факт, и ты прекрасно знаешь, куда я обычно засовываю любое твое мнение.

На этот раз в голосе звучали насмешка и злость.

— И как бы то ни было, объясни, зачем ты сюда меня притащил. У меня нет времени выслушивать ваши таинственные бредни.

Рему пришлось отреагировать, а я завопила про себя, присоединяясь к вопросу незнакомца о собственной причастности ко всему происходящему. Раскаль, твари, восставшие — при чем здесь я, никто, неприкасаемая, оборотень, покрываемый Самуэлем, посредственный наемник. Где они все, а где я.

Меня взяла злость пополам со страхом от того, что здесь прозвучало. Но я продолжала молчать, боясь обратить на себя внимание раньше времени.

— Гус, — протянул Рем, не меняясь в лице. — Я пригласил тебя, потому что я могу это сделать. А ты не можешь отказаться. И если тебе угодно так поступать с моим мнением — это твое право, но будь так бесконечно добр, избавь нас от своих комментариев. Они портят мой аппетит.

Человек, которого назвали Гусом, только хмыкнул, а я втянула голову в плечи.

— Древнее и злобное божество, — повторил Рем. — Легенды, которые ходят по Фристаде, гласят, что Раскаль обращается в дуб. Это выдумки. — Тут Рем опять быстро посмотрел на меня, и мне захотелось провалиться сквозь землю. Справедливости ради, он то и дело смотрел на всех по очереди, но мне почему-то казалось, что мне достается от него чрезмерно почестей. — Дух, пожирающий людей. Местные кумушки любят пугать им непослушных детей. И пусть пугают дальше, раз все равно отсюда никто не выйдет без клятвы молчания, горожане ни от кого не узнают правды. Прошу, пресвитер Игнатиус.

Один из присутствующих, завернутый в балахон сильнее остальных, не поднялся, зато сбросил капюшон с головы, и я ахнула. Насколько стар был Самуэль, но этот Тень годился ему в прапрадедушки. Я вообще не была уверена, что он сможет сказать что-то хоть более-менее внятно, но он меня удивил.

— Раскаль, — сильным, хорошо поставленным голосом заговорил пресвитер Игнатиус, — дух-нежить, мертвец, не упокоившийся тысячи веков назад. Предполагают, что когда-то он был оборотнем...

При этих словах я безумно захотела скрыться. Но, разумеется, только лишь захотела, а не скрылась.

— Не стоит однозначно быть уверенным, что это так. Одна из версий, основанная на том, что обращенные кровью оборотни будут истекать этой самой кровью, прежде чем упадут замертво. Не более. Есть также версии, что это шаман Лесных чад того времени. И есть сводная версия, что шаманом был оборотень. Но все это сейчас неважно. То, что скрыто сейчас под Фристадой, Каирны, — ни что иное, как могилы жертв бойни многовековой давности. Несчастных замуровали под горами камней, чтобы они никогда не покинули пределы своих последних пристанищ. Раскаля удалось убить, а дух его запечатать в камне. Как и где именно... — и он взглянул на Рема. — Теперь это тоже неважно. Важно то, что если мы правы, если Вольфгант провел ритуал, возвращающий Раскаля к жизни, не в

прямом, конечно, смысле, но в том, в каком это нужно или самому Вольфганту, или Лесным чадам... А в пользу этого говорит многое: твари, мертвецы, беспокойство в Каирнах.

— Лесные чада поклонялись ему как богу, — заметил Рем. Тон у него был недовольный. — Ему приносили жертвы еще пару веков назад. Сейчас же на наших картах горят магические токены в тех местах, где их быть не должно.

— Если вы облажались, скрытные братья мои, то от меня лично вам — ай-яй-яй. Могу выразиться покруче, — предложил Гус.

— Я знаю, чего ты добиваешься, — Рем развернулся к нему на каблуках. — Чтобы я тебя выгнал. Не выйдет. Ты будешь сидеть здесь и слушать, а клятвы с тебя больше не понадобится. — И он, казалось, забыл про существование Гуса, даже я его беспокоила больше. — Что еще происходит во Фристаде и рядом с ней. На западе Йеджи, на границе с Иниокой, оживились племена Змей, разорены несколько деревень. На востоке Йеджи видели группы орукарати, но и это еще не все...

Малочисленные, но злобные люди-Змеи наводили ужас на Южные края. Там, где они проходили, не оставалось даже пепелищ, не говоря уже о выживших, и за всю свою недолгую жизнь я не слышала ни об одном счастливице, которому удалось бы вырваться с территории, захваченной Змеями. Но они были слишком безмозглой расой, неспособной на то, чтобы стать хоть кому-то союзником, появлялись лишь тогда, когда искали новые норы, а еще их было слишком мало. Их кладки нередко гибли полностью, а взрослые Змеи редко доживали до двадцати пяти лет, во время Безводья умирали десятками, особенно самки и молодежь. Но Змеи так и не вымерли до конца.

— Герцог пока думает насчет подкрепления в виде наших верных братьев, — Рем ухмыльнулся, присутствующие, даже Гус, провели ладонью сверху вниз перед лицами. Это был приветственный знак Аскетов, означающий, что лицо и душа Аскета открывается в этот момент собеседнику, и если честно, никто не верил в этот символизм. Но Тени, видимо, собрались официально, а значит, должны были делать вид, что помянули Аскетов условно добрым словом. — Вряд ли пошлет, — заключил он, — денег с Юга ему не прислали, а до Фристады люди-Змеи никогда не дойдут. Пресвитер?

— Орукарати — подземные племена не-людей, — сообщил Игнатиус. — Они обладают некоторыми зачатками интеллекта, но дисциплина у них хромает на обе ноги. Главная цель в жизни орукарати — сделать как можно больше гадостей людям; ради этого они готовы на все, даже прикончить своего сородича, если тот вдруг захотел отнять добычу. Любимое развлечение орукарати — выпивание пленника: жертву связывают по рукам и ногам, а затем делают на теле несколько надрезов и пьют кровь у еще живого человека. В результате, как нетрудно догадаться, жертва умирает от потери крови. Орукарати придают крови особое значение: считается, что при питье крови они получают силу жертвы. Суеверие? Возможно, но самовнушение — мощная вещь. Особенно если учесть, что развлекаются они так только во время засухи. В остальное же время они безвылазно сидят в пещерах, потому что палящее солнце Южных краев губительно для всех, кроме людей...

Я подумала, что даже на Юге мне не было бы так опасно и страшно, как здесь. По крайней мере, там бы я точно знала, откуда исходит опасность.

— Через месяц придет Великое безводье, и орукарати вымрут, если не успеют укрыться.

— И как это касается нас? — раздался холодный голос кого-то из тех, кто сидел рядом со мной. — Змеи и орукарати — проблемы Южных краев, но никак не Фристады.

— Они глупы, но живут инстинктами. Весной на Юге мало добычи, и Змеи и орукарати

запасаются пищей с осени по осень. Люди умирают от жажды сами, но поят скот, неразумные этим пользуются. Что заставило не-людей выбраться на поверхность весной? Эти расы потревожены магией.

— Какая магия способна проникнуть на сотни миль, через непроходимые горы и море? — не сдавался незнакомый мне человек. — Впрочем...

Он осекся, а Рем горделиво вскинул голову.

— Полагаю, что ты и сам ответил на свой вопрос, Церитин, — с презрением ответил он. — Как только немного подумал. Если ты сидишь здесь, мой недалекий брат, то значит, что проблема Змей и орукарати относится и к тебе.

— Придержи язык, Рем, — угрожающе процедил Церитин. — И впредь будь пожеливее, все же с нами дама.

— К слову о дамах... — гаденько улыбнулся Высшая Тень, предвкушающе стрельнув в мою сторону глазами. Но предпочел пока не возиться с моей персоной. — Змей и орукарати — это еще далеко не все. Главное — то, как Вольфганту удалось дать Раскалю тело. Способов, наверное, существует великое множество, но Вольфгант избрал самый простой.

Рем помолчал, вслушиваясь в наше дыхание и потрескивание огня. Все ждали. Мне очень хотелось съязвить насчет драматической паузы, но я помалкивала.

— Суть ритуала Вольфганта состояла в том, чтобы поместить всю свою магическую силу в мощнейший артефакт. Если быть точнее — в Книгу Памяти. Слышали о такой? — И Тень в упор посмотрел на меня.

Книгу Памяти сделал какой-то архивариус Аскетов полтора века назад, и сразу после создания Книга исчезла. Не потерялась, не осыпалась прахом и даже не была украдена, а именно исчезла. Этот артефакт задумывался как вещь, способная хранить в себе имена всех врожденных магов и определять их местонахождение. Казалось бы, ничего особенного: исчезла и исчезла, невелика потеря; но автор сразу после исчезновения бросился к самому герцогу за помощью. Как выяснилось, Книга изготавливалась с помощью подчиняющего зелья на крови, а штука эта обладала мощной силой, в умелых руках способной за раз сравнять с землей среднего размера город вместе со всеми его жителями. На вопрос, на кой ляд делать такой мощный артефакт только для того, чтобы знать имена всех прежде и ныне живущих магов, создатель внятно ответить не смог. Поразмышлять же над этим подольше ему не довелось, поскольку вскоре его казнили: к подобного рода экспериментаторам герцоги всех времен относились без всякой жалости.

Книгу искали долго и тщательно, потому как стоило ей только попасть не в те руки... Но никто так и не смог найти пропажу, и поиски прекратили. Все произошло так давно, что историю эту почти забыли и использовали лишь в поучительных целях, дабы удержать артефакторов-новичков от подобных необдуманных экспериментов.

— Нам неизвестно, где и каким образом нашел ее Вольфгант, — продолжил Рем, наслаждаясь произведенным эффектом, хотя, как я могла заметить, удивились только я и Гус. Очевидно, Тени и так были в курсе. — Вольфгант — сильный шаман, но для того, чтобы за много миль отсюда пробудить орукарати и Змей, у него никогда не хватит магической мощи.

— И поэтому ты убежден, что он нашел Книгу Памяти, — съязвил Церитин. — Мне нравится, как ты самоуверен, Рем. Это хорошая черта для главы... города или армии, если глава хочет как можно скорее потерять или то, или другое. Орден-то все равно никуда не денется...

— Книга обнаруживает врожденных магов, — напомнил пресвитер Игнатиус. И по его недовольному голосу я поняла, что именно он и предложил эту версию, а еще — я сразу поверила в нее. — Она не только знает их имена, но еще и влияет на них. Несущественно, но влияет. Но это касается только людей. Другие же расы... — Он бросил в мою сторону быстрый взгляд. — Кхм, не обладающие достаточным интеллектом, ощущают магию Книги гораздо сильнее. А поэтому полудикие орукарати и Змеи сходят с ума, не понимая, что происходит.

— А оборотни на Волчьем острове не сбесятся? — снова оживился притихший было Гус. — Иначе отсюда точно пора сваливать как можно скорее.

— На оборотней и дангатов Севера Книга влияет, как и на врожденных магов. Возможно, немного сильнее, и только. Основное отличие дангата от орукарати — наличие разума, — спокойно пояснил пресвитер.

Гус блаженно выдохнул.

— Наличие разума — лучшая вещь на свете, — сказал Гусу Рем. — Жаль, что тебе, увы, этого никогда не понять.

— Послушай, промагистр, — перебило его новое действующее лицо: средних лет мужчина с каштановыми волосами снял капюшон, демонстративно скрестил руки на груди и проговорил, нарочито растягивая слова: — Не знаю, как остальные, я верю в предложенную пресвитером версию.

Оказалось, что так подумала не я одна, и потому я с благодарностью посмотрела на говорившего.

— Тени не маги. Точнее, они маги обученные, не врожденные. Они ученые, не более того. Да, — он повысил голос, потому что заметил, что Рем собирается ему возразить. — Та магия, которой владеют Тени, сильнее, чем магия любого врожденного мага, сильнее любой из когда-либо созданных Книг. Но Книга на вас не влияет, и значит ли это, что сейчас вы бессильны?

Рем переменялся в лице. Впрочем, я тоже.

— Разумеется, полковник, — сквозь плохо скрытое подобострастие пробилась ухмылка. — Мы бессильны до тех пор, пока Книга не окажется в наших руках. Но с нами существо другой разумной расы и врожденный маг. Не могу утверждать, правда, что он тоже разумен. Но они оба — те, кто должен чувствовать Книгу именно так, как нам надо.

Теперь на меня смотрели уже все, причем с пониманием. В лице посланника герцога был неподдельный интерес, пресвитер Игнатиус выражал сочувствие, а вот Гус никак не мог выбрать какую-нибудь подходящую эмоцию и поэтому был похож на паяца с Рыночной площади.

А я... Я потерялась от услышанного совершенно.

Я должна найти Книгу Памяти?

Пресвитер откашлялся.

— Вольфгант вынужден постоянно носить Книгу с собой, — вернулся он к своему повествованию. — Или, возможно, он ее где-то спрятал, но тогда он ее должен был спрятать так, чтобы до нее не смогли добраться неразумные.

— Поэтому вы решили, — нахально улыбаясь, спросил Гус, — что именно врожденный маг и должен поискать для вас эту Книгу? Да, промагистр? Одно ты забыл: я давно покинул ваши ряды.

— Но перед этим ты принял Присягу, — оборвал его Рем. — Теперь ты не слишком удачливый маг-отшельник, пробивающийся варевом сомнительных зелий. Связанный обязательством. Впрочем, если ты вдруг откажешься, милорд полковник, я полагаю, охотно позволит тебе сменить твою развалину на крепкие стены Алых Крестов. Жильем ты будешь обеспечен до конца своих дней. Не очень долгих — в Алых Крестах жизнь так коротка...

Я покосилась на полковника. Не знаю, понравилась ли ему эта идея, но он промолчал.

— И я, — вставила я, воспользовавшись моментом, — тоже? Потому что я... оборотень?

Гус фыркнул и снял капюшон.

— Ты больше похожа на милую кошечку, — хохотнул он, — чем на волка.

У Гуса было смуглое и хитрое лицо, черные растрепанные волосы и глаза разного цвета. Выглядел он тем еще лоботрясом, но обаятельным. Он смотрел на меня и улыбался, и было в его улыбке что-то такое, что хотелось не злиться на него за нахальство, а улыбаться ему в ответ.

— Шучу. Я знаю, что вы не обращаетесь, пока не обращаетесь. — Выдав такое странное заключение, Гус с досадой поморщился и стал серьезен. — Вообще-то я не подписывался на подобные авантюры. А кошечка — ну, не знаю.

Поиск Книги.

Я была ошарашена. Теоретически я, конечно, могла бы попробовать. Самуэль неплохо меня учил, потому что хорошо или почти хорошо я умела делать только одно...

— Она умеет скрываться, — пояснил Рем. — И делать это так, как может делать только врожденный маг. Как ты, Гус, мог бы, наверное, научиться, хотя ты порядочный лентяй и к тому же бездарь. Когда-нибудь я изучу этот вопрос — откуда и как появляются люди со способностью к колдовству... и не-люди тоже. Пока же это такая же тайна, как Белая Графиня.

Это был, наверное, ответ на резкость полковника. Все герцоги Фристады были темноволосые, кроме сестры нынешнего властителя. Графиня Андреа обладала белыми как снег волосами и такими же бровями и ресницами. Но, поскольку рождение наследников в правящей семье испокон веков проходило едва ли не прилюдно, то есть каждый желающий, кроме, конечно, неприкасаемых, мог подойти и посмотреть на муки герцогини в специально поставленном на Круглой площади шатре... В общем, я не хотела бы быть герцогиней Фристады.

Рем переводил взгляд с меня на Гуса и обратно. Не дождавшись от нас ответа, он переключился на Игнатиуса и получил от него вежливую улыбку.

— Что, никто не хочет дать согласие? — вдруг вспыхнул Рем. — Бойтесь? Бойтесь, что пошлют в самый пожар? Страшно?

Теперь уже мы все смотрели на него с явным удивлением.

— Это, конечно, нормально — быть слегка не в себе после таких новостей, но, право слово, это не причина так нервничать, — заметил Рем, хотя ему самому следовало бы прислушаться к собственному совету. — У нас нет выбора, и у вас нет выбора.

— Милорд полковник, у тебя есть выбор? — мрачно спросил Гус.

— Если я это скажу, маг-отшельник, ты не выйдешь отсюда живым, — осклабился в ответ полковник, и меня передернуло от заносчивости в его голосе.

— Вот поэтому и я молчу. Не стоит вам знать лишнего, — пряча едва заметную в неровном свете пламени ухмылку, склонил голову Гус, пропустив мимо ушей выпад посланника герцога. — И поверьте: я планирую убраться отсюда сразу же, как только появится такая возможность... а впрочем, даже если она и не появится.

— Дайан?

Голос Рема вывел меня из раздумий, и я внимательно посмотрела на Высшую Тень.

— Твоя очередь...

— Моя очередь сказать, что мне наплевать на ваши планы? — криво улыбнулась я. — Кажется, все, кроме меня, уже обменялись любезностями, да?

— Господину промагистру показалось, что ты подозрительно тихо себя ведешь, — подсказал Гус и подмигнул мне.

— Тебя ведь довольно долго не было в городе, — неожиданно сменив тему, заметил Рем. Я с удивлением воззрилась на него:

— А откуда вы знаете? — я недобро сощурилась. — Я думала, мои дела никого кроме меня не касаются...

— Мы ждали тебя целый месяц, — демонстративно развел он руками.

— Что ж, я действительно отсутствовала месяца два, — согласилась я, чувствуя, как внутри волной поднимается раздражение. И я действительно скрывалась, у меня были на то причины. Кто-то в общине обмолвился, что во Фристаде видели оборотней с Волчьего острова. Я сочла за благо на время удрать. — Как-то не подумала, что мои личные дела пойдут вразрез с вашими грандиозными планами.

— Если бы нам было очень нужно, мы бы тебя все равно нашли, — добил меня Рем. — Но время пока терпело. А теперь нам пора закругляться. Дайан... насколько я знаю, ты состоишь в общине наемников Самуэля, и он отлично выучил тебя за эти пять лет, хоть такой срок и незначителен для подобной профессии...

— Что я должна сказать? — спросила я прямо. Гус одобрительно усмехнулся: он тоже, судя по всему, не любил долгие словесные игры, которыми так увлекались Тени.

— Вы оба должны дать прямое согласие на кражу Книги. Ты — оборотень. Оборотень, способный к магии. Возможно, подобные оборотни рождались, если не на Волчьем острове, то в Моркнотте. Возможно, ты — исключение из правил. Я не могу точно ответить на этот вопрос. В твоей родне не встречались дангаты?

Рем, конечно, пошутил, попытался разрядить обстановку, и я выдавила кривую улыбку. Дангаты были дальними родственниками Змей, разумными и при этом довольно мощными врожденными магами. Но, насколько я была в курсе, оборотни никогда не были покрыты шерстью в обычном облики и не откладывали яйца.

— Но я знаю точно: ты могла скрываться, если хотела, и до того, как попала к Самуэлю. Тебя не замечали — иначе бы ты здесь не выжила. Редкий дар: тебя не просто словно не видят люди, тебя почти невозможно обнаружить с помощью обычной, врожденной магии.

Понимаешь? Никто не сможет тебя найти; если ты, конечно, не попадешься ищущему магу на глаза. Вольфгант тебе не опасен. Но учти, что даже нам отыскать тебя там, где много чужой магии, может быть весьма сложно. Помни об этом, если ты вдруг попадешь в беду.

— Меня вам совсем не жалко? — горько усмехнулась я. — Меня и... Гуса?

— Нам никого не жалко, — спокойно ответил Рем. — Кроме Фристады. Если сейчас мы не сможем уничтожить Вольфганта — он уничтожит всех нас. У тебя не так много вариантов, из которых можно выбирать: мизерный шанс уцелеть, если мы предотвратим катастрофу, и верная смерть на войне, как у всего твоего племени. К тому же, уж поверь на слово, у меня найдется способ заставить тебя согласиться на это задание... но я не хотел бы к нему прибегать, ибо все еще надеюсь разрешить наши разногласия мирным путем.

Я призадумалась. Да, обреченность оборотней в случае бойни. И моя семья, которая меня искала. И мой проклятый брак!

— Я согласна, — быстро объявила я, чтобы не передумать. — Я согласна. И... — Я посмотрела на полковника. — При условии, что милорд полковник... что я получу аудиенцию у его высочества.

Полковник чуть улыбнулся.

— Даже не буду спрашивать, зачем она тебе. Но будь по-твоему.

Он, конечно, вообще ничем не рисковал, обещая мне это. И я понимала, что ему ничего не стоит взять свои слова назад. Неприкасаемая хочет взглянуть на правителя Фристады, всего-то.

Но это все-таки был шанс, ничтожный, но шанс. Я могла бы попросить герцога расторгнуть этот брак, а он мог бы взять и согласиться на это.

— Даже и не мечтайте, — сказал Гус. — Вольфгант мне не враг, да и я не самоубийца.

— Мне бы не хотелось прибегать к силе, Гус, — сухо сказал Рем.

— Мне бы тоже, — в тон отозвался маг-отшельник, поднимаясь со стула.

— Сядь! — рявкнул Хранитель. — Наш разговор еще не окончен! Ты будешь в этом участвовать вне зависимости от своего желания, и мнение твое здесь ничего не решает и никого не волнует!

— Ну давай, заставь меня, Рем, — понизив тон, криво ухмыльнулся Гус.

В ответ на его реплику я ожидала увидеть как минимум с десяток стражников, дюжину вооруженных братьев Ордена и, возможно, даже отряд Аскетов, вбегающих в библиотеку, а также пытки, уговоры и прочие принудительные меры, но Тень лишь мерзко улыбнулся и, поправив очки, продолжал:

— Ладно. Алые Кресты тебя не пугают... Но, допустим, я обещаю тебе вольную.

При этих словах у Гуса отвисла челюсть.

— Я избавлю тебя от Присяги, — вещал Рем. — Устроит тебя такой вариант?

— Это чистой воды самоубийство, — вздохнул Гус. — Мы не сможем украсть эту Книгу. Вдвоем. Раз вы выбрали нас лишь потому, что Книга должна привести нас к себе, вы совсем растеряли свою компетентность...

— Не рассуждай о вещах, тебе неведомых, неразумный! — взвился Рем. — Компетентность Ордена тебя не касается! А ваше участие в этом деле, еще раз повторяю, дело уже решенное...

— Решенное кем? — перебила я.

— Только вы сможете подобраться к Вольфганту незамеченными и забрать у него Книгу! — уже спокойнее сказал Рем, проигнорировав мой вопрос.

— Я согласен, — внезапно заявил Гус. — Я согласен, если ты избавишь меня от Присяги.

Рем поднял руки, распуская собрание. Тени потянулись к выходу, впереди шествовал полковник. Нам с Гусом и пресвитеру Рем сделал знак задержаться.

— Ты видела, кошечка? — спросил меня Гус. — Никогда не бойся людей, которые обнажают нож, чтобы заставить тебя что-нибудь сделать. Бойся тех, от кого ты зависишь настолько, что они могут изменить твою жизнь. Сделать тебя свободным. Или счастливым. Смелость тут не поможет — отказаться от свободы нужна совершенно другая смелость...

Я тогда не знала, что надолго запомню его слова.

III. Я теряю друга и обретаю врагов

Домой я добиралась под утро, крадучись в жидких тенях, избегая сонных стражников и сосредоточенно бормочущих молитвы Аскетов. Солнце, все еще прячущееся за горизонтом, обещало теплый день, а у меня голова шла кругом от ожидающих меня перспектив. Брат Аргус не соврал — я действительно освободилась «до завтрашнего вечера», то есть даже до утра, но ночка выдалась у меня все равно не из легких.

Книга, Вольфгант — я видела его достаточно часто в городе, — обычный хмурый человек, разрисованный грубыми татуировками. Но все Лесные чада носили их в том или ином количестве. Он не был ни высок, ни низок — человек, каких много. Но вот обычный человек принес столько проблем, а меня бросили в пекло. Вместе с человеком по имени Гус, посмевающим называть меня кошечкой, будто мы знакомы тысячу лет. По-видимому, он ушел от Теней, и те были этим недовольны.

После того как Рем отпустил высокое собрание, нас Гусом развели по разным комнатам, и больше я его не видела. Пресвитер Игнатиус рассказывал мне о Лесных чадах и Вольфганте, о Книге, о Раскале, и я мало что запомнила из его слов: все это давно стало историей. Потом его сменил Церитин, оказавшийся целителем, который долго читал над мной какие-то напевные заклинания и коптил странно пахнущей лампой. Когда Церитин закончил меня коптить, он что-то записал в маленькую книжечку, довольно улыбнулся и сказал, что у меня достаточно сил, чтобы первое время противостоять магии Вольфганта. Увы, протяженность этого времени он не уточнил, чем не слишком меня обнадежил.

Потом мне принесли поесть, а через час вернулся пресвитер, сел напротив меня, сложил ручки и принялся учить меня простеньким заклинаниям. «Простеньким» в его понятии было: вызвать свет, создать магический блик, если вызвать свет не получилось, закрыть на расстоянии окна или двери, открыть замок... у нас с ним явно не совпадали понятия о простоте, и в итоге Игнатиус, вздохнув, отпустил меня восвояси.

Я свернула в узкий переулочек между жилой и трактирной частью Грейстоуна и по привычке затаилась, увидев чеканящих шаг стражников. Время полнолуния еще не пришло, и глаза мои были нормального цвета, но я предпочла сразу скрыться.

Я вышла из тени крытого переулочка только тогда, когда шаги затихли за поворотом. На краткий миг мне показалось, что за моей спиной колыхнулась густая тень, но, присмотревшись, я разглядела лишь крысу.

Я знала, что Тени не станут за мной следить. Они понимали, что идти мне некуда. И что Самуэль не оберется проблем после моего исчезновения. А я на это никогда не пойду, это они тоже должны были знать. Магия, которая могла им помешать меня найти, не была относительно слабым врожденным даром, который действовал лишь в небольшом пространстве непродолжительное время. Это мне рассказал Игнатиус, стараясь выдавить из моих ладоней хоть подобие света. А других магов здесь никогда не наблюдалось... Судя по всему, Вольфганта с его Книгой поблизости не было тоже.

Крысы же были безмолвной и крупнейшей частью населения Фристады. Их серые тельца пролезали везде и сжирали все, что возможно. Но, подумала я, если крысы все еще здесь, Фристада не тонет под напором тварей Раскаля, как убеждал всех Рем.

При бедствиях крысы бежали первыми. И я в конце концов выкинула из головы взволновавшую меня тень в глубине переулочка и прошмыгнула под аркой, разделяющей

Грейстоун и квартал Эрмет. Стоило поразмышлять о том, что я услышала — я догадывалась, что услышала далеко не все. Только то, что хотели Тени, и вполне вероятно, что правда была иной.

Лесные чада и Аскеты поделили Фристаду для своих богов и, как ни странно, богов обеих сторон устроило разделение, но фанатики обожали устраивать потасовки с кровищей и кучей трупов, отчего нередко страдали горожане, просто оказавшиеся на свою беду рядом. Когда враждующие стороны слишком расходились, Тени стравливали верхушки, и в итоге от двух могущественных организаций оставались обезглавленные, обескровленные секты, даже не помышляющие о сражениях с неверными и насаждении своих идеологий. Горожане вздыхали спокойно, а Аскеты с Лесными чадами на время затихали, занятые зализыванием ран. Мало-помалу они восстанавливали силы, пока их не накапливалось достаточно для новой заварушки, и старая история повторялась на новый лад... но я жила во Фристаде уже шестой год и ни разу не видела стычек, хотя слышала, что последняя резня была лет двадцать назад. Возможно, это означало, что новая Кровавая ночь — Древесная или Ночь бессребреников, название придумывали позже, по наименее пострадавшей стороне, — не за горами.

Аскетов горожане называли бессребрениками, но в этом крылась большая ирония. Появились они во Фристаде одними из первых, и, несмотря на подчеркнуто скромный образ жизни своих членов, вплоть до аккуратно потрепанных рубищ, братство было неприлично богато. Повсюду строились церкви Аскетов и братские дома — шпили, каменные особняки с круглыми глубокими арками, высокие здания, витражи в Храмах Единого и резные каменные горгульи, украшающие почти все старинные постройки. Аскеты проповедовали чистоту помыслов и отказ от мыслей о бренном, и потому многое из того, что так облегчило быт простых горожан, — водопровод и городской канал, мосты и даже Девять ворот Фристады, — все это было сделано Аскетами, считавшими, что истинный поклонник Единого не может отвлекаться на думы о телесных нуждах своих и должен лишь помышлять об умерщвлении плоти.

Много веков назад тогдашний герцог, увидев выгоду для города, вступил в братство Аскетов, и с тех пор их власть укрепилась на несколько сотен лет. Аскетизм стал религией Фристады, братья — кем-то вроде стражей. Им пришлось пересмотреть свои взгляды на бренность, и молодые адепты каждую ночь вместе со стражей патрулировали улицы, вкладывая все силы в охрану горожан от разбойников и воров, а иногда и от кое-кого пострашнее... например, от злобных тварей, изредка выползавших из Каирнов — древнейшей гробницы Фристады. Во время войны с оборотнями Моркнотта воины Аскетов, посланные герцогом на подмогу — за немалую мзду, конечно, — сражались в первых рядах бок о бок с солдатами объединенной Армии Северных пределов. Некоторые братья до сих пор состояли в теплых дружеских отношениях с герцогом, что не могло не влиять на политику.

А я не хотела вмешиваться в политику, где Тени были третьей и мощной силой, и Самуэль бы не одобрил этого никогда, даже зная, что я могу получить в награду. Свободу. Но правильно сказал Гус: отказаться от свободы нужна совершенно другая смелость... Он ничего обо мне не знал.

Пора было подумать о Гусе — человеке, с которым мне придется работать, и о том, что нам делать, но тут ветер неожиданно донес горький, металлический запах. Его ни с чем невозможно было спутать, и он вовсе не манил, как думали люди, не пробуждал чувство

голода или желания убивать.

Кровь желанна лишь тогда, когда ее попробовал, когда из человека превратился в голодное чудовище, неспособное ни на что, кроме насилия, когда разум отказывается подчиняться. Для меня запах крови был запахом-предупреждением. Это та грань, за которую я не должна была заходить, за которой я потеряла бы все, что у меня появилось благодаря Самуэлю, так неожиданно пожалевшему меня много лет назад.

Внешний двор форта Флинт, где меня ранее нашел Аргус, заливала предрассветная дымка, а стражников на входе в форт не было. Тупо посмотрев на пустое место у двери, я было пожала плечами, а потом, сложив один и один, насторожилась.

Запах крови и брошенный пост — все вместе это означало неприятности. Запах приносило морским ветром, а значит, со стороны старого кладбища, за которым и находилась наша община.

Я кинулась бежать, выкинув из головы все мысли о Тенях и Вольфганте.

Границы общины мы охраняли так же строго, как Аскеты оберегали свой форт, и я все же сомневалась, что беда произошла у нас. Кладбище было огромным, и порой его было сложно контролировать — богатая молодежь проводила здесь свои смешные ритуалы, а Лесные чада из особо одаренных умом то и дело пытались поднять мертвецов. Бандитские разборки и многое другое — старое кладбище, на котором легко затеряться, было идеальным местом для всевозможного рода глупостей.

Но я все равно бежала по вытоптанной дороге, разделяющей погост на две неравные части, и запах крови бился в мой нос. Сильнее и сильнее, когда закончились городские стены и ветер смог разгуляться по всему пространству.

Ветер оборвался внезапно, и я остановилась, судорожно оглядываясь. На первый взгляд совсем никого — старые могильные камни, деревья, кусты и гуляющий посреди всего этого туман, что стелился от вечно холодного моря. Оно было недалеко — вместе с кровью я чувствовала запах соли, водорослей и рыбы.

А потом я скорее почувствовала, чем услышала, тихий скулеж и легкий треск веток слева от меня. Запах крови был теперь везде даже без ветра, несомненно, я пришла, и от облегчения, что это, скорее всего, очередная разборка воров, богатых недорослей или Лесных чад, не поделивших куски свежоткопанного трупа, едва не рассмеялась. Плевать на них, главное — Самуэль в порядке.

Вытащив кинжал, я бесшумно подкралась к кустам, откуда доносился скулеж, и резко, не оставляя место страху, отодвинула ветки.

И отпрянула.

В предсмертной маске на меня скалилась нечеловеческая морда какой-то твари. Желтые змеиные глаза с вертикальным зрачком уже подернуло мутной пеленой, изо рта стекала густая красная кровь, а в животе зияла страшная рана. В агонии тварь зажимала перепончатыми лапами рану. Чуть поодаль я увидела топор с красными засечками на рукояти — типичное оружие Аскетов, занятых охотой на разную нечисть.

Тварь была огромна и мне незнакома. В книгах Самуэля я видела некоторых, некогда прорывавшихся за стены Фристады и запечатленных в хрониках Аскетов, но такую — никогда. Она была не очень похожа на лесного жителя. Ее кожа напоминала мне ящеричную — вся в прожилках и буграх, и все же, несмотря на страшную рану, тварь еще жила. Конечно, выжить после такого удара невозможно, Аскеты знают свое дело, но и умереть не сразу — уже показатель, сколько же силы было в этом огромном теле.

Я дернулась и огляделась. Если есть одна тварь, значит, может быть и другая. И мне, вероятно, придется искать владельца топора. Но прежде стоило убедиться, что мне самой не угрожает опасность.

Прислонившись спиной к могильному камню, я смотрела и слушала, но видела лишь сгущающийся туман и ветки-когти, выступающие из него, словно руки Древесного бога. И тварь все еще скулила — едва слышно, но напряженный слух, взбудораженный страхом, улавливал все звуки.

Чуть погодя я убедилась, что погост пуст и никакой другой твари нет. Я вспомнила, с чего начал свой рассказ Рем, и обругала себя и за забывчивость, и за неверие. Тени действительно правы, и пусть тварь не вылезла из леса, а прибыла с моря — я видела вместо ушей жабры, — что-то неладное происходило в нашем городе. Но сейчас пора было отыскать труп Аскета и позвать Самуэля: обычно такие скорбные дела улаживал он. А то, что Аскет мертв, сомневаться не приходилось, вряд ли возможно выжить после встречи с подобной гадиной.

Я осторожно подошла к едва дышавшей твари, занесла освященный Аскетами кинжал — украденный лет сто назад, но силы не потерявший — и на мгновение замерла: дать ли твари дожить? Самуэль наверняка захочет поговорить с ней, узнать, зачем она пришла. Но не все твари были разумными, не все умели говорить. И многие из них имели столько силы, сколько от них совсем не ожидаешь.

Я снова вспомнила слова Теней: Книга влияет на неразумных, ударила в горло и быстро отошла.

Скулеж тут же прекратился. Тварь умерла, и я, ощущая то самое мерзкое чувство раскаяния, успокоилась. Их нельзя оставлять в живых, иначе от тебя самого мало что останется. Твари не жалели ни детей, ни стариков, им было все равно, кого жрать, но все равно я думала о том, что не имею права отнимать то, чего не создала.

Покачав головой, я углубилась в кусты и вскоре в тумане нашла мертвого молодого Аскета, он лежал, лицом уткнувшись в землю, и, перевернув тело, я с дрожью закрыла ему глаза. Тварь сломала ему ребра и, судя по окровавленной пустоте в груди, сожрала сердце...

Чувствуя неприятный холодок по спине, я задалась вопросом: кто же в таком случае убил тварь?

Поднявшись с колен и краем сознания отметив, что со стороны общины приближаются люди, я обошла место бойни по кругу, всматриваясь в туман, а когда заметила еще одно тело, почувствовала, что сердце проваливается куда-то вниз.

Это был Льюис. И он был мертв.

— Подожди, Дайан! Не надо!.. — донесся чей-то оклик откуда-то издалека, но было уже поздно. Кажется, потом мне кричали что-то еще... но я уже ничего не слышала и не видела ничего вокруг.

Тело пронзила судорога, и я замерла, не в силах даже дышать. Не в силах поверить своим глазам. Отчаянно цепляясь остатками разума за обрывки мечущихся в панике мыслей.

Этого просто не может быть... Это какая-то ошибка, обман зрения... Это неправда...

На меня смотрели остекленевшие глаза Льюиса. Глубокие царапины обезобразили гладкое, красивое лицо, теперь застывшее в уродливой гримасе предсмертного крика, а его окровавленные ладони все еще зажимали страшную рану — практически полностью распоротый живот.

Я словно окаменела: тело не слушалось, воздух отказывался идти в легкие. И только стук сердца, набатом отдающийся где-то в затылке, доказывал, что я еще жива.

Я резко зажмурилась в надежде, что вот-вот проснусь и все это окажется лишь кошмарным сном... Через несколько секунд я медленно открыла глаза.

И ничего не изменилось. Передо мной по-прежнему лежал мой мертвый друг, уже успевший остыть.

Я с трудом протянула непослушную руку к лицу Льюиса и закрыла ему глаза. Ладонь трясло, будто от холода.

Нет.

Нет.

Нет.

Это невозможно...

Кто-то подошел ко мне со спины, обхватил за плечи и поднял на ноги. Я качалась, словно на ветру, и точно бы упала, если бы заботливый некто не придержал меня за локоть. Затем меня куда-то повели. Я не хотела идти, не должна была, просто не могла. Душа буквально разрывалась на тысячу частей. Мне было больно, тоскливо, горько и страшно.

Страшно, что Льюис больше никогда не будет встречать меня по утрам веселыми шутками; никогда не будет смешно опускать взгляд, когда я подшучу над ним в ответ; никогда не будет задавать глупых вопросов и звать на свидания. Никогда. Вообще. Зато он сдержит свое обещание и никогда, никому не расскажет мою тайну. Такой вот страшной ценой.

Я этого не хотела.

А взамен наше кладбище станет больше еще на одну могилу.

Перевернутые боги, как же так...

— Пойдем, дочка... — Кто-то ласково звал меня, но я с трудом понимала значение слов. — Пойдем, ты уже ничем ему не поможешь.

Я подняла голову и увидела перед собой Самуэля. На его щеках тоже блестели слезы.

— Пойдем, моя хорошая, пойдем...

...Кажется, я проспала целую вечность. Утро, словно наперекор тому ужасному дню, оказалось ярким и солнечным. Лучи солнца проникали в мою комнату сквозь полупрозрачные шторы; в косых столбах света танцевала взвешенная в воздухе пыль.

Я лежала, уставившись невидящим взором в потолок, и думала.

О том, откуда появилось это чудовище; о том, кем или чем оно вообще было; о том, много ли еще таких тварей ждет своего часа в темных закоулках Фристады; о том, почему Льюису никто не пришел на помощь... вновь одни вопросы, и ни одного ответа. О том, кто убил проклятую тварь. А стоило опустить веки, как тут же из памяти вставала страшная картина: мокрая от крови земля, мертвенно-бледное, искаженное ужасом лицо Льюиса, и особенно четко — его остекленевшие пустые глаза.

Вчера, когда Самуэль привел меня домой, я была не в состоянии осмыслить произошедшее. Визит к Теням, новости о Вольфганте, приказ выкрасть Книгу, почти ночь практически в заточении и в довершение — гибель Льюиса... слишком многое произошло за столь небольшой промежуток времени. Но сейчас я была готова. По крайней мере, мне так казалось.

Я медленно встала с постели, и затекшие от долгого лежания в одной позе мышцы отозвались по всему телу тугой болью. Кое-как одевшись, я поплелась на кухню. Как я и думала, Самуэль уже ожидал меня там.

Он сидел у холодного камина, глядя в согреваемую руками чашку с успевшим остыть чаем. Вокруг губ Самуэля залегли глубокие морщины, плечи его поникли — куда только делась привычная гордая прямая осанка. Глава общины словно постарел за прошедшие сутки лет на десять — то, что произошло ночью, не на шутку его подкосило. Разумеется, мы несли потери не в первый раз, труд наемника во все времена был сопряжен с риском, но они никогда еще не были такими... внезапными, ошеломляющими и необъяснимыми.

Плачевное состояние Самуэля ранило меня не меньше, чем гибель Льюиса. Задержавшись на секунду в дверном проеме, я осторожно шагнула из коридора в кухню. Первая же половица предательски скрипнула под ногами, и я поняла, что переоценила свои возможности — координация движений после перенесенного стресса была нарушена. Самуэль тут же поднял взгляд от чашки и посмотрел на меня печально и устало. Только тогда я смогла увидеть, что задорный огонек, всегда, что бы ни случилось, плясавший в его добрых и внимательных глазах, потух. Прежде у старика были яркие синие глаза с пригоршней лукавства и смеха; теперь же в них плескалась лишь боль.

Больше не таясь, я пересекла кухню и заняла второе стоящее у камина глубокое кресло. Выдержав паузу, необходимую, чтобы собраться с силами и мыслями, я глухо спросила:

— Как это произошло?..

Молчание было долгим. Столь долгим, что я уже намеревалась повторить вопрос, решив, что старик меня не расслышал или не понял; однако спустя минуты, показавшиеся мне вечностью, Самуэль наконец заговорил, медленно и тихо.

— Я не видел, дочка. Я не ждал вас обоих той ночью.

— Что за тварь сотворила с ним такое? — в горле вновь встал комок, но я изо всех сил держала голос ровным.

— Минуталь. Слышала о них? Наверное, нет, их не было видно сотни лет.

— Нет, — я покачала головой. — Но теперь я хочу знать о них все. Как оно вышло? Почему оказалось на кладбище? Зачем напало на Льюиса?!

Самуэль внимательно посмотрел на меня и грустно улыбнулся.

— Ты... — выдавила я. — Ты знал?

— Что ты пойдешь к Теням тем вечером? Нет. Но я знал, что они тебя ищут.

— Знал и не сказал мне? — вяло удивилась я. — На тебя не похоже.

— Я не вмешиваюсь в тайны Теней, — миролюбиво ответил Самуэль. — Брат Аргус

спрашивал о тебе пару раз, пока ты была в отлучке. Тени никого не ищут просто так. Перечить им бессмысленно.

Я свернулась комочком в кресле, подобрала под себя ноги и так сидела какое-то время, слушая, как за стенкой скребется мышь.

— Я знал, что во Фристаде что-то происходит. Непонятное и страшное, и странное. Говорят, что твари лезут из всех щелей. Говорят, в Каирнах шевелятся восставшие. Наше кладбище освящено силой Единого — вот и не верь потом в бога Аскетов, да. На нашем кладбище было тихо... Но я не знал, что зло уже так близко.

Я встала, подошла к остывшей плите, разожгла ее и принялась варить себе кофе.

— Я должна тебе кое-что рассказать, — покаялась я, не поворачиваясь к Самуэлю. — Тени действительно искали меня. И я знаю, что происходит, но не знаю, почему Льюис, почему именно он...

Сколько бы ни было лет Самуэлю, каким разбитым он ни был, он подбежал ко мне резво, как мальчик, перехватил из затрясшихся рук кувшин и увлек меня на кресло. И там, прижавшись к Самуэлю, уткнувшись лицом в его теплое плечо, я рыдала, безостановочно, горько, по-детски, рыдала так долго, слушая успокаивающий ласковый шепот, пока, наконец, не почувствовала, что выплакала со слезами жгущую боль.

Самуэль сварил кофе, принес мне холодной воды. И я все рассказала — и про предложение Льюиса, и про брата Аргуса, будь он трижды неладен, и про Теней, про Вольфганта, пожри его Серый бог, про Книгу, про то, что я согласилась ее украсть.

— Я подумала, что смогу, — закончила я. — Что герцог избавит меня от браслета. Наверное. Это же шанс?

Самуэль, уже сидящий в другом кресле, вздохнул.

— Возможно. Все может быть. Не герцог, так Белая Графиня. Она покровительствует Плачущим сестрам, она держит странноприимный дом. У нее не меньше власти, чем у герцога, и она очень умна. Я понимаю, почему ты пошла на это.

— И почему именно я, понимаешь тоже? — я уставилась на собственные руки. — Кроме того, что мне объяснили Тени? Что они могли от меня утаить? Я не верю, что мое умение скрываться — это все. И что им недостаточно одного Гуса, тоже не верю.

Самуэль поморщился при упоминании этого имени. Увы, о Гусе он знал не больше, чем я, — только то, что он маг-отшельник, живет где-то на отшибе, то тут, то там, и варит дешевые зелья. У нас в общине были свои зельевары, и в услугах Гуса мы не нуждались.

— Что тебе известно о войне с оборотнями? — неожиданно спросил Самуэль, резкой сменой темы сбив меня с толку. — Той, что была пять столетий назад?

— Кое-что... из рассказов опекуна и твоих книг... — не понимая, к чему он клонит, сдержанно кивнула я.

— Расскажи мне, и я заполню пробелы в твоих знаниях.

— Какое отношение ко всему происходящему имеет давно забытая война?! — я начала сердиться. Но Самуэль любил учительствовать, с этим нужно было просто смириться.

— Это поможет тебе понять, почему именно ты, — мягко пояснил он. — Я не уверен, но, возможно, это и есть причина. То, что тебе могли не сказать. Прочее таить от тебя нет смысла.

Я недоверчиво вздохнула и послушно принялась рыться в памяти.

— Если верить сказаниям, оборотни бежали во Фристаду из Моркнотта, с Туманных берегов. Несколько недель им пришлось проплыть без еды и воды, многие из них погибли в пути от голода и обезвоживания. В сказаниях предков говорится, что оборотни пересекли море на каменных ладьях; секрет постройки этих удивительных судов давно утерян, а все имевшиеся в нашем распоряжении экземпляры ныне покоятся на дне Проклятой бухты. Именно в этой бухте люди тогда потопили все Волчьи корабли... Но это произошло уже после войны. По договору с герцогом.

Старик озабоченно покачал головой и уже собирался что-то у меня спросить, но я жестом остановила его:

— Война началась, когда оборотни объединились с дангатами. Но дангаты были практически истреблены и загнаны в крепость, они не были так опасны, как оборотни, а еще они быстро истощались, когда колдовали. Ну... вроде бы это все. Потом еще договор с герцогом.

— Ты никогда не думала, почему герцог оставил таких опасных союзников? — спросил Самуэль. — Даже без кораблей вы можете перебраться через пролив.

Я помотала головой. Конечно, я задавала вопросы опекуну, но он только выдал мне подзатыльник и отправил работать на огород.

— Защитник Грегори, один из Аскетов, врожденный маг, сумел нанести на Остров магическую защиту. Не думаю, что в вашей стае знают об этом, я и сам узнал случайно... как-то в детстве я нашел книгу, украденную Стэнли-Верхолазом из одной из башен форта Флинт. Великий был вор, великий. Знаешь, почему Фристада свободна? Потому что все твари в ней подконтрольны.

Я опешила и глупо заморгала. Потом подумала, что мне стоило обидеться на его слова о тварях.

— Твари спят, они заточены, но в случае угрозы Фристаде они будут подняты из-под земли. И, поскольку им не проникнуть за стены, они накинутся на нападающих. Так устроено во всех вольных городах, Дайан, почти во всех. И все правительства знают об этом, сотни лет шпионы доносят эту великую тайну, но это та тайна, которая обязательно должна стать известной. Наша свобода — в нашей гибели.

— Но почему эти твари убили... убили... Льюиса....

Обида испарилась так же быстро, как и пришла, осталась лишь горечь. Произнести его имя неожиданно оказалось так невероятно больно... больно до дрожи. До огромного давящего комка в горле, до рези в глазах, до лихорадочно-сбивчивого биения сердца.

— Ну, ну, Дайан, что же ты... тише, девочка, тише... ну-ка подними голову, посмотри на меня... ох, дочка, что-то ты совсем расклеилась. Я понимаю, мы все сейчас выбиты из колеи, но не нужно накручивать себя еще сильнее... Ты когда ела последний раз?

— Не помню... — ответила я хрипло и отрывисто, с трудом выдавливая из себя слова. — Самуэль, не тяни... расскажи мне, пожалуйста. Я так больше не могу. Мне очень больно...

Блеклые синие глаза преисполнились состраданием.

— Им было все равно, кого убивать.

— Им? — переспросила я. Мне надо было срочно отвлечься, срочно, иначе я не могла перестать думать о...

— Было две твари. Одну двое выживших Аскетов забрали с собой. К сожалению, она тоже сдохла. К нам приходили братья-блюстителы, задавали вопросы. Мы не слышали криков, все произошло слишком быстро. Это уже с утра старая Лоис унюхала кровь и решила, что опять собака Джуниора потрепала скотину.

Я опустила голову. Все было просто, проще, чем я себе напридумывала, и от этого только больнее. Нелепо, как же нелепо... бедный Льюис.

Я почувствовала, что мозг сейчас взорвется. Льюис, минутали, Вольфгант... Для того, чтобы разобраться в образовавшемся круговороте непонятностей, нужно было с чего-то начать.

— Все-таки почему именно я? — снова задала я вопрос. — Но если не знаешь, можешь не отвечать.

— Ты умеешь скрываться, — ответил Самуэль. По выражению его лица я поняла, что он не намерен увиливать, но и говорить прямо тоже не настроен. Его терзали сомнения. — Думаю, Тени порядком удивились, когда выяснили это, и брат Аргус наверняка не один год наблюдал за тобой. Он настойчиво сюда таскался... та еще лиса. Я и сам удивился, когда увидел тебя — оборотень, да еще с таким даром. Я заподозрил в тебе эту магию сразу, иначе ты бы просто не выжила в городе.

Я кивнула. Самуэль очень гордился своей наблюдательностью и, как все старики, любил упомянуть лишний раз о своих заслугах.

— А еще, я думаю, потому, что им интересно узнать, возможно ли управлять вами так же, как неразумными...

— Что-о-о?

Я понимала, что Самуэль ни при чем. Он был всего лишь главой общины наемников, врожденным магом, умудренным жизнью человеком, но никак не шпионом Теней. Хотя кто знает... говорили, что Теням доносят даже стены.

— Это нормальный интерес, — слабо улыбнулся Самуэль. — Интерес ученого. Рему не стоит доверять, как и Аргусу, и не потому, что они причинят тебе зло, но среди Теней есть воины и дипломаты, целители и монахи, историки и хранители знаний.

— Они хотят меня изучить, как мило, — ощерилась я. — Впрочем, разве это что-нибудь для меня меняет?

— Не меняет, — кивнул Самуэль. — У них нет другого врожденного мага с подобной способностью, а еще, конечно, у Теней благие намерения. Подумай, ведь если они смогут подчинить себе оборотней, они смогут упокоить тварей. Насовсем. Возможно, это многое изменит для тех оборотней, которым придется защищать Фристаду от врагов, это спасет город от проблем с неразумными.

— И это ты называешь благом. Мы и так неприкасаемые, живущие тут из милости. Но Рем так и сказал — им жаль только Фристаду.

Стоило, наверное, прогуляться по городу — послушать сплетни и спокойно обдумать все случившееся.

— Тебе лучше исчезнуть на время, — вдруг сказал Самуэль. — Дело, тебе порученное — неоправданный риск; ты не сумеешь повернуть его и выбраться от Вольфганга живой. Если ты сунешься к нему, никто не сможет тебе помочь — ни я, ни Тени, ни Аскеты, ни герцог, никто. Уходи, Дайан. И не волнуйся насчет своей семьи — они тебя не найдут. Рем любит загребать жар чужими руками, а в этот раз он просто посылает тебя на верную гибель... Льюиса уже не вернешь, а тебя я не хочу видеть мертвой.

Я впиалась пальцами в подлокотники:

— Я понимаю, что это задание крайне опасно, но послушай... Ты сам сказал, что мне могут помочь. Меня могут освободить от этого брака. От человека, которого я даже не знаю.

Я не кривила душой. И я могла бы добавить многое. Что всякий раз, когда закрываю глаза, вижу искалеченное тело Льюиса? Что до дрожи боюсь того, что следующий раз в таком виде предо мной предстанет Самуэль, или старая Лоис, или еще кто-то из моих товарищей по общине? Но говорить этого я, конечно, не стала.

Видимо, Самуэль все же смог прочитать что-то по моему лицу, хотя я и таилась от него как могла. Взгляд его изменился, стал мягче и печальнее.

— Никто не властен принимать решения за тебя, — покачал он головой. — Ни я, ни тем более Тени. Но все же... Беги. Дайан, если я прав, то твоё изучение... может зайти слишком далеко.

— Когда... похороны?.. — перебила его я.

И снова слова дались мне с трудом. Ногти царапнули по обивке — руки сами собой сжались в кулаки. Я закрыла глаза и сделала три глубоких вдоха. Нужно держать себя в руках.

— Сегодня вечером, — глухо отозвался старик. — Ты... сможешь?..

Незавершенный вопрос звенящей тишиной повис в воздухе.

Конечно, смогу, разве могу я поступить иначе?

Я молча кивнула и поднялась с кресла.

— Мне нужно идти. Нужно найти одного человека... Гуса, обсудить планы на будущее.

— Подожди, — жестом остановил меня Самуэль, — тебе нужно поесть.

— Не волнуйся, — я вымученно улыбнулась. — Я никого не загрызу.

— Ты знаешь, что я не об этом! — нахмурился старик и непреклонно продолжил: — Не мучай себя, просто поешь.

— А то, что я не хочу, тебя не волнует?

— Абсолютно. Подожди немного, я сейчас тебе разогрею.

Помедлив секунду, я покорно села обратно: сил не было ни спорить, ни возражать.

И все-таки прежде, чем отправиться на поиски Гуса, я закопалась в архиве общины.

Здесь были сотни книг, и, хотя до библиотеки Теней тесной захлавленной комнате было далеко, найти тут можно было много интересного. Община не хранила то, что не могло пригодиться, но во все времена краля много и от души.

Я быстро нашла полку с bestiариями и углубилась в поиски необходимой книги. А она точно должна была быть, учитывая, что я сегодня услышала от Самуэля — хотя бы книга, украденная славным Стэнли. И она нашлась в самом дальнем и темном углу. Почти

довольная собой, я обосновалась за покосившимся столом и окунулась с головой в книгу. К слову сказать, она была совсем тоненькой, как будто написана не про одну из самых загадочных рас, а про белок. Я хотела узнать, что Аскетам, а стало быть, и Теням уже известно про оборотней.

Потом выяснилось, что нас изучала либо кучка послушников, либо три пьяных Аскета — почерк был настолько кривой и разный, что я еле смогла разобрать слова. В итоге, промаявшись часа полтора, я не узнала ровным счетом ничего нового: обращенные оборотни становятся неразумными, боятся открытого огня, хорошо восприимчивы к магии и их лучше не убивать обычным оружием — шкура способна выдержать даже самый тяжелый меч в сильных руках. Самое ценное было в конце, написанное неожиданно четким почерком, вероятно, того самого Грегори: несколько абзацев о том, что на Волчий остров наложено заклинание, правда, какое именно, Грегори не уточнил. Оборотни могли покидать остров поодиночке, но все равно Аскеты знали об этом. Пара-тройка оборотней их, видимо, не беспокоила, а быть может, эта магия работала так же, как и та, о которой говорил Рем — горели токены не в тех местах и с разной интенсивностью...

Вполне возможно, что и про меня и Аскеты, и Тени знали с самого начала. Но для меня это было слишком тонкой материей, слишком загадочной. Да и для прочих из нас — тоже. Мы живы, нас не швыряют в застенки Алых Крестов, не ставят на колени на Соргардене и над головой не свистит топор палача.

Помотав головой, чтобы развеять ненужные мысли, я поставила книгу на место. Мне нужно было найти что-то о минуталях, и я уже отложила себе пару книг — «Аэкуум» и «Субтерра», когда услышала, что кто-то меня зовет.

Снова смеркалось. Тучи накрывали Фристаду тяжелым покрывалом, обещая освежающий ливень. Горожане спешили домой к теплому очагу и уюту, в окнах загорались свечи и факелы. Запахло прохладой. А община собиралась проводить Льюиса в последний путь.

По обычаю Фристады некоторых покойников не хоронили в гробах. Считалось, что гроб — это что-то, что привязывает мертвого к себе. Подобные традиции были и у нас, и даже Перевернутые боги — Олора и Айре — принимали к себе только свободных от гробов оборотней. В общине этот обычай был связан скорее со статусом свободного жителя города, но сегодня гроб был заколочен, и хмурый Аскет рисовал воском токены на его грубой крышке.

Темнота наползала медленно и величественно, оставляя нас в кругу ритуальных свечей. Аскет читал молитву Единому, мы стояли молча, и каждый, как я знала, молился своим богам. Потом гроб опустили в могилу, закидали венками из пахучих трав и землей и накрыли сверху плитой, на которой Аскет начертил еще пару токенов, загоревшихся бледным огнем. Потом затушили огонь, все стали расходиться, и еле заметные токены на камне было все, что осталось от Льюиса.

После захода солнца я собралась искать Гуса. Это было задачей, способной отвлечь меня от мрачного бессилия. Действие заставляло что-то в моей голове крутиться быстрее и сосредотачиваться на решении.

Но Перевернутые боги, как же хотелось лечь и закрыться от всего мира. Слезы, выплаканные на плече Самуэля — всего лишь капля в море того, что было во мне. Мне казалось, что еще пара дней, и я переполнюсь слезами и яростью.

Но я не могла лежать, потому что в следующий раз среди могил — со свернутой шеей — возможно, найдут Самуэля. Или мальчишек, которые бесконтрольно носились вокруг общины, словно вольные птицы. Или Мэри, которая вся светилась от того, что носила долгожданного ребенка. Каждый член нашей огромной, и что греха таить, не слишком дружной семьи был важен, каждый был особенным, и каждый мог погибнуть от лап другой омерзительной твари, прорвавшейся во Фристаду.

Если я в силах это остановить, я должна это сделать. По крайней мере, приложить все усилия.

Город встретил меня разгоняемой факелами тьмой на узких улицах. Он был растревожен, я ощутила это сразу, едва вышла из тоннеля, соединяющего старое кладбище и территорию форта Флинт. Свет ударил мне в глаза, и я едва успела скрыться обратно в тень, как чей-то глубокий голос меня остановил:

— Детеньши Самуэля нам не враги, пока таковыми стать не захотят.

Как они меня узнали? Со стороны кладбища мог появиться кто угодно, вовсе не обязательно это должен быть кто-то из общины. Но, нехотя выйдя на свет, я поняла, что зря запаниковала. Этого Аскета я знала, но никогда не слышала голос. Обычно он просто кивал мне с тех пор, как я года три назад вызвала ему помощь. Это была очередная пустячковая драка с Лесными чадами, но Аскет остался один против троих. И я, недолголюбивающая язычников, дала себе труд добежать до ближайшего поста Аскетов и рассказать, что их брат в беде.

— Сочувствую вашей потере, — немного помявшись, сказала я, и Аскет переглянулся со стоящим рядом на страже товарищем.

Я кинула взгляд вверх, где на фоне витражей с изображением Единого из каменных стен выступали небольшие балкончики. В каждом стояли стражи с арбалетами, и все они смотрели на меня. Я поежилась, буквально ощутив ту легкость, с которой они способны выпустить все стрелы в неугодного человека.

— Брат Руфус погиб во славу Единого, — наконец ответили мне.

Я кивнула. На этом стоило бы закончить разговор и уйти, что я и поспешила сделать, миновав очередной тоннель, ведущий на главную улицу в квартале Эрмет. Это был старейший квартал, то место, откуда достраивали остальной город. Здесь находилась резиденция герцога, окруженная огромной, искусно выложенной камнем площадью. Только отсюда можно было попасть в любой квартал, расположившийся вокруг Эрмет. Здесь также квартировала городская стража, а еще были банк, общественные бани и главные городские конюшни. Остальные торговые лавки давным-давно вынесли в Грейстоун, где была обустроена огромная Рыночная площадь. Там же, как оказалось, находилась Цитадель Теней.

В остальном же квартал Эрмет был заселен удачливыми торговцами,

промышленниками, фабрикантами и всеми теми, кто мог себе позволить жить в просторных, теплых квартирах в каменных домах.

После похорон я попыталась расспросить о Гусе, но в общине мне особо ничего не смогли про него рассказать. Кое-кто про него слышал, но не знал, ни где искать, ни с кем знаком. Маг-отшельник, плутоват, берется почти за все заказы, которые предлагают. И очень нелюбим стражей, Аскетами и... Самуэлем. Никаких подробностей мне узнать не удалось, но все же я никогда до этого дня не слышала от Самуэля хоть что-то о человеке по имени Гус. Хотя подозревала, что Самуэль знает о нем чуть больше, чем все остальные.

И как найти его среди всего городского разнообразия? Понятно, что мне придется порыскать по Козлиным болотам или Северному кварталу, населенному различного рода сбродом. По злой иронии Северный квартал соседствовал с Золотой горкой, сплошь состоящей из особняков знати.

А еще были Южный квартал и Стена — широкая улица, опоясывающая весь город и служившая границей между ним и городской стеной. И как искать среди огромного города маленького человека, явно не желающего, чтобы его нашли? Я поморщилась, застыв в тени узкой арки и пропуская стражника, агрессивно брнчащего мечом на поясе. Меня он не заметил, потому что так и не удосужился взглянуть во тьму сбоку от себя, и я желчно улыбнулась. Это тоже была в какой-то мере стена — стена глупых, ни на что не способных стражников, стоящая между людьми и настоящей стражей. Той, с которой не стоило связываться. Стена же принимала все удары на себя первой — пьяные драки в трактирах, разборки между Аскетами и Лесными чадами, бытовые ссоры, выходящие вон из дому, ловила контрабандистов и воров.

Немного подумав, я свернула в трактирную часть Грейстоуна. Там, среди сети разветвленных тоннелей под улицами, среди то и дело появляющихся и исчезающих игорных домов, держала свою лавку Слепая Герда — торговка специальными товарами, краденными драгоценностями и малодоступными зельями, а также информацией. Она хорошо платила страже, и поэтому ее не трогали уже много лет, и я, найдя среди темных переулков нужную дверь, осторожно вошла.

Слепая Герда — старушка, видящая лишь одним глазом, до сих пор предпочитала работать сама, держа у себя только пару преданных охранников. Она встретила меня равнодушным взглядом единственного глаза и кивнула. Мы были знакомы, но не настолько, чтобы назвать отношения хотя бы приятельскими.

— Здравствуй, Герда, — сказала я, оглядывая полки с товарами.

На виду у нее стояли склянки с легальными зельями от простуды, сонным варевом, а еще пара видавших виды кольчуг, будто бы снятых с мертвых стражников из стены, книги и прочая неинтересная ерунда. Все остальное, разумеется, было спрятано.

— Деточка, — отозвалась старушка, даже не пытаясь подняться с высокого стула, явно когда-то стоявшего в местном баре. — Самуэль, наверное, слишком расстроен, чтобы помнить о своих долгах.

Я моргнула.

— Ничего не знаю ни о каких долгах, даже не пытайся содрать с меня деньги. Я пришла за... мне нужна пара освященных стрел, если ты понимаешь, о чем я.

— Да откуда у меня такое, деточка, — возразила Герда, таращась на меня единственным глазом. — Могу дать заговоренное зелье от нежелательного приплода, а? Ты девка ничего, небось, однажды сгодится.

— Извини, но мне нужны стрелы, — я положила на стойку пару монет, которые исчезли в ту же секунду. — И еще кое-что. Слышала о нападении тварей на кладбище?

— Слыхала, — ответила та и хитро осклабилась. — Болтают, тварей был легион, а поймать наши олухи не смогли ни одну.

— А я слышала, что тварей было две, одну поймали Аскеты, когда она удирала, а вторую ранил Аскет и добил один из наемников. Какие разные слухи гуляют по Фристаде, — это тоже было полуправдой, и я покривила губы, а Герда выложила на стол нечто, завернутое в плотную ткань.

— Да ты что, — покачала она головой. — Всего две, а прикончили аж десять душ. Хилеют Аскеты, хилеют.

— Десять? Кажется, кто-то говорил, будто их тоже было двое. Аскет и какой-то наемник.

— Ну надо же... а имен ты не слышала?

Я поморщилась, не слишком старательно делая вид, что вспоминаю что-то неважное.

— Ну, Аскета звали Руфус, и тварь вроде сожрала его сердце. А наемника... — я снова сморщила лоб, чувствуя, как внутри все скручивается в узел от боли. — Нет, извини, из памяти вылетело.

— Эх, молодежь... слышь, а может, тебе зелье для памяти, а? У меня есть. Всего три монеты.

Герда умела подвести разговор к тому, что нужно собеседнику, даже сама о том не подозревая. Но она, несомненно, знала, что я хочу от нее что-то еще, и я выложила на стол еще три монеты.

— Зелье я беру только у Гуса, хороший маг. Но он переехал и забыл мне сообщить куда. Теперь вот мучаюсь от головных болей, не могу этого поганца найти.

— А-а-а, деточка, — хитро заулыбалась Герда. — Понимаю-понимаю, много вас таких к нему ходит. Ну да не переживай, найдешь своего Гуса. Люди шептались, его чуть стража не поймала три недели назад, и он перебрался на Козлиные болота, на Тряпичную улицу. Это, знаешь, не так уж далеко от Узкой. Он туда большой ходок.

Я не смогла стереть с лица растерянность до того, как это заметит старуха, поэтому быстро распрощалась и выскользнула на темные подземные улицы.

Значит, Тряпичная улица, что плавно впадает в Узкую. Что ж, если Герда не наврала, Гус нашел отличное место, чтобы залечь на дно. Улицы, полные грязи, шлюх и сутенеров. Каждое крыльцо — рай наслаждений, которые выпотрошат кошелек до последней монеты. Право слово, я бы не слишком удивилась, узнав, что следующая улица сплошь населена докторами интересной направленности.

Но задача по поиску Гуса сильно упростилась, потому что, в отличие от стражи, наши информаторы были везде.

В трактирной части Грейстоуна кипела жизнь, несмотря на тварей за стенами, несмотря на Вольфганта, сотворившего страшную глупость. Впрочем, о нем никто, кроме меня, Теней, Гуса, полковника и теперь уже и Самуэля, не знал. На миг в голову закралась мысль наведаться в городской парк, чтобы осмотреться... но зачем? Нужно всего лишь найти Гуса. Для начала.

Чтобы попасть на Козлиные болота, мне пришлось вернуться в Эрмет и оттуда по берегу вечно холодного моря дойти до портовой части Фристады. Это была самая грязная и опасная часть города.

Везде, в каждом городе, были такие районы. Там уютно себя чувствовал тот, кому закрыт проход туда, где живут порядочные люди. И, в свою очередь, порядочные люди поспешно сворачивали, стоило им перейти невидимую границу между хорошо освещенными улицами и мешаниной хлюпающей грязи, расписанными неприличными надписями стенами и той подозрительной компанией хорошо вооруженных людей, которые смотрели на них... весьма подозрительно.

Разумеется, при входе на Козлиные болота стояли укрепленные посты стражи, но они предпочитали туда не соваться. И я решила, что стоит немного пройтись вдоль побережья, чем изворачиваться у арки, соединяющей кварталы.

Тряпичная улица находилась почти в центре квартала, и мне пришлось здорово попетлять в тених, обходя бродящих по улице пьяных моряков и тех, кто за ними пристально следил, надеясь вдоволь пошарить в карманах, как только моряки во хмелю свалятся в первый же овраг.

И мне снова, как с утра, показалось, что на углу каменной стены, где тьма была особенно густой, кто-то был, но здесь везде был кто-то, так что пришлось просто немного усилить бдительность, здорово нервничая.

Если я в чем и была хороша, так это в маскировке, и не заметить идущего вслед человека, пусть даже это такой профессионал, как Самуэль, я не могла.

Меня подмывало скрыться, но был один неприятный нюанс... в этом квартале больше, чем где бы то ни было. И этот нюанс я слышала, видела и даже чуяла. Отвратительно пахло.

Потом мой слух уловил шум драки на Пряничной улице, и я поспешно ее обошла. А когда, наконец, вышла на Тряпичную, поняла, что совершила ошибку, не скрывшись за пологом из магии. Но возвращаться было поздно — как и Узкая, Тряпичная улица была хорошо освещена, и здесь всегда было много людей. И, несомненно, те, кто был поставлен наблюдать, меня заметили, как замечали каждого. За порядком здесь ревностно следила охрана домов нежности — хозяева не желали терять свой доход. Как не желали этого и проститутки.

— Вали отсюда, — буркнули мне с крыльца и обдали перегаром.

— Я за товаром, детка, — игриво возразила я, сдерживаясь, чтобы не побренчать монетами в кошельке.

Ответ был не тот, и я поняла это сразу. На что бы ни соглашалась рыжая, прокуренная, но еще молодая девица, со злобой буравившая меня взглядом, но связь с женщиной была... нонсенсом. Этого не поощряли Аскеты, не поощрял герцог и как следствие — главы домов нежности. Всему был свой предел, и я сделала попытку вывернуться:

— Я слышала, здесь есть мальчики.

— Тогда, дорогуша, тебе придется почистить уши, — выйдя из группы товаров, рыжая подошла ко мне вплотную. — Потому что таких мальчиков здесь нет.

Я растерянно заморгала, не совсем понимая, что она имеет в виду.

— Да-да, — отозвалась другая. — Вали отсюда, потому что тебя даже Грязный Эд не возьмет, страхолюдина.

Кто такой Грязный Эд, я не знала, но, судя по тону девицы, он не брезговал и трупами недельной давности.

— Решила наш барыш угнать, дрянь, — охотно поддержала третья, и я поняла, что драки не избежать.

Этот Гус что, не мог спрятаться в более подходящем месте?

На нас уже смотрели со всех сторон, предвкушая зрелище, а охранники не слишком-то спешили. Я заметила, как один из них — с саблей на боку, — раскурил самокрутку и, наклонившись к уху товарища, что-то прошептал.

— Послушай, — миролюбиво сказала я, — мне не нужны неприятности. Я пришла немного развлечься, разве это запрещено? Ни ваш барыш, ни Грязный Эд меня не интересуют, а...

И тут злобно щерившиеся девицы неожиданно растеклись в нервных, сладких улыбках, а на мое плечо легла чья-то рука.

— Вот ты где, — сказал голос.

Глава одиннадцатая

Я обернулась и столкнулась с раздраженным взглядом высокого и совершенно незнакомого мне мужчины.

— Прошу прощения, миледи, — серьезно сказал он девицам. — Мы больше не посмеем вас беспокоить.

Он взял меня за руку и повел прочь с Тряпичной улицы — и, проклятье — у всех на виду. Но я молчала, потому что предпринимать что-то, пока окружающие обращают внимание только на нас, глупо. Пусть он даже перепутал меня с кем-то, тем не менее, он вытащил меня из неприятной ситуации. А значит, я буду паинькой ровно до тех пор, пока мы не растворимся во тьме ближайшего переулка.

— Кто вы? — прошептала я, когда Тряпичная улица осталась позади. — Спасибо, конечно, но...

— Это было неосмотрительно с твоей стороны, — спокойно сказал он, словно не слыша вопроса. — Заявляться на улицу, полную проституток и денег, одной.

Он был прав, и от этого внутри на миг вспыхнула ярость. В конце концов, кто он такой, чтобы вот так появляться и вести себя как... Перевернутые боги, да — вести себя как Самуэль.

Я вырвала руку из его захвата и собралась тут же скрыться, пока он оборачивается, но незнакомец оказался куда быстрее меня.

— Прошу прощения, — улыбнулся он и снова схватил меня за руку. — Аттикус.

— Что?

— Меня так зовут. А ты ищешь Гуса, ну и раз так вышло, что я могу тебе помочь...

— Кто ты такой? — зашипела я, стараясь высвободить свою ладонь снова, но хватка в этот раз была железной.

— Тень, — вздохнул он и затащил меня в темный угол, совершенно неожиданно оказавшийся пустым, хотя я была уверена, что за нами с удовольствием наблюдают.

Сопrotивляться я тут же перестала и послушно прижалась к грязной стене.

— Я сидел от тебя слева через два кресла. — Аттикус, видя, что ярость моя спала, словно ее и не было, отпустил мою руку. — А потом подумал, что ты захочешь найти Гуса. Со стороны Рема было невежливо задерживать его, тем самым усложняя вам обоим задачу.

— Так это вы... — выдохнула я, гадая, что мне будет за невежливое обращение. — Вы следили за мной, пока я сюда шла?

Он не ответил, только обжег меня странным взглядом и повел прочь. А я поняла, что он следил не только пока я шла сюда, но и утром. Значит, Самуэль был прав в своих догадках... Тени действительно наблюдали за мной.

Сопrotивляться я больше и не думала, вряд ли кто-то посмеет представиться Тенью, таковым не являясь. Для этого нужно было знать об их существовании, а также знать, что происходит внутри Цитадели. Так что на его месте могла оказаться я да Гус. Но ни мной, ни Гусом Аттикус не являлся.

Вскоре мы покинули Козлиные болота и, свернув в малоприметный переулок, оказались в Северном квартале. Тень всю дорогу молчал, а я вновь начала выходить из себя. Проклятье, все, что я собиралась сделать сегодня — найти Гуса и познакомиться. Но все усложнилось.

— Аттикус? — неуверенно спросила я.

Словно вынырнув из глубоких размышлений, он посмотрел на меня и слабо улыбнулся.

— Прошу прощения, — еще раз сказал он. — Да, я за тобой следил. Было интересно, что ты предпримешь в первую очередь, и я оказался кстати, не так ли?

— Я бы справилась, — буркнула я. Мне стало любопытно, где он был утром: ушел, когда понял, что мне ничего не грозит на кладбище, или так и ходил за мной без конца. — К тому же у меня информация, что Гус обитает именно на Тряпичной улице, а у вас она, по-видимому, иная?

— Слепая Герда — надежный источник, — кивнул он. — Но не в случае с Гусом. В общем-то, это правильно с точки зрения его безопасности, ибо во Фристаде немало желающих повесить его шкуру дома на гвоздь в виде трофея. Боюсь, тебе скормили фальшивку, Дайан. Стража не так уж не сует нос в дела борделей, как кажется на первый взгляд, ты удивишься, насколько у них в этом городе длинные руки. И Гусу, как нашему бывшему брату, это известно. И я удивлен, признаться, что мне приходится тебе об этом рассказывать. Прошу тебя...

Аттикус открыл дверь в совершенно обычный многоквартирный дом, и на нас пахнуло кошками, старым перегаром и табаком. Я скривилась больше оттого, что терпеть не могла кошек. Эти твари ненавидели оборотней древней ненавистью. Иногда казалось, что самый первый оборотень и самая первая кошка однажды вступили на путь кровавой войны, которая продолжалась до сей поры.

Кошки и были той самой причиной, почему я не могла толком скрыться в этих районах. Они чуяли меня везде и всегда и сходили с ума.

Квартира, куда привел меня Аттикус, была крошечной и точно так же провоняла проклятыми кошками, как и подъезд. По распахнутым настежь окнам было понятно, что временный хозяин изо всех сил пытается избавиться от этого запаха, но в случае с кошками это было, конечно же, бесполезно.

Слава Перевернутым богам, кошек в квартире не было, но и хозяина не было тоже.

Я оглядывалась. Повсюду стояли склянки, банки, бутылки, с потолка свисали засушенные травы. Я искала взглядом каких-нибудь жаб или змей, но, видимо, Гус предпочитал растительные компоненты. На единственном столе, под кривую ножку которого была подсунута какая-то древняя книга, громоздился котел. Спал Гус, судя по всему, тут же, на продавленной кровати, а готовил — за занавеской. Впрочем, там с тем же успехом могла быть и уборная.

Я узрела стул, но садиться на него поостереглась. Потом я посмотрела на Аттикуса — на него, казалось, жилище Гуса не произвело никакого впечатления, и тут я вспомнила.

— Гус был Тенью?

— Был, — спокойно ответил Аттикус. — Как ты понимаешь, он и остался Тенью. Он успел дать Присягу, а значит, хочет он того или нет, он подчиняется нам.

— Стало быть, вы здесь ради меня, — заключила я, и, надо сказать, мне это даже польстило.

Чтобы за моей скромной персоной приставили следить Тень? Скажи мне это кто еще пару дней назад, я бы рассмеялась в лицо. И все же меня это совершенно не радовало.

— И где он? — спросила я, чтобы отвлечься. — Пошел к веселым девочкам?

— Тени этого нельзя, — ровно объяснил мне Аттикус. — Впрочем, Гусу всегда было плевать на наши правила.

— Это из-за этого ему указали на дверь?

Я начинала откровенно глумиться, потому что мне стало до боли обидно. Все-таки из меня сделали не просто приманку, а подопытную крысу. Даже Гус, наверное, не проверяет свои варева на животных...

— На самом деле Гус ушел сам. Ему претило... многое ему претило, — оборвал сам себя Аттикус. — Наверное, я сам виноват, потому что мне стоило сразу понять: этот мальчик никогда не станет Тенью. Мы не просто Орден, Дайан, мы — хранители знаний, хранители города. Многие знания — большая ответственность как перед братьями, так и перед каждым жителем Фристады, а Гус с самого начала давал понять, что его интересы касаются только его самого.

Я прищурилась.

— Он попал к вам еще ребенком?

— Да, — кивнул Аттикус, рассеянно рассматривая какую-то траву, смахивающую на камыш. Они росли в избытке на Козлиных болотах, и что-то мне подсказывало, что это на самом деле не те камыши. — Ему было пять или шесть лет, точнее сказать никто не может, и уже в этом возрасте Гус, надо признаться, был редкостной дрянью.

Мне показалось странным, что Аттикус так говорит о своем брате, пусть и бывшем, точнее, блудном, но я списала это на обиду из солидарности с Орденем.

— Вы с ним что, дрались?

— Ну, он пытался, — улыбнулся Аттикус. — Других мальчиков он регулярно лупил, хотя и был их моложе лет на пять. А один раз подложил пресвитеру паука.

— Церитину? — удивилась я.

— Нет, другому. И этот пресвитер не очень любил пауков. В общем, после того, как Гус едва не разнес учебный класс из-за того, что его оставили после занятий, я понял, что из меня слишком неважный наставник... я имею в виду, наставник послушников.

Я заморгала. После Игнатиуса я вряд ли могла чему-нибудь удивиться, но по словам Аттикуса выходило, что ему было как минимум лет восемнадцать тогда, когда самому Гусу было пять. Сейчас Гус выглядел лет на тридцать, может быть, тридцать три, значит, Аттикусу было уже хорошо за сорок, но я с трудом восприняла этот факт.

Наверное, я слишком глупо и грубо рассматривала его, потому что он нахмурился и отвернулся.

— Теперь вы приставлены к нам обоим, — кивнула я сама себе. — И что вы будете с нами делать? Пойдете с нами за Книгой?

— Нет, Дайан, не пойду. Я, скажем так, теперь связь между вами и Ремом.

Он вздохнул, посмотрел на стул, который я заприметила, смахнул с него ладонью крошки и сел.

— У вас обоих сложная задача... Не невыполнимая, но сложная. Я боюсь, что есть один нюанс, который Рем не то чтобы не учел, но не счел нужным озвучить: вам нужно будет отличить магию Книги от возможной другой. Я не говорю, что вам будет что-то мешать, но не исключаю такой возможности. Поэтому ищите Книгу рядом с Вольфгантом, так будет вернее.

Я пожала плечами.

— Я еще не думала, где ее искать.

Вообще я успела подумать о том, что если я и Гуса не смогла отыскать без посторонней помощи, то с Книгой будет все более чем плачевно. Если Гус, конечно же, не окажется расторопней и прозорливей. Судя по его халупе, не окажется.

— Пока я хотела бы знать, где сам Гус.
На этот вопрос Аттикус мне не ответил.

Глава двенадцатая

— Ты голодная? — неожиданно спросил Аттикус. Я растерянно кивнула. Да, поела я с трудом и только ради Самуэля, но это было, кажется, еще в прошлой жизни. — Тогда пойдем.

Мы вышли из провонявшего кошками дома на улицу, и я сразу задышала свободнее. И, пока я радовалась свежему воздуху, если его, конечно, можно было таким назвать, я потеряла Аттикуса из виду.

И в то же время я была уверена, что он идет рядом со мной. Поэтому, когда я остановилась и на секунду замешкалась, я не сильно удивилась, что кто-то легко подтолкнул меня в спину.

Я послушно пошла.

— Э... — протянула я. — Я вас не вижу. Но, кажется, чувствую. Меня так же не видно, когда я скрыта?

— Нет, — прошелестел над моим ухом тихий голос. — Не совсем. До того, как Самуэль развил твой дар, тебя видели, но как бы не замечали. Не обращали внимания. Сейчас ты можешь скрыться совсем, но лишь до тех пор, пока тебя не увидят, ты неуязвима. — Вздох. — Я же... нет, я не исчез, я наложил на себя морок. Это разная магия, принципиально разная. Мороку можно научиться. И предупреждая твой вопрос — нет, Гус не умеет такого делать. Он проныра, но совершенно бездарный маг.

Мне показалось, что Аттикус говорит об этом с сожалением.

Мы шли, и он продолжал меня подталкивать. Наконец я поняла, куда он меня ведет. Таверна Мерри.

— Так что, Гус торчит там? — изумилась я. — У всех на виду?

— Ну, есть ему что-то надо, — рассудительно заметил Аттикус. — Я войду, но говорить не буду. Раз так вышло, останусь незрим, но, прошу тебя, помни мои слова. Насчет Книги и магии, которая может сбить вас с толку. Гус был бы не очень рад меня видеть, и, думаю, то, что он не знает, вам обоим не повредит. Но я буду рядом. Посмотрю, как он себя поведет.

Эти спокойные слова меня сильно взбесили. Я понятия не имела, чем сейчас занимается этот Тень, но в данную минуту он занимался издевательством надо мной и Гусом. В его словах не было ничего предосудительного... но Самуэлю я верила. И если он посоветовал мне бежать, значит, у него были на то причины, и вряд ли эта причина звалась Гус, которого он недолюбливал.

Гус, как и я, был слишком мелкой фигурой.

— Самуэль не любит Гуса, он не очень доверяет ему, — сказал Аттикус, и я чуть не заорала. Он что, читает мои мысли? — А относительно Самуэля «не очень доверяет» равно «мразь и предатель». Не думаю, что они пересекались, но слухами полнится земля. Мы пришли, помни, что я сказал тебе про Книгу.

В таверне Мерри я была и не один раз. Сейчас тут было непривычно тихо. Конечно, никому ведь не хотелось попасться в руки озверевшей от бдительности страже. Несколько шапочно знакомых мне воров и разбойников с почти безупречной репутацией чинно попивали пиво, тоскливо глядя куда-то вдаль. Хозяин таверны, толстяк Мерри, скучал за прилавком, изредка поглядывая вниз, очевидно, раз за разом подсчитывая выручку. Учитывая его кислое выражение лица, можно было предположить, что она сегодня не ахти.

Гуса я обнаружила в самом конце зала, он сидел лицом к входу и, по-видимому, напряженно о чем-то размышлял. Невесело усмехнувшись, я стала пробираться к нему. Несколько человек проводили меня заинтересованными взглядами и получили в ответ хмурый оскал. Немногие во Фристаде знали, кто мы на самом деле такие, основная масса людей думала, что наша община — слегка ненормальная группа людей, непонятно почему живущая возле кладбища. Это и было к лучшему.

— Привет, — поздоровалась я.

Ничего не ответив, Гус поднес палец ко рту, прося немного помолчать. Я пожалала плечами и кивнула трактирщику. Мерри подмигнул мне, показав, что все понял, и щелчком подозвал худосочного мальчишку, работавшего у него помощником. Кивнув в мою сторону, толстяк отвел взгляд и снова заскучал.

Я заказала две кружки темного пива и села напротив Гуса, с интересом глядя на него. Казалось, что после того внезапного собрания в Цитадели Теней прошло уже очень много дней, а на деле всего лишь два. Длинные темные волосы, собранные в хвост, скатались, словно Гус и не спал вовсе с той самой ночи, глаза запали и выглядели просто жутко на осунувшемся лице.

Невольно мне стало его искренне жаль. Не так уж и легко достались ему слова согласия, как мне показалось вначале.

Мальчишка с негромким стуком поставил на стол две большие кружки с пивом и бесшумно удалился. Одну из них я легонько пододвинула к Гусу, тот в ответ кивнул и продолжал молчать. Я сделала глоток и с наслаждением закрыла глаза — пиво было холодным и вкусным, а мне необходимо было немного расслабиться. Я принялась потягивать пиво, со злорадством думая об Аттикусе, стоявшем, наверное, у меня за спиной, но тут Гус резко вышел из своих раздумий и веселым голосом поинтересовался, как у меня дела.

— Не то чтобы очень, — скривилась я. — А ты как будто совсем не спал, выглядишь жутко.

— Ты сама не красавица, — широко улыбнулся он. — Давай рассказывай, раз искала, значит, была нужда.

Он не назвал меня «кошечкой», и это был хороший знак. Я ухмыльнулась и подумала — четко, на случай, если Аттикус и вправду мог читать мысли, что могу промолчать, а могу и выдать его с головой.

Но никакой реакции не последовало.

— А нечего рассказывать, — развела я руками. — Мне сегодня было немного не до того.

— Но ты согласилась, — скорее утвердительно, чем вопросительно заметил он. — У тебя должна быть причина. Я знаю, чего ты хочешь, но на кой тебе это, кошечка? На кой тебе герцог? Не на что там смотреть.

Вот тебе раз.

— Еще раз назовешь меня кошечкой, вырву язык, — пообещала я. На полном серьезе. Но мне надо было изворачиваться, а еще я помнила об Аттикусе. — Я неприкасаемая. Может, хоть так получится что-то изменить.

— Не слишком-то убедительно, — пробормотал Гус и присосался к пиву. — Впрочем, что я знаю об этом? Но что не слишком перспективно — точно. Вряд ли это тебе поможет, ко... Дайан.

— Мы теперь в одной лодке.

— Ты могла бы сбежать в другую страну, — возразил Гус, внимательно глядя мне в глаза.

— Это вряд ли, — криво усмехнулась я. — Ну, учитывая, кто я есть. А вечно скрываться и жить, как на Волчьем острове... да, наверное, я уже и не смогу.

Тоже прозвучало так себе, но я помнила об Аттикусе.

— Вот как, — немного нежно улыбнулся Гус. — А со мной бы ты сбежала?

— Нет, — усмехнулась я, постаравшись не показывать, как это меня удивило. Пусть я и не сочла это чем-то кроме грубоватой шутки. — Даже не рассчитывай.

— И не собирался. Что ж, тогда у меня есть для тебя информация к размышлению. Узнал я кое-что занимательное сегодня. Говорят, прошлой ночью на поверхность вылезли минутали. И твари эти явно что-то искали.

Я встрепенулась.

— Они вылезали со стороны кладбища. Из моря, заметь. Их манит к себе Книга. Очень жаль, что далеко они не... Эй! Ты чего!..

Одна кружка с грохотом свалилась на пол. Гус хрипел, пытаясь оторвать меня от своей шеи, хотя я всего лишь вцепилась ему в воротник обеими руками. Мерри и его клиентура взирали на нас с ленивым любопытством: им было настолько тоскливо, что драчка между сомнительной девицей и зельеваром-неудачником пришлась бы кстати.

Но я почувствовала, как на мое плечо легла рука, и подумала, что Гус ничего не знает.

— Прости, — я выпустила его и села на место. — Прости, правда. Они... они убили моего хорошего друга.

Подошел мальчик, забрал упавшую кружку.

— Ты прости, — виновато и искренне сказал Гус. — Я не знал. Но все же, если бы они прошли дальше, мы бы знали, где примерно искать.

Я кивнула. Он был, конечно же, прав.

— Я думаю, что Рем ошибается, — начал Гус. А я поняла, что разговор наш пора сворачивать.

— Слушай, — попросила я, — может, пойдём к тебе?

Гус захлопал глазами. Некоторое время он тупо на меня таращился, потом отрицательно махнул головой.

— Не сегодня. Я слишком устал.

— Не дури, — оборвала его я. — Поднимайся, там видно будет.

Мне было совершенно наплевать, что подумает обо мне Аттикус, главное — чтобы он от нас отвязался.

Я бросила на стол пару монет, выдернула Гуса из-за стола и потащила к выходу.

— А ты сильная, — с удивлением заметил он. — Все оборотни такие?

— Да, — осклабилась я, — особенности расы. Ну, не настолько я сильна, чтобы свернуть тебе шею, хотя всегда хотела попробовать.

Гус приободрился и даже попытался меня обнять. Я отстранилась, можно сказать, даже вырвалась.

— Не на улице же, — рывкнула я на него, — я тебе не веселая девочка.

Гус только пожал плечами. Куда сильнее его занимал другой вопрос.

— Ты что, знаешь, куда идти?

— Я навела о тебе справки.

Мы быстро шли по улице по направлению к его дому. Уже подходя, я рванулась в сторону.

— Кис... кис... да пожри тебя Серый!

— Зачем она тебе? — поразился Гус. Похоже, что он нарисовал себе в воображении какие-то кошмары. Я злорадно подумала, что его ждет большой сюрприз.

Мы влетели в квартиру, точнее, сначала влетел Гус, которого я бесцеремонно пропихнула в дверь, затем вбежала я и захлопнула дверь.

Замка на ней не было.

— Она у тебя вообще запирается?

— А смысл, Дайан? Тут каждый войдет, если только захочет, и наплевать ему на любые замки. А...

Он отвернулся к своей кровати и рассматривал ее, покачиваясь с пятки на носок. Я выпустила кошку, надеясь, что она будет реагировать не только на меня, но и на невидимого Аттикуса. Но то ли он от нас отстал, то ли оставил в покое, потому что моя уловка сработала, то ли кошка мне попалась бракованная, потому что она только шипела и лупила на меня озверевшие глаза.

Пришлось сдаться и лечь на лучшее.

Я приоткрыла дверь и выкинула кошку за дверь, надеясь, что Аттикус не просочится в такую щель.

— Сядь! — прошипела я. — Я не собираюсь с тобой сейчас спать. То есть — вообще не собираюсь. Мне нужно было отсюда быстро уйти под благовидным предлогом, пока ты не натрепал чего лишнего. Ты сказал, что Рем ошибается. Вот теперь — говори. Только запрись хоть как-нибудь дверь.

Гус вздохнул, как мне показалось, с облегчением. Видимо, ему и вправду было сейчас не до женских ласк. Потом он решительно подтащил к двери стул и сделал вид, что этот запор вполне надежный.

— Так вот, Рем говорил, что мы должны подобраться к Вольфганту. И украсть у него Книгу. Но я не думаю, что Вольфгант такой идиот.

Я начала понимать.

— Твари лезут на Книгу.

— Точно, ко... Дайан. Да не скалься ты на меня! Книгу он точно хранит в каком-то другом месте. Самого его искать бесполезно. Он, конечно, совсем идиот, но вряд ли самоубийца.

Трудно было с этим не согласиться.

— И что теперь делать? — вслух подумала я. — Искать Книгу, так?

— Верно. — Гус осторожно обошел меня и сел на стул у двери. Мне он кивком указал на кровать, я только мотнула головой и осталась стоять. — Ты хочешь спросить, где искать, верно? Явно не там, где обитают Лесные чада. Но мы можем зайти с другой стороны...

Я замотала головой так, что она легко могла у меня оторваться.

— Я тоже не самоубийца, как и Вольфгант.

— Мы можем...

— Даже не думай об этом, — отрезала я. — Ты хочешь проследить за минутами — это даже не самоубийство, это жертвоприношение. Они нас просто сожрут.

— Не сожрут. — Гус поднялся, потянулся, разминаясь, потом ушел за занавеску. — Если я чему-то и научился у этих зануд, так это смешивать разные хорошие вещи... — Голос

его оттуда звучал глуховато. — Видишь ли, Дайан, чтобы жить, мне нужно где-то доставать травы. А где мне их доставать? Ну, иногда я их ворую у аптекарей. А иногда успеваю собрать их до того, как набегут конкуренты. Но они — легальная гильдия, и их больше. А значит, мне остаются злачные места.

Гус вернулся с какой-то склянкой в руках. Даже на вид она выглядела крайне непривлекательно.

— В общем, я частенько наведываюсь туда, куда нормальные люди в здравом уме не ходят. — Он задумался. — Жаль, что это не слишком помогает моему предприятию. Но кое-что у меня есть. Эта штука должна была уже хорошо настояться. Извини, но запах у нее для тебя, наверное, будет не очень...

— Ничего, переживу, — деревянным голосом сказала я, потому что представила, что смогу узнать, как пролезают в город эти твари. А значит, сказать Аскетам, где устроить засаду. — Будем их караулить? Где-нибудь в кустах или камнях?

— Будем, да, — согласился Гус, — но не караулить. И не в камнях. Я знаю, где находится вход в их обитель.

III. Тень всегда будет рядом

Глава тринадцатая

Теперь настал мой черед удивляться.

— Прости?

— Не прощу, кошечка. Разве можно слушать и не слышать? Мы тут одни вообще-то, — Гус игриво улыбнулся, и я невольно ответила тем же, потому что вспомнила, что, вероятно, Атиккус все еще слушает нас, несмотря на мои смешные усилия его спровадить. — Случайно туда попал. Знаешь, от прошлого не так-то просто избавиться. И когда в канализации натыкаешься на запечатавающий токен Теней, невозможно сопротивляться соблазну снова влезть в их дела.

— Они что... живут под Фристадой? — выдохнула я, все еще не сообразив, как на это реагировать. — Эти твари много лет обитают прямо под нами и о них ничего не слышно?

Эта информация плохо укладывалась в голове. Как Тени могли спокойно жить, зная, что одна ошибка, одна случайность — и город наполнится изуродованными трупами? Прав был Самуэль, когда говорил, что им нельзя доверять. Впрочем, это и так понятно, никому нельзя доверять, но это...

— Что ты там делал?

— Смотрел, искал кое-что, и хочу тебе сказать, что там есть на что поглядеть. Развалины подземного города, почти цитадель, правда, воняющая и затопленная, но эти твари могут долгое время обходиться без воздуха. Ну и мне там нашлось где пошарить, — отмахнулся Гус, — я же сказал — мне надо из чего-то варить свои зелья. Но это неважно, если ты не заметила, нам теперь есть с чего начать.

Гус улыбался, похоже, он был готов идти туда сегодня же. На всякий случай я уточнила:

— Мы ведь не пойдем туда прямо сейчас? Это слишком... безответственно.

— Или слишком быстро, а, кошечка?

— Если еще раз ты...

— Да-да, ты меня сожрешь, — кивнул он. — Мы пойдем туда завтра. Я погляжу по своим кладовкам, а ты затаришься у Слепой Герды всем необходимым. Сегодня я просто покажу тебе, куда идти.

Он хлопнул по карманам и заозирался.

— Где-то у меня была карта их места...

Он так резво вскочил, что я ненароком отпрянула, но тут же успокоилась.

— Не то чтобы я не был способен запомнить путь, но была там парочка мест, которые нужно обходить. Тебе покажется это интересным. Ты ведь умеешь читать их, а, ко... душа моя?

Я читать карты умела, это было необходимым условием выживания в нашей среде, когда Самуэль мог в любой момент отправить меня в неведомые дали.

Гус исчез за занавеской и принялся шуршать бумагой. Нет, все-таки не зря его называли неудачником. Как можно хранить в доме такие вещи, как секретные карты скрытых мест, и при этом не озаботиться элементарным замком на двери? Несмотря на внешнюю убогость жилища, здесь наверняка было что красть — зелья, ингредиенты, записи рецептов — ведь не может же он помнить все их наизусть? Те же карты...

Под Фристадой было много пещер, и большую часть — ту, о которой известно — охраняли Аскеты, видимо, за остальные отвечали Тени. А между тем пошариться по

пещерам, в которых наверняка кто-то когда-то обитал, было много охотников. Один из таких желающих сейчас копошился за драной тряпкой.

Интересно, с каким выражением лица Аттикус нас слушает? Я покосилась на открытые окна. Не вошел в дверь, легко мог войти в окно. От Тени не спрячешься, она всегда с тобой. И хорошо еще, если только твоя собственная.

— Нашел, — радостно отозвался Гус. — На, посмотри, запомни. Но с собой мы ее брать не будем. Просто на случай, если нам придется разделиться. Ты ведь не думаешь, что в случае чего я стану тебя спасать?

— Если перестанешь кошечкой называть, уже одолжение сделаешь, — ответила я, разглядывая неровные линии на бумаге.

Карту составлял ну... Гус. Это был первостепенный образчик топографического слабоумия, но на первый взгляд вполне понятный. Несколько коридоров с надписями — затоплено, узкий проход, едва не застрял в этом дерьме, кладки яиц, огород — Тишь, как под землей можно что-то выращивать? Там ведь солнца в помине не было.

В самом центре карты был обозначен тронный зал в два уровня, хотя я могла ошибаться. Если верить гению Гуса, места там было не так уж много. Как раз примерно на один городской квартал.

Если повезет, мы осмотримся и послушаем, что происходит. И проследим за путем минуталей. Если, конечно, действительно повезет.

— Нравится? — самодовольно спросил Гус, а я в ответ криво улыбнулась, пытаюсь запомнить схему закольцованного в общем-то помещения.

— Не то слово. Где ты так научился составлять карты?

Гус усмехнулся.

— Но ты ведь ее понимаешь, верно? В том-то и соль, кошечка.

Я зашипела. Гус сделал вид, что ничего не заметил.

— Возьму, пожалуй, побольше усыпляющего газа, уверен, у меня его в достатке, — сказал он, прекрасно видя мое раздражение, — если попадемся, можно будет кинуть парочку склянок — убежать успеем. Пригодится легкий клинок, арбалет, ну и нож, так, на всякий случай. Разумеется, вода, еда и немного своих мозгов.

— А они у тебя есть? — не удержалась я от шпильки, и Гус, ухмыльнувшись, легко постучал себе по голове. — И арбалета у меня нет, все, чем я могу тебе там помочь — это магией. В смысле — я могу скрыть нас обоих, но это не так уж и легко. Как минутали реагируют на магию?

— На боевую?

— Ну разумеется! — закатила я глаза. — На любую! А ты... — Как Тень, он ведь должен был действительно этому научиться?

— Я — нет, — отрезал Гус и помрачнел. — Что бы тебе ни наговорили, я — ошибка Теней. Они считали, что врожденный маг объединит в себе их магию и свою. Они заблуждались.

Он говорил мне это и выглядел необыкновенно серьезным, настолько, что я подумала — не вышел ли ему этот эксперимент Теней боком? Похоже, что они и в самом деле любили ставить опыты на людях, а это значит — Самуэль был прав, конечно же, прав. Он всегда был прав.

Мне надо было делать ноги, как только Самуэль меня отпустил. Сейчас, после встречи с Аттикусом, бежать мне было уже слишком поздно.

Гус тряхнул головой. У него был, наверное, очень легкий характер, а может, он просто привык переключаться с последнего дерьма на хорошее... или важное.

— Минутали реагируют на магию, как и все остальные, — пожал он плечами, — они в принципе очень похожи на нас с тобой по физиологии.

— На тебя похожи, — поправила я, — не забывай, что я слегка все же отличаюсь от людей.

— Ох, хорош кокетничать, — поморщился Гус, — ты обычный человек, просто у тебя больше талантов, чем у других.

— Есть кое-что, — начала я, пропустив мимо ушей его реплику. — И это, наверное, важно. — Гус насторожился. — Ты... что-нибудь чувствуешь? Я имею в виду — влияние этой Книги?

Он призадумался, потом помотал головой.

— Если Книга у Вольфганта... насколько я знаю, — обтекаемо сказала я.

Гус трагично вздохнул.

— Мы это только что с тобой обсудили, кош... Дайан. Я не хочу, чтобы ты свернула мне шею, но мне нужно немного времени, чтобы отвыкнуть от этого «кош...», тебе придется просто с этим смириться и потерпеть.

В его глазах я, наверное, сильно упала. Действительно, «кошечка» — а как иначе, в одно ухо влетело, в другое тут же вылетело. Просто барышня из торговых кварталов, которой ум все равно ни к чему.

— Я не об этом. — Мне срочно нужно было попытаться реабилитироваться, иначе мне грозило в лучшем случае тащить за Гусом его барахло. Не то чтобы я была сильно против... — Если предположить, что Рем не просто так об этом сказал?

Гус устал меня разглядывать и начал потихоньку собираться. Сейчас он чем-то шуршал на столе и негромко ругался.

— Как понимать его слова: украсть Книгу у Вольфганта?

— Как хочешь, так и понимай, — буркнул Гус. — Может, их надо понимать буквально. А может, и нет. А ты сама что-нибудь чувствуешь?

Я тоже помотала головой, хотя и догадывалась, что он меня не видит, если, конечно, у него нет на спине пары глаз. Но мне нужно было донести до него предупреждение Аттикуса и сделать это так, чтобы не получить обвинений в двойной игре.

Да я во Тьме видела все эти игры!..

— Мне сказали, что нас может что-то сбивать с толку, — выдавила я, не выдумав ничего лучше. — И я понятия не имею, что именно.

Гус дернулся, потом повернулся ко мне. В руках у него был холщовый мешок.

— Ну тогда и не мучайся, — посоветовал он. — Тварей не обмануть, они точно ползут на магию Книги. Вот сейчас мы и выясним, куда именно их несет.

Но «сейчас» оказалось не так скоро, как предполагал Гус. Я могла за себя постоять, но сегодня ночью я шла сюда только для того, чтобы познакомиться с ним. Но никак не идти в логово тварей с одним легким клинком в ножнах и парой стрел. Наверное, в моей памяти долго будет всплывать застывшее в посмертной маске лицо Льюиса — как предупреждение. Там минуталей будет много больше, чем в схватке на кладбище. И, наверное, я должна была предупредить Самуэля — просто так, чтобы он знал. Вряд ли мне это поможет в случае чего, но так спокойней.

— Не так быстро, — покачала я головой. — Кошечка. У тебя тут целый склад оружия,

но я — в гостях. Если ты там бывал, ты должен знать, когда они спят. Днем, ночью, когда удобнее всего идти?

Гус заметно растерялся и наконец перестал мельтешить по комнате, которая, к слову, все еще страшно воняла кошками.

— Откуда мне знать? Я ходил ночью, хотя это не имеет значения. Их логово в пещерах под землей, там всегда темно.

— Ты ведь маг, — сказала я. — Варишь зелья и не знаешь ничего о животных?

— О тварях, — снова развеселился он. — Кошечка показывает коготки, а? Зелья я варю... веселым девочкам, например. Иногда даже дамам. Сама понимаешь, за такое меня не похвалят, но поэтому я до сих пор еще жив...

Меня это несколько удивило, но я не стала уточнять, каким это дамам Гус мог варить зелья. Одно я знала точно — среди жительниц богатых кварталов хватало таких дам, которые спокойно могли входить к герцогу, а их мужья в прямом смысле находились от них в зависимом положении. Не сказать, чтобы я видела этих дам в лицо, но их охранников примечала часто, и не приведи Тишь, чтобы они меня хоть раз заприметили.

Так или иначе, но у Гуса, в отличие от меня, были влиятельные покровительницы.

— Значит, ничего не скажешь? — спросила я. — Видно, придется самой все решать. Идем как стемнеет, в Козлиных болотах хоть и водится сплошь отребье, но и стража тоже попадает. А вот мне этого совсем не хочется. В смысле — им попадаться. Хорош уже носиться туда-сюда. Покажешь вход и расстанемся до завтра.

К тому же мне подумалось, что план — попади в логово минуталей и действуй по обстоятельствам — весьма отвратителен. Минутали могут остаться на следующую ночь внутри, и все, что мы сделаем — это просто обшарим их владения. И хорошо, если не попадемся в их лапы. Нужно было прочесть про них все, что найдется, и составить хоть какой-то разумный план.

Гус, остановившись, растерянно, словно сова, мигнул разноцветными глазами и радостно кивнул.

— Конечно, кошечка!

Я сдалась.

Глава четырнадцатая

Гус протащил меня по городу так, что нас никто не заметил, вообще ни единого подозрительного взгляда в нашу сторону. Я так умела — а как же иначе, какой от меня прок, если мой единственный талант не будет работать, но чтобы Гус мог так же, да безо всякой магии?

Он словно танцевал с тенями, и они, очарованные его уличной харизмой, отвечали безоговорочным согласием. Принимали его в свои жаркие объятия и ревностно хранили от чужих взглядов. Так я не умела, но тени при виде Гуса обнимали и меня.

Северный квартал мы покинули за пару десятков минут, и все, что я могла — это поспевать за юркой, гибкой фигурой в старом потрепанном плаще. Гус больше не шутил и не балагурил, казалось просто, что он слился с Фристадой, стал с ней единым целым — винтиком в огромном, наполненном магией механизме.

В конце концов, подавив неожиданно вспыхнувшую ревность к мастерству, я решила, что обучение у Теней дает кое-какие преимущества. Ведь Аттикуса я тоже едва-едва сумела заметить, так чем же Гус хуже него? Ничем, разве что маг отвратительный, в отличие от первого. Но это, опять же, заявление Аттикуса. Может, зависть, может, обида, может, что-то еще. Ухо надо держать остро — у меня здесь нет ни защитников, ни покровителей. Нет и не будет, напомнила я себе.

Стоило послушаться Самуэля.

Козлиные болота швырнули в нас шум ночной уличной жизни, пьянства, потасовок и вони. Воняло хорошо хоть не кошками, а всего лишь рыбой и попыткой властей вычистить канализацию. А также рвотой и алкоголем.

— Уже недалеко, — шепнул Гус, зажимая меня в узкую щель между огромным товарным ящиком и стеной, сам он пристроился рядом и на мое раздраженное шипение внимания не обратил. — Стражи здесь кот наплакал, но все как один полные психи. Один как-то гнал меня до моря, не переставая вопить во всю глотку. Можешь себе это представить? Полный псих.

Я покосилась на него с недоумением, но ничего не сказала, потому как слышала бряцанье меча. Мимо вразвалку, словно у себя дома, прошел стражник, обдавая нас перегаром и вонью немытого тела.

— Этот? — почти беззвучно поинтересовалась я.

— Думаешь, у меня было время останавливаться и рассматривать?

Я кивнула, принимая логичность довода, протиснулась между ящиком и Гусом и осторожно выглянула на улицу.

— За аркой в квартал Эрмет есть пара небольших тупичков, буквально небольших, только ты и поместишься. В одном из них и есть вход к минуталям. Если ты дождешься меня завтра в этом же прекрасном месте, я смогу провести тебя внутрь.

Я взглянула в разные глаза Гуса и слегка похолодела. Этот паршивец перехватывал всю инициативу на лету, я же могла лишь молча повиноваться. Ну разумеется, если пещеры закрыты магией Теней, то увидеть ее может только Тень. И Гус им являлся, несмотря ни на что. А значит, он мог меня провести внутрь, и вывести. А мог и нет. А я со своим талантом быть незаметной, выходит, была годна лишь на то, чтобы не сдохнуть в пещере первое время.

Я не знала, восхищаться ли талантом Теней просчитывать все наперед так, как будто это

было давно известным пророчеством, или ужасаться тому, что от этих людей я сейчас так или иначе завишу. Пожалуй, и восхищение, и ужас владели мной поровну.

— Захочешь меня нагреть — вырву кадык, — ласково и тихо пообещала я, глядя в ухмыляющееся лицо Гуса.

Перевернутые боги знали, догадался ли он, отчего я так взбесилась или нет, но его поганая ухмылка слишком сильно действовала мне на нервы.

— Не понимаю, о чем это ты, кошечка. Мы ведь в одной лодке, помнишь?

...Проснулась я от мягкого прикосновения к плечу. Это был Самуэль, и выглядел он точно таким же больным, как и вчера. Похороны всем обошлись дорого — в жизни каждого из нас Льюис поучаствовал, и каждый испытывал боль в той или иной степени. А мне же просто невыносимо было вспоминать его простодушное предложение. Знай я, что произойдет, ответила бы согласием, но... впрочем, знай я действительно, не допустила бы его смерти.

Мы долго смотрели друг другу в глаза, думая каждый о своем, а потом я виновато улыбнулась и выбралась из-под одеяла.

— Спасибо, что разбудил. Как раз вовремя, чтобы не опоздать.

Вещи были собраны и стояли в углу комнаты в неприметной удобной сумке. Накануне я добралась до отложенных книг и вычитала о минуталях достаточно, чтобы понять, к чему готовиться. Это были обычные, но мощные твари — тогда, на месте побоища, я увидела это собственными глазами. Но ничем большим они не блистали, кроме зачатков интеллекта, которых и лишил их, по преданию, Древесный бог Раскаль, когда они его чем-то прогневали. Авторы писали, что минутали, в свое время властвуя землей, возгордились и выступили против бога. За что он их и покарал, оставив под землей, лишив могущества, разума и умения. Грустная судьба, но я была бы не против полного их истребления.

— Я по-прежнему не вижу смысла в этой вылазке, Дайан, — сказал Самуэль, рассеянно присаживаясь на заваленный одеждой стул. — Отправляешься в логово тварей, чтобы посмотреть, куда они ползут. Ты должна помнить, что магический след от мощных артефактов так широк, что минутали долго еще будут не способны тебя привести к Книге. Они, должно быть, тычутся в углы, как слепые котята. Тебе-то это зачем?

— Это единственная зацепка, — призналась я, убирая волосы с лица и сясь проснуться. — Что нам еще делать? Вторгаться к Лесным чадам и ворошить их скудные записи? Ты же знаешь, они пишут с трудом. Это лучше, чем наобум искать Книгу в Поющем лесу или их парках, привлекая к себе внимание.

— А еще лучше зайти к Теням и поспрашивать об источнике их информации, — возразил старик. — Тебе никогда не приходило в голову, что лучший путь — простой путь?

— Знаешь же, что нет, — улыбнулась я и запнулась, не зная, что еще сказать. Что я хочу выбрать сама? Что мое дело — мои решения, но ведь он был прав, и я обязательно вернусь в Цитадель Теней и последую мудрому совету. Но не идти — не почувствовать зова Книги, который, возможно, в пещерах ощущается сильнее, чем в заполненной магией Фристаде. А еще я должна была вникнуть во все это настолько, чтобы потом не быть... кошечкой. Проклятый Гус!

— Просто позволь мне решать самой, — наконец попросила я. — И не волнуйся, я не высуну носа туда, где будет слишком опасно, к тому же, я все-таки чего-то стою.

Немного подумав, Самуэль кивнул, и вскоре я уже брела по городу, скрываясь в тених, безотчетно вспоминая, насколько искусно Гус вчера с ними танцевал. Пусть он и не был

приятной личностью, но думать о Льюисе было еще хуже. Я испытала к Гусу что-то вроде благодарности: он настолько меня раздражал, что тосковать и раздражать слишком свежую рану утраты и уже гноящуюся — вины было некогда.

В Козлиных болотах этим вечером стоял туман, расплывшийся по кварталу от холодного моря. Солнце зашло пару часов назад, и идти мне было легко, словно кошке в молоке. В такие дни заблудиться в тумане сложно, но вот напороться на кого-то не слишком дружелюбного — запросто, но я, немного выпавшись, прекрасно слышала шаги рядом и сумела благополучно найти проем между стеной и ящиком, где мы и договаривались встретиться с Гусом.

— Привет, душа моя, — разумеется, он уже ждал меня с сумкой за спиной и неприятной ухмылкой на физиономии. — Прогуляемся в пасть к монстру?

— Ты в мою пасть не поместишься, — мрачно ответила я, — да и воняешь к тому же.

— А говорят, что слюна оборотней расщепляет любые яды, вот мы и выяснили порог их чувствительности. Пойдем, я покажу тебе то, что не показывал никому.

Глядя ему в спину, я попыталась избавиться от картины, возникшей перед моим внутренним взором, и нервно хохотнула. Голый Гус пугал меня, пожалуй, еще сильнее, чем пещеры, полные минуталей.

Мы спустились в неприметный канализационный лаз, и там я с удивлением обнаружила небольшой грот, уводящий в катакомбы. Да уж... знал бы герцог. Впрочем, вход в пещеру был настолько узким, что я поневоле задумалась, как огромные минутали в него пролезают. Но ни они, ни Гус не разделяли моих сомнений, и мне пришлось пролезть в проход, согнувшись в три погибели. Лаз был полон вони, гниющей воды, грязи и каких-то скользких слизней, которые извивались почти что рядом с нашими лицами. Но Гус пробирался вперед уверенно, и мне не оставалось ничего другого, как последовать его примеру.

Внутри было отвратительно. Всюду слизь — на стенах, на потолке, на полу. В многочисленных лужах копошилось что-то... Что-то. Сырой и затхлый воздух, почти абсолютная темнота, изредка разбавляемая светящимися кристаллами, и непереносимая вонь. В общем, чудное место.

От галереи пещеры, в которой мы стояли и отчаянно морщились, вели два хода. Узкий и настолько низкий, что, соберись я пойти по нему, мне пришлось бы ползти, захлебываясь в слизи, и широкий и высокий. Вообще удобней было бы идти по свободному ходу, но оттуда доносились какие-то неясные звуки.

И, словно вторя моим мыслям, Гус глубоко вдохнул и нырнул в узкий лаз.

Очевидно, что минутали могли действительно легко обходиться без воздуха, если пользовались этим ходом, потому что спустя несколько минут я почувствовала головокружение и боль в груди. Камень почти обволакивал меня и становился все уже и уже. Неупомянутая, но хорошо знакомая паника подступала постепенно и со вкусом.

Я же не смогу даже развернуться!

Но кошмар внезапно кончился, когда я обнаружила, что могу вынырнуть и там есть воздух.

Что я говорила? Сырой и затхлый? Да он божественен — этот воздух!

Я стояла по грудь в грязи, в которой радостно копошились какие-то мелкие твари, и с наслаждением дышала. Гус тихо отфыркивался где-то рядом, но, впечатленный началом прогулки, молчал. Это было непривычно — слушать, как молчит неугомонный Гус. Глядя на него вчера, я думала, что он всегда ведет себя так, словно находится в баре с девицами

легкого поведения. Но он же будто меня не замечал.

Но это все романтика, потому что, как только я вспомнила чудесную ванну у нас дома, свежий воздух, да и... В общем, это место перестало казаться мне божественным. И мы погребли дальше, брезгливо отталкивая от себя водоплавающих червяков и других странных насекомых. Настрой из уныло-отвратительного постепенно переродился в поиско-приключенческий. А о Льюисе я старалась не думать...

Тоннель постепенно расширялся, а река из зловонной жижи уступила место такой же луже. Это место и вправду не было просто пещерами. То тут, то там из камня вырастали резные колонны, оградки амфитеатров и поросшие белесым мхом скульптуры минуталей. Переходя из помещения в помещение, мы проходили через останки вполне привычных дверей и порогов. Если бы здесь было светлей, возможно, я смогла бы лучше разглядеть. Но освещать себе путь было слишком опасно.

Шли мы недолго, по моим меркам, и в конце концов дорога привела нас в сердце катакомб. Теперь уже вокруг было сухо, тепло и даже по-своему уютно. Я стала осторожнее и старалась держаться подальше от светящихся кристаллов — лооров, и изо всех сил напрягала слух. Гус остановился и вылакал свое зелье. Большой вони представить уже было нельзя, но оказалось, у меня очень поверхностная фантазия. Гус протянул склянку мне, я замотала головой. Кто знает, как это зелье на меня подействует, я сомневалась, что Гус хоть что-то варил для оборотней, пусть отличия несущественны, они все-таки есть, и это риск.

Гус неслышно хмыкнул, убрал склянку, и мы пошли дальше. Спустя примерно полчаса я уловила еле слышные завывания.

Пение? Что там происходит?

Осторожность пришлось удвоить, поскольку эти твари обладали невероятной силой, и нам вдвоем против всех выходить не хотелось, исход был очевиден. Хотя что там было написано в книге? Минутали боятся волков? Неплохо бы, но здесь, под землей, мой волк сам испугается замкнутого пространства. А еще я не волк в прямом смысле этого слова, и если я вдруг им стану в неудачный момент — не сегодня, но в принципе, — беги, Гус, лучше беги.

Петляя пустынными коридорами, мы наткнулась на подобие столовой — и первого минуталья. Он стоял спиной к нам, держа в руках копьё, явно отобранное у стражников. Мимоходом вспомнив о свойстве зрения ящериц, я практически проползла к следующей двери, лишь шестым чувством ощущая, что Гус идет следом. Благо шуму от нас было немного, спасибо тренировкам Самуэля. Просочившись в другое помещение, я чуть не ойкнула — здесь была спальня. Твари спали, прижавшись друг к другу, почти даже не посапывая. Пожелав про себя им приятных снов, мы двинулись дальше. Слава Перевернутым богам, подобных курьезов больше не случилось, и мы вскоре вышли к огромному залу. Это был тронный зал, как мне показывал на карте Гус — огромное двухъярусное помещение, неаккуратный потолок которого терялся в темноте. И здесь горели факелы.

Мы замерли, прижавшись к стене у входа, и переглянулись. В глазах Гуса я увидела мелькнувший ужас, впрочем, в моих его было не меньше. Сердце так и стучало, вбрасывая в кровь парализующий страх.

Огромная толпа шипящих ящериц, стелющихся по земле, заполняла зал. Их чешуйчатая кожа сверкала матовым блеском в неровном свете огня. И все они стремились к единственному трону, возвышающемуся на огромном пьедестале. На троне спокойно сидел человек, и было видно, что он полностью владел ситуацией, и еще от него исходило такое явное ощущение опасности, что сейчас я ни за что на свете не посмела бы к нему приблизиться.

— Мы попытался пройти в кладбище, — шамкнул грубым голосом минуталь, — там защитники, мы не получилось.

— Кто? — требовательно спросил человек на троне.

— Гребень не уметь звать, их было не один, — ответила та же тварь.

Я слушала грубую, невежественную речь с нарастающим ужасом. Выходит, они разумные? Минутали способны говорить и размышлять, способны чувствовать неявную опасность и служить тому, кого боятся. А этого человека, которого не беспокоило огромное количество тварей вокруг, они явно опасались. Как и мы с Гусом, стоя в своем убежище. Речи и не было, чтобы зайти внутрь, подставляясь под такие неравные силы.

— Кто он? — едва слышно шепнула я, надеясь получить не тот ответ, который уже знала. Если нам посчастливилось встретить Вольфганта здесь, то... что? Я и представить не могла, что предпринять дальше. Трон был слишком далеко, и это не позволяло разглядеть лицо человека, но никакой книги в руках у него не было. И что нам делать? Ждать, когда он соберется выйти отсюда, проследить до Фристады... и ничего не получить. Я понятия не имела, о чем говорил минуталь, вероятно, жаловался на количество Аскетов, но я была уверена, что Книга спрятана хорошо, и вряд ли Вольфгант навещает ее каждую ночь.

И еще: я была не готова к такому повороту событий.

— Догадайся, кошечка, — шепнул в ответ Гус, сверкая безумным оскалом. — На ловца

и псих бежит.

Тем временем никто больше не произнес ни слова, но когда человек встал, зашевелился весь зал. Твари с глухими, мелодичными щелкающими звуками поползли к нему, как мыши в пасть змеи. Они не спешили, как могли бы мы ожидать, но двигались с великой целеустремленностью и словно знанием того, что приблизятся к своей мечте. Или жертве.

Я прислушалась к себе, замороженно смотря на мерзенький живой ковер, ища внутри себя зов Книги, но находила лишь ужас и омерзение. Меня не тянуло к Вольфганту с той силой, с какой тянуло к нему минуталей, но все же... Все же — некоторый слабый интерес, едва пробивавшийся за вопящими от ужаса чувствами. Любопытство, схожее с тем, когда преследуемая жертва оборачивается во внезапно наступившей тишине и вглядывается во тьму, ощущая всем существом, что зверь уже почти в прыжке.

— Стоять, тварюшки Раскалевы. Ваше времечко придет потом.

И он сделал шаг — извивающаяся масса замерла и расступилась, помедлив лишь на мгновение, от которого по коже пробежали холодные мурашки. Казалось, если бы не необъяснимая власть, которую имел этот человек, они бы его сожрали живьем. В немом восхищении от прикосновения к богу.

Не сговариваясь и не подав друг другу ни единого знака, мы бесшумно скользнули во мрак подземных коридоров, желая избежать встречи с расходящимися тварями.

Подслушанный разговор для нас не имел никакого смысла и был полон невнятного пафоса и ужаса. Пробираясь за Гусом темными коридорами и цепляясь за сырой шершавый камень, я не могла представить, о чем шла речь. Если раньше я думала, что минутали вышли наружу, повинувшись зову Книги, то теперь дело усложнялось загадкой — они ползли туда по приказу Вольфганта. Безмозглые, полные подобострастного чувства подчиняться. И умеющие, однако, отличать опасность.

И если так, то нам это здорово усложнит дело.

Прыжок сбоку, из темного ответвления тоннеля, заметили мы оба и бросились вперед, не разбирая дороги. Мелькнуло что-то огромное и серое, пахло вонью гниющего мяса, а потом Гус резко дернул меня за руку и швырнул в стену. Он замешкался лишь на мгновение.

Затем раздался тихий щелчок, и пещеру озарил ослепительный свет бомбы-вспышки.

— Бежим! — рыкнул Гус мне, и я, напроць ослепленная, повиновалась.

В глазах плясали темные пятна, танцую вместе со светом сложный танец, а в оставленном позади коридоре верещало что-то нечеловеческое. Что бы это ни было, ни о какой скрытности уже не могло быть и речи. Лишь бы выбраться в затянутую туманом Фристаду, отстать от погони и глотнуть свежего воздуха.

Я мчалась за гибкой фигурой Гуса, на ходу ища в карманах уже свою бомбу-вспышку, и пыталась ни во что сослепу не врезаться.

Нормальные люди о таком предупреждают, но действовать я умела в любых условиях. Потому что прекрасно знала, как быстро в себя придет тварь за спиной и как скоро сможет нагнать.

Поэтому бомба-вспышка так и осталась в кармане. Кинжал в ножнах куда надежнее, только успеть бы примериться. И молиться, чтобы тварь была одна. Двоих мне ни за что не положить так быстро. А Гус — откуда мне знать, на что он способен.

В столовой, где недавно мы встретили первого минуталю, было пусто, и мы, сдерживая сбившееся дыхание, быстро и осторожно ее пересекли. На секунду я ощутила желание прикоснуться к руке Гуса и почувствовать ее тепло, но потом оно прошло, вытесненное

паникой и стучащей в ушах кровью. До выхода оставалось совсем немного, но далеко за спинами мы слышали какой-то невнятный грохот.

— Стой, — выдохнула я и изо всех сил дернула Гуса за рукав.

Он подчинился, но продолжал злобно глядеть даже тогда, когда я достала кинжал.

— Мы не оторвемся. Достань оружие — и расходимся. Тварь нас учуяла, так дадим ей немного повыбирать.

Он молча кивнул после секундной заминки и скрылся в другом коридоре, зеркально повторяющий тот, в котором осталась я.

Тварь мчалась, рыча от ярости, и я, ни на что особо не надеясь, скрылась. Это хоть ненамного, но собьет ее с толку. Если повезет и она пойдет ко мне.

Мне повезло.

И перед тем, как метнуть дешевый кинжал, я увидела огромное тело подземной крысы — твари фута три в длину, с прижатыми к голове округлыми ушами и сочащимися бешеной пеной длинными зубами. Лезвие впилося в серый мех, оставляя снаружи лишь деревянную рукоятку. И прежде чем упасть, крыса по инерции пролетела несколько футов и тяжело рухнула на каменный пол.

Я выдохнула сырой воздух, коротко свистнула и помчалась к выходу. Если Гус не дурак — все поймет.

Потому что крысы редко ходили поодиночке.

Мы встретились у самого выхода, каким-то образом сумев пропустить друг друга перед затопленным жижей ходом — мокрые, грязные и взволнованные.

— Хорошо кидаешь ножички, душа моя, — злобно отплеываясь, сказал Гус. — Вот только побегали мы без толку. Ничего не узнали...

Он осекся, прислушиваясь к слабому шуму. Я насторожилась вслед за ним. В пещере наступила тишина, нарушаемая лишь едва слышным шумом города наверху. Однако если в подземельях минуталей что и происходило, то толща грязи заглушала шум. Однако, те крысы — стайный народец, и довольно известный среди охотников за тайнами и чужими вещами. Не найти вокруг Фристады ни единой пещеры, в которой не обитали бы эти твари. Но в город они выходить побаивались, хоть и обладали немереной силой и злостью. В городе были куда более изощренные в убийствах конкуренты — люди. Никто никогда не придумывал столько способов забрать чужую жизнь, как они. Оборотни, к которым я себя вынужденно относилась, просто убивали — быстро и безболезненно. Змеи, обладающие, как и минутали, лишь зачатками разума, убивали, но не наслаждались мучениями своих жертв.

— Что ты услышал? — недоуменно спросила я. Погоня уже прекратилась, но сердце упорно качало кровь с бешеной скоростью. К тому же хотелось помыться и наконец сесть и подумать над тем, что произошло. На первый взгляд, мы не слышали ничего особенного, но из этого обычного можно сделать много выводов. Прочесть события сквозь строки, проанализировать неожиданно возникшее слабое восхищение Вольфгантом, подумать хотя бы над тем, почему оно возникло, если при нем не было Книги.

— Ничего, кошечка, показалось. Идем, я познакомлю тебя с водой и мылом.

Вырвавшись под белесое от поднимавшегося тумана небо, мы тут же юркнули к проходу к кварталу Эрмет, откуда можно было попасть в любую часть Фристады. Мне следовало вернуться в общину хотя бы для того, чтобы скинуть бесполезную сумку, о которой во время вылазки я даже не вспомнила, ну и, разумеется, смыть с себя слой вонючей жижи. Но было похоже, что задумчивый Гус, так и не проронивший ни слова с тех пор, как мы поднялись на

улицы Козлиных болот, имел на меня другие планы.

— Не дури, кошечка, у меня найдется все, что тебе нужно, — сказал он без намека на иронию в голосе, когда я было свернула к кладбищу.

На нас налетел порыв ветра, и я повернулась к Гусу.

— Послушай, — ласково произнесла я. — Самое лучшее, что ты можешь сейчас сделать — это пойти своей дорогой. Молча, тихо и желательно внезапно. А завтра я буду ждать тебя в «Прогнившей руке», что на Каменном рынке. И, возможно, даже помурчу.

Глава шестнадцатая

Я плелась домой, окутанная вонью, и зябла. Может, и стоило согласиться на предложение Гуса, только я понимала, что ничем хорошим это не кончится. Мой браслет — не условность, и я не то чтобы была не готова признаться Гусу, возникни такая необходимость, я не была уверена, что он поверит. Отправить его на все четыре стороны было правильно. И я едва ли не бегом припустила к общине.

Твари внизу вели себя странно. Они разумные. Они опасные. Разум значит — с ними можно договориться, и Вольфганту — ведь это был Вольфгант? — это вполне удалось. Как? Я не знала, сомневалась, что знает Самуэль, и книги вряд ли могли бы мне подсказать ответ.

Меня не остановили. Могли бы, тем более сейчас, когда я была чудовище даже внешне, но стражники провожали меня безразличными взглядами. Может, решили, что я бегу от работы в Козлиных болотах, а какая там работа могла быть для девушки, и так было ясно. Аскеты, на которых я наткнулась уже возле кладбища, кивнули мне сдержанно, но приветливо, чем весьма удивили. Тишь с ними, я хотела только в тепло.

Голова начинала раскалываться.

— Самуэль! — прохрипела я голосом городского пропойцы. — Ты дома?

Ответа не было. Я скривилась, бросила сумку на пол. От меня воняло, и даже усталое шлепнуться в кресло я не могла. Вонь будет преследовать меня постоянно вместе с чувством вины за то, и Самуэль вынужден это нюхать.

Так что я направилась в ванную, на ходу стаскивая с себя то, что могла. Исподнее оставила до тех пор, пока окажусь за закрытой дверью. Тепло дома действовало, хотелось успокоиться или загнаться какой-нибудь навязчивой мыслью, но ровно до тех пор, пока я не оказалась в ванне. Теперь думать уже было невозможно — от горячей воды я сама растекалась, не то что мой разум, для него, наверное, всего было слишком много. Сделать то, что просили, и получить за это награду.

Свободу, подумала я, протягивая руку за мочалкой. И взгляд упал на браслет.

Льюис не должен был мне ничего, он признал, что моей вины ни в чем нет, что я не просто так сбежала и еле выжила во враждебном мне городе. Льюис выразил мне сочувствие и поддержку, и что именно он скрыл за усмешкой? Мог он по-настоящему любить меня, о чем он думал, когда осознал, что спасения нет?

Я замерла с мочалкой в руке и комкала ее, раздирая на мелкие части. Я считала Льюиса другом, но разве друг — это мало? Друг согласился остаться другом и не настаивал ни на чем ином?..

Я пришла в себя, едва последняя склянка звякнула о пол и разлетелась на мелкие осколки. Вспышка гнева, затмившая рассудок, и приступ отчаянной боли — уже хорошо, так всегда говорил Самуэль, и я ему верила. Это значило, что скоро все кончится.

Кричать не хотелось, и я стояла, смотрела на разгром, который учинила в ванной комнате, на усеянный битыми склянками и лужами пол. Я наверняка расколотила что-то важное или ценное, мне стало стыдно, но домыться все-таки стоило. И я оттерла себя мочалкой, вытерлась, тщательно убрала в ванной, размышляя, что надо с утра приготовить Самуэлю завтрак в качестве извинения. Вот в этой баночке, которую я как раз сметала в совок, кажется, были какие-то редкие и дорогие травы...

Я слышала, как хлопнула дверь. Самуэль вернулся. Я надела халат, покидала грязное

белье в корзину и вышла. Окликать Самуэля не стала, хотя сейчас мне безумно хотелось, чтобы он меня просто обнял... так, как он это умеет, без слов. Но я и так довольно причинила ему неудобств.

Может быть, еще из-за этих мыслей я не сразу заметила, что что-то не так, а когда поняла, что вонь подземелий меня все еще преследует, отмахнулась, как от досадной иллюзии. Неудивительно, тем более что вон валяется моя куртка, и мне надо бы ее подобрать и...

Я застыла, не находя в себе смелости выпрямиться, как будто то, что я спрятала голову в собственный зад и делаю вид, что мне ничего не грозит, могло уберечь меня от опасности. Запах, запах шел не от куртки, а потом остро пронзивший страх за Самуэля словно подбросил и заставил меня развернуться.

Я была уязвима как никогда. В банном халате, из оружия в руке только грязная куртка. Скрыться. Скрыться немедленно, пока Вольфгант меня не убил.

Как он сюда прошел, где Самуэль? Если с ним что-то случилось — я прикончу Вольфганта голыми руками, и плевать мне на все.

Я сделала шаг по направлению к воню. Куртку я бросила сразу — она могла меня выдать. Мне хватило бы злости и сил, я это знала, достаточно было решимости и ненависти. Вольфгант убил Льюиса. Он выволок на свет этих тварей. Он обрек Фристаду на гибель. Я убью его — и мне ничего за это не будет.

Вольфгант топтался у порога, и вид у него был... неуверенный. Я остановилась. Он озирался, и меня осенило, что он боится. Не меня, возможно, он вообще обо мне не знал, но Самуэля боится точно.

Я еле слышно стукнула ладонью по стене, и этого хватило.

— Самуэль?

Тот же голос. Я не ошиблась, только власти в нем сейчас нет. Вольфгант растерян и непохож на монстра в облике человека, перед которым склонялись монстры в обличье зверином. Еще один... робкий клиент, который страшится и того, что его к нам привело, и тех, кого он может у нас встретить.

К примеру, меня, подумала я, сжимая кулаки.

— Самуэль? Я пришел с миром.

Молчание. Мы сейчас смотрели друг другу в глаза, только я его видела, а он рассматривал... нечто. Наверное, пустоту, я понятия не имела, как это выглядит со стороны.

Где-то снаружи раздались голоса, мужской и женский, Китти и Джо, два старика, опять выясняют, кто у кого вылакал наливку. Но Вольфгант, очевидно, решил, что это говорит Самуэль, и выскочил на улицу, хлопнув дверью. Я открылась и прислонилась к стене, тяжело дыша.

— Ходят тут, ходят! Вон пошел! Не принимаем заказы у оборванцев! — донесся до меня визг Китти. Знала бы старая повитуха, кто перед ней стоит, но Китти уже давно видела скверно и узнавала только клиенток, и то с привычной ей стороны. — Пошел, и отребье твое принимать не буду!

Китти завелась, даже Джо не мог ее успокоить, а может, сбежал допивать украденное. Я слышала, что Китти вопит уже в спину Вольфганту. Значит, он все же ушел. Так что же ему было нужно? Не я, но я и так могла догадаться. Раз он искал Самуэля — заказ у него был серьезный, он придет еще раз.

Я вернулась в комнату, подобрала куртку и отнесла ее в ванную. Она страшно воняла,

стоило ее постирать... Потом.

Снова хлопнула дверь, и я кинулась туда, уже не скрываясь, готовая ко всему, и едва не завопила от облегчения, увидев входящего Самуэля.

— Как ты? — тихо спросил он.

Я вздохнула. Ну, я вернулась и я жива, это все, что я могла ему на это ответить.

Самуэль неслышно подошел и погладил меня по голове. Я спрятала лицо в ладонях. Если бы не недавняя вспышка, мне было бы намного хуже, сейчас я была в абсолютной прострации.

— Тебя искал Вольфгант, — нехотя сообщила я. — Мне показалось, он напуган, а старая Китти послала его... в то место, которое кормит ее вот уже сорок лет.

Мы рассмеялись. До того, как стать повитухой, старая Китти была очень веселой девушкой. Настолько веселой, что клиенты предпочитали с ней исключительно выпивать, ну и тогда же она научилась своему новому мастерству.

Самуэль отошел, занялся своими делами. Но мне было легче с ним рядом. Прислушавшись к Вольфганту он больше ничего не спросил.

— Ты знал, что они разумные?

— Кто, минутали? — Самуэль, казалось, даже удивился. — Насколько разумные?

Это был прекрасный вопрос.

— Они говорят, понимают речь, осознают опасность... — перечисляя это, я чувствовала холодок. Не потому, что меня пугал разум тварей, хотя и он тоже, было что-то еще. — Они вооружаются. — Я как будто увидела минутали с копьем стражника и сама себе покивала. — И они поклоняются Вольфганту. В прямом смысле, как божеству. В какой-то момент, правда, мне показалось, что они намерены его съесть...

— О еде, кстати. Будешь омлет? — обернулся ко мне Самуэль, держа в руках какую-то тряпку. У меня в памяти снова мелькнуло что-то и тут же пропало, и нет, это не было связано с тряпками.

— Обязательно. — Я подумала, о чем должна рассказать еще. — У Вольфганта не было Книги. А твари были... Что он мог хотеть от тебя?

Вольфгант спокойно шастал по городу — наплевать, он без спроса вошел в мой дом, столь же нагло, как мы с Аттикусом — в квартиру Гуса, нехотая вспомнила я. Но Аттикус — Тень, как и Гус, а Вольфгант... Он натравил на нас минуталей. Я могла...

Я осекла себя, предчувствуя, что добром это может не кончиться. Хватит. И я смотрела на Самуэля, выжидая, что он мне ответит, но Самуэль не спешил.

— Люди приходят сюда за разным, — наконец произнес он, не поворачиваясь, — от зелий до мелких краж. Или совершенно не мелких, но вот что я скажу тебе, дочка, ты правильно поступила, что позволила ему уйти. Молчи, — он предупредительно поднял вверх палец. — Если Вольфгант на свободе, а не в Алых Крестах и не на пиках Аскетов, значит, так надо.

Тени, с ненавистью подумала я. Аскеты ничего не знают, иначе бы во славу Единого болтались Вольфганту на виселице или догорать на костре. Я не была уверена, что за кара положена тем, кого Аскеты почитают богохульниками и колдунами, но заранее была с ней согласна.

— Ты посоветовал мне бежать, потому что все это — политика? — понимающе хмыкнула я, а Самуэль кивнул, все так же не оборачиваясь и взясь с омлетом. — Те игры, в которых мы не мастера?

«А почему ты так ненавидишь Гуса», — хотела добавить я, но не стала. Это война Теней и их дело. Лучший путь — простой путь, сказал Самуэль, и я поступлю согласно его совету. Может, мы вместе сможем понять, будет ли Вольфгант еще раз нападать на общину или то, что творят эти твари, ему ни к чему? Что если он теряет над ними контроль?

— Ешь, — улыбнулся мне Самуэль и поставил чашку с восхитительным омлетом. Но я смотрела на нее, словно не видя. С чего я решила, что Вольфгант теряет контроль?

«Кто», так он спросил, и тогда от ужаса я не заметила ничего странного, однозначно решив, что это «кто» относится к «защитникам», то есть Аскетам и... Аскетам, оборвала я себя в который уже раз. Но если «кто» — это те минутали, которые пытались «пройти в кладбище»? Минутали разумны, но не настолько, чтобы понимать сложные фразы, и Вольфгант хотел, чтобы ему назвали имена непокорных? У минуталей есть имена. Кто дал им имена? Или мы не слышали то, что было до нашего появления, а это могло быть важно, если не решающе. Что если в цепи минутали на кладбище — поклонение Раскалю — Книга — визит Вольфганта нет одного звена?

Книга. Она не единственная. Существует множество разных книг, и в одной из них я прочитала...

— Прости, — я вскочила, готовая нестись сломя голову, и не сразу сообразила, что на мне только халат. — Прости, мне срочно надо бежать.

Глава семнадцатая

Из-за густого тумана у меня не получалось бежать быстро, но все же если Самуэль и собирался мне что-то сказать вдогонку, то не успел. А может, и не захотел. Я и сама не слишком поняла, что хотела обсудить с Тенями, да и с кем — Рем никогда не примет меня вот так запросто, будто мы давние друзья. Но был еще Аттикус — человек, который так старательно держался подальше от Гуса, словно их связывало одно большое и сложное прошлое. То, что он успел мне рассказать, мало о чем говорило, зато говорили поступки. Гус явно не хотел его видеть, да еще и в собственном доме.

В тумане я едва не споткнулась о корень, зацепилась рукой и коротко, яростно выдохнула. Фристада утопала в ночных туманах, как в белом, вышедшем из берегов прохладном море. Но сегодня с ней что-то случилось.

Вырвавшись из арки, соединяющей кладбище и небольшую площадь перед фортом Флинт, я остановилась, почуввав неладное.

Самый верный признак того, что во Фристаде что-то происходит — отсутствие Аскетов на своих постах. Я не увидела их даже на входе, что само по себе было пугающе. На моей памяти такого не было даже в день Святого Мэрнока, когда во всех Храмах шли торжественные службы. Но напугало меня не это.

Огромные створчатые ворота форта мрачно и бесшумно покачивались на ветру, как вырванные с мясом руки. Оглянувшись на громаду здания, полускрытого морским туманом, я поежилась. Шпили прочерчивали небо темными пиками, словно грозили ему о чем-то своем. Фристада заболела — я еще ничего не поняла, но почувствовала. Об этом вопил бесхозно тащившийся по каменной мостовой мусор, темные окна форта и погасшие факелы. А еще Эрмет, судя по глухой тишине, был пуст, будто неизвестная болезнь выкосила разом всех жителей.

Я нерешительно стояла в тишине, не зная, стоит ли мне вмешиваться в дела Аскетов. Они никогда этого не одобряли, но все-таки пару раз помощь приняли. И отблагодарили, разумеется, весьма специфично, но жест в виде небольшого каменного молота — их любимого оружия — я оценила. Мне никогда не приходило в голову носить его, да и ноша, честно признаться, была тяжела. Но выкинуть молот не я посмела.

Пока я ежилась под прохладным ветром на темной площади и принимала решение, раздался первый крик. Яростный, полный знакомых мне проклятий и слов.

Что ж, решения я умела принимать быстро. Оставалось только впоследствии о них не пожалеть.

Не зная, что ожидать, я вынула из ножен дешевый кинжал и скользнула внутрь форта. И в нос тут же ударил терпкий, неприятный запах крови, гнилого мяса и разложения. Здесь была бойня — короткая и кровавая, но в живых никого не осталось. Я отчетливо видела распластанные тела Аскетов в их обычном красном обмундировании, восставших в погребальных одеждах, истекающих не кровью, а гноем и еще чем-то настолько мерзким, что я предпочла отвести взгляд.

Из распахнутых ворот гулял ветер, и я почувствовала, как волосы встают дыбом. Просто кинжал здесь не поможет — подходить так близко к восставшим, пусть даже окунув лезвие в освященную воду — чистое самоубийство. А еще у меня каждый раз кровь в венах стыла, стоило мне столкнуться хоть с одним восставшим. Видеть, как на когда-то живом и

красивом лице цветет жуткая полуразложившаяся ухмылка, как горят голодом глаза, слышать, как вместо речи из горла вырывается надсадное рычание — все это было выше моих сил. Лучше минутали — сильные, но живые, понятные, ведомые теми же инстинктами, что жили и во мне.

Но все же я слышала человеческий крик, и судя по открывшейся картине, Аскеты не откажутся от любой помощи. Крик повторился, на сей раз торжествующий, а затем, спустя несколько секунд, полных боли, я ощутила, как сжимается у меня все внутри. В судьбе того Аскета сомневаться не приходилось.

Я знала, где склад, сюда пускали почти всех — разумеется, под присмотром. Потому что, если ты не маг, то уничтожить восставшего можешь только освященной водой. Я не верила в Единого, но эти твари как огня боялись заговоренной воды.

Склянок было еще достаточно, и я, распихав несколько по карманам, разбила одну из них и облила клинок. На некоторое время хватит.

Крики доносились со внутреннего двора форта, где находился небольшой погост, состоявший сплошь из захоронений местной знати. Там держали оборону оставшиеся в живых братья. Я не знала, чем могу помочь, но пройти мимо не могла, ведь тот Аскет не бросил Льюиса и поплатился за это жизнью.

Я вырвалась на затопленную туманом площадь и тут же услышала сбоку от себя звериное яростное рычание, размахнулась и ударила клинком — тварь испустила гортанный крик и тяжело осела на землю.

— Только не нападайте на меня, — заорала я. — Я помогу. Я живая!

Раньше толстые каменные стены заглушали звуки боя, но теперь я словно окунулась в горячую воду из криков и звона мечей. Только бы не пропустить восставших в этом проклятом тумане.

Я снова ударила неуклюже подбежавшего ко мне мертвеца и помчалась в гущу, уже не видя, как он падает.

Восставших было значительно больше, и среди Аскетов не оказалось ни единого мага, который мог бы поправить положение дел своих собратьев — кто знает, где они все. Мертвые теснили горстку уставших людей, обступая их как муравьи и глупо взмахивая руками, пытаясь ударить, но я знала: один нелепый взмах, и можно сломать человеку руку или перебить шею. Силы в тварях было достаточно. Как и во мне.

— Зови на помощь! — заорал мне кто-то, но я даже не представляла, кого звать. Самуэль маг, но я в здравом уме ни за что не позвала бы его сюда. Да и он просто прибьет меня за то, что я ввязалась не в свою драку.

Но Льюис...

Задумавшись на миг, я едва сумела увернуться от восставшего, пытавшегося неуклюже на меня завалиться. Взмахнула клинком, но не попала и по инерции упала на землю. И тут же поднялась, испугавшись, что меня тут же затопчут в пылу драки.

— Кого? — заорала я. — Здесь нет поблизости магов!

И осеклась, в очередной раз тыча клинком в ревавшего восставшего. Маги здесь были. Тени — к ним я шла, пока не заметила висевшие на петлях ворота форта Флинт.

Мертвец рухнул, в последний раз коротко вскрикнув.

Тени могли помочь, они обязаны были это сделать, кто, если не они? Но бежать было некуда, туман заливал все белым молоком, и я даже не видела, где свои, а где чужие. Как здесь пробираться и не пропороть случайно Аскета?

А потом кто-то резко схватил меня за плечо и выволок из схватки.

— Ты что творишь?

Голос говорившего был знаком, но я сходу не сообразила — чей.

— Иди внутрь, живо! — от властного тона у меня едва не перехватило дыхание.

Захотелось тут же заткнуть его, чтобы он никогда не смел разговаривать со мной так.

Как мой отец, как брат, как дед, как опекун. Как Самуэль. Серый бог порви этого нахала!

Но в тумане так сложно было понять, как вернуться и не заработать себе рану, что я в растерянности встала с клинком наготове и смотрела на невнятное, полное звона мечей шевеление в тумане.

Восставшие словно вздохнули — синхронно, устало, облегченно. Еще какое-то время раздавались звуки мечей, но и они вскоре затихли.

Восставшие сгнули. Все до одного. Я ничего не понимала, значит, здесь был маг?

— Ты что творишь, Дайан! — повторил вынырнувший из тумана человек.

Вглядевшись, я узнала Аттикуса. Он был зол настолько, что я тут же расхотела спорить. Что же, ведь его я и искала, не правда ли? Я вспомнила, как насторожился Гус у выхода из пещер, и неожиданно все поняла. Аттикус все это время следил за мной, за каждым моим шагом, а Гус тоже Тень, он мог тогда увидеть его или как минимум понять, что тот рядом. А значит — я выдохнула — Аттикус видел, как приходил Вольфгант. Спасибо, Тишь, что Китти его выгнала, и к Самуэлю не должно быть вопросов.

— Но я...

Он пребольно схватил меня за плечо и потащил прочь от возбужденно переговаривавшихся Аскетов, через коридор, склад, и заваленный трупами главный зал, где обычно проходили богослужения.

— Молчи, пока не выйди на воздух.

И только на улице он отпустил мое плечо.

— Какого Серого, Аттикус? — я все-таки не выдержала, потирая нывшее плечо. — Что вы там делали?

Он не ответил, и я не могла разглядеть его лица из-за тумана. Площадь перед фортом по-прежнему была пуста — ни людей, ни вездесущих крыс, впрочем, эти всегда первые делали ноги.

— Зачем ты туда полезла, Дайан? Все, что ты должна сделать — найти Книгу, а не лезть на ужин к восставшим. Если бы меня здесь не было, как долго бы ты прожила? Минут десять?

Он вздохнул, и, судя по виду, не особо ожидал моего ответа.

— Боги, я, кажется, забыл, что ты совсем молода.

— Аттикус...

— Ты нужна живой, — жестко и холодно оборвал он меня.

И я вконец вышла из себя.

— Можно подумать, вам я так сильно важна! Все, что вам нужно — проклятая Книга, и чтобы я ее нашла, вы готовы идти по трупам! Откуда мне было знать, что вы контролируете ситуацию? Я хотела помочь!

— Контролирую, Дайан? Я пошел туда за тобой, мне не пришло бы в голову помогать им. А тебе как пришло, можешь объяснить? Что ты такого умеешь, чтобы оказаться там полезной?

— Когда твари напали на нас, Аскеты помогли. И один из них погиб, — зло бросила я, направляясь обратно в форт. Даже если восставших больше нет, я все еще могла помочь, хотя бы перевязав раны.

— Это их обязанность. — Аттикус бесцеремонно вернул меня назад. — Они — чистильщики этого города. Мертвые и преступники — их работа, их пропитание и способ доказать верность Единому. А ты — девчонка, которая всего лишь умеет скрываться. Ты не можешь им помочь, ты им помешаешь.

— Вы видели, сколько Аскетов погибло? — вскинулась я.

— Да. И это печально. Но это их жизнь, Дайан, и их собственный выбор.

Я замолчала, яростно глядя в лицо Тени, но он и не думал отводить взгляд. Он был разъярен и холоден, как глыба льда, что иногда проходили мимо побережья Фристады.

Я не знала, что еще ему сказать, потому что единственный аргумент он отмел, словно пушинку. Но согласиться я с ним не могла — как можно пройти мимо беды другого? Моих соседей. Разумеется, Аскеты особо никогда не жаловали нас, но они, как и Лесные чада, никого вообще не жаловали. Но и не вредили, и я умела это ценить. И они не бросили Льюиса, он умер не один. Так как я могла?

Меня пробрал мороз от тяжелого взгляда Аттикуса.

— Я не собираюсь перед вами оправдываться, — в тон сказала я. — И я не просила за мной следить. Вы что, шли за нами по всем подземельям?

Он вздохнул, и одновременно с долгим вздохом дернулись ворота форта. Мы молча наблюдали, как на улицу выходят потрепанные Аскеты и опускаются на землю. На нас они если и смотрели, то не слишком заинтересованно, наверное, просто устали. Мне не нужна была благодарность, я ведь даже не успела ничего сделать. Все Аттикус со своей магией Тени и равнодушием с саму Фристаду.

— Видите, сколько их осталось? — тихо спросила я. — В форте служит много людей, и многие так и не пережили сегодняшнюю ночь.

Я присела на все еще теплый камень парапета и перевела дух. Все планы рухнули к Олоре и Айре. Но откуда появилось так много восставших в форте? И почему так спокойно было в общине, где тревожный звон колоколов в башнях Аскетов? Восставшие редко далеко отходили от мест своего последнего упокоения, но то, что я увидела, навело на мысли о зове. Зове той самой проклятой Книги. Серый бог ее возьми, значит ли это, что она в городе, раз восставшие поднялись именно в форте? Или всему виной Вольфгант, пришедший поговорить с Самуэлем?

— Чем вы их так? — спросила я, только чтобы дать голове время переварить все вопросы. Тени никогда не расставались со своими тайнами, и на прямой ответ на этот вопрос, как и на предыдущий, я вовсе и не рассчитывала.

— Магией, — коротко ответил Тень. — Восставших можно убить огнем и магией. И освященной водой, разумеется.

Голос Аттикуса постепенно менялся и становился мягче и спокойнее, хоть он и был по-прежнему на меня зол.

Ну, разумеется. Я криво улыбнулась и кивнула.

Это был не слишком подходящий для разговора миг. Мы наблюдали, я — с замешательством, а Аттикус — с видимым равнодушием, как Аскеты, устало привалившись к теплому камню, шептали молитвы об убиенных. Нервное возбуждение резко схлынуло, и я почувствовала, как холодеют руки. Горожане никогда не любили Аскетов, хоть они и принимали на себя основной удар, я недолюбливала их за фанатизм и излишнюю жестокость. Но именно они и Аттикус не позволили восставшим выйти на улицы Фристады и разбрестись кто куда.

— Равновесие не в том, чтобы скорбеть, Дайан, — тихо сказал Аттикус, становясь рядом со мной. — А в том, чтобы предотвратить и понять. Ты сегодня можешь быть собой довольна. Восстановить баланс в городе — великая честь. И я был рад ее с тобой разделить. Несмотря на то, что это было бесконечно глупо.

— Почему их так много?

— Почему бы ни было, их больше не осталось. Я это знаю. Иди своей дорогой, Дайан.

Я помотала головой и догнала темную фигуру до того, как она исчезла в тумане.

— Так не пойдет, — сказала я, ощущая на себе его взгляд. — Вы не уйдете от меня теперь так просто, будто мы с вами выпили по чашке чая и разбежались.

— И тем не менее, я все еще здесь, потому что мне интересно, а не потому, что ты можешь мне помешать, — сказал он с мрачной улыбкой.

Капюшон он все-таки снял, и я вспомнила — он был много старше и меня, и Гуса, но взгляд притягивал. Серые ясные глаза, наполовину седые волосы и невероятная атмосфера покоя. Будто ему ничего не могло навредить и он вовсе не стоял несколько минут назад перед толпой восставших мертвецов, а позже не орал на меня, словно мы были близки. Когда как я ощущала, как колотится сердце и болят от клинка руки.

— А еще вам поручили приглядывать за нами, — напомнила я, не обратив внимания на его последнюю фразу. Что бы и как бы он ни говорил, мне стоило мыслить ясно, хоть голова все еще и гудела от обилия событий. Аттикус выглядел человеком, способным заморочить меня всего парой предложений. — И вот вы здесь, спасаете Фристаду от орды монстров и гордитесь разделенной со мной честью. А потом пытаетесь уйти, словно просто проходили мимо.

— Я этого не говорил, Дайан. Лишь про честь, но поверь, вполне искренне. Что ты хочешь узнать?

— Откуда появилось столько восставших? Их слишком много, даже если... вы понимаете, если Книга рядом. Если бы такое произошло раньше, я бы знала.

— О, — мягко сказал он, уводя меня прочь из квартала Эрмет. — Это легкий вопрос.

Форт Флинт, склепы Аскетов из собора Святого Мэрнока, Каирны. Это все открытые захоронения, и мертвым легче выбираться наружу, нежели с кладбища, где ты живешь. К тому же Каирны недавно хотели ограбить и оставили незапечатанными несколько выходов.

Я резко выдохнула. Восставшие явились не только из склепов Аскетов, но и из других мест. Зато теперь я понимала, почему маги не пришли братьям на помощь. Если мертвые лезли из Каирнов, то беда в форте — всего лишь часть беды. Но, тем не менее, именно беда. Я была рада, что никто из Аскетов к нам не подошел и что мы ушли с площади возле форта. Видеть этих людей было больно.

— Зов Книги становится сильнее, и тебе не стоит волноваться об этом. То, что произошло, больше не повторится... — Аттикус запнулся на крохотную секунду. — По крайней мере, в этом варианте. Границы кварталов закроют, учитывай это при своих перемещениях.

Я пожалала плечами, не особо поверив ему. Никто не может уследить за таким количеством захоронений в городе. И если раньше Каирны — огромный многоуровневый склеп, где покоятся тысячи воинов, знать и известные политики, находился далеко за чертой Фристады, то теперь город разросся настолько, что до Каирнов было рукой подать. Что ж, из всего сказанного мне было ясно, что форт Флинт — не единственное пострадавшее место.

Стало зябко.

— А вы появились так вовремя, потому что следили за мной? — повторила вопрос я, в очередной раз не особо надеясь на честный ответ.

Аттикус коротко хохотнул, тесня меня к стене и пропуская группу вооруженных стражников. На нас они не обратили никакого внимания, что и неудивительно. Я могла становиться незаметной, стоило этого захотеть. И сейчас мне не слишком хотелось, чтобы кто-то видел меня в компании Тени.

— Приглядывать не значит неотступно следовать по пятам. Впрочем, опыт показал, что из вас двоих с Гусом ты — тот самый элемент неожиданности. И я очень надеюсь, что мне не придется впредь тратить на тебя столько времени. Будь осторожнее. Твоя задача — Книга, с остальным разберется кто-то другой. А теперь, полагаю, мне нужно кое-что тебе объяснить. На встрече Рем не был так информативен, как ты того заслуживаешь. Глупо взваливать такое серьезное дело на тебя и не выдать и половины сведений, что у нас есть.

Мы снова пропустили группу стражи.

— То, что ты сейчас наблюдаешь — рост зова, что излучает Книга Памяти. Магическая энергия в артефактах имеет накопительное свойство, и чем дальше, тем будет хуже. И каким бы ни выглядело происходящее ужасным, не стоит воспринимать это всерьез. Просто будь осторожной и ищи Книгу.

— Если бы я знала, где ее искать! Я была... в пещерах минуталей и видела Вольфганта. Думаю, зов исходит еще и от него, потому что эти твари пресмыкались перед ним, как шавки перед хозяином. И я тоже ощутила что-то подобное.

— Интересно.

Мы остановились у моста, и Аттикус махнул рукой к небольшому зеленому скверу. Я же со смешанными чувствами наблюдала, как плавно он двигается. Это было красиво, а еще он был Тенью. Человеком, которому ни в коем случае нельзя доверять.

— Они разумны настолько, чтобы понимать речь и различать собственное имя. Вольфгант дал им имена, может, не всем, но некоторым... Вольфгант опасен и силен, и этим интересен. Хотя за пару часов до встречи я хотела воткнуть ему кинжал в глотку.

Скажет ли Аттикус, в чем секрет? Промолчит? Я смогу проверить свои догадки?

— Тот погибший мальчишка из вашей общины, — понимающе сказал Аттикус, и я съежилась. — А сейчас ты чувствуешь что-то подобное?

Я долго всматривалась в заросшую травой землю, прислушиваясь к себе, а потом помотала головой. Подумала, стоит ли рассказывать все до конца, или информация за информацию. У меня тоже должны быть козыри, как бы ни глупо было пытаться играть в Тенью с кости.

— Нет, не уверена. Но Книги у Вольфганта с собой не было.

На самом деле это была ложь, я лишь сейчас поняла это, а Аттикус, вернее всего, эту ложь разгадал, ведь я не могла знать, что лежало у Вольфганта за пазухой. Но мне нужны были ответы.

— Такое тесное взаимодействие с мощным артефактом и Раскалем оставляет свой отпечаток, я подумал, ты знаешь об этом. Но позволь мне закончить свою мысль. Вы с Гусом должны найти Книгу до того, как Раскаль вырвется на свободу, потому что я не могу обещать, что мы справимся с ним. Это очень коварный и хитрый дух, он обманщик, не знающий жалости и разума в вашем привычном понимании. Наблюдай за тварями, Дайан, они идут за Книгой, пусть и сбиваются с пути. Ищи соответствия. Пока же могу сказать, что Книга вернее всего в городе. Ведь не зря мертвые пришли сюда, а не в Поющий лес. Вольфгант не дурак вести Раскаля в свою общину.

Что же, спасибо на этом. Наблюдаю, буду наблюдать, я умнее, чем думают все они обо мне — и Гус, и Аттикус.

— Однако дурак, что вернул ему тело, — хмуро дополнила я и в очередной раз подумала, хотел Вольфгант этого или нет.

— Верно, — улыбнулся Аттикус.

— А где сам Раскаль? — спросила я, задумчиво наматывая волосы на палец. Аттикус смотрел на меня так открыто, что ему хотелось верить, а не фильтровать каждую произнесенную фразу.

— Не могу сказать. Но думаю, что восставшие и его рук дело, а не только Книги. А теперь позволь с тобой распрощаться, Дайан. И попросить запомнить все то, что я сказал.

Глава девятнадцатая

Впоследствии мне так и не удалось вспомнить подробности той ушедшей в вечность ночи. Я разлепила глаза на следующий день и застонала от кошмарной головной боли.

Перед глазами мерно качалась какая-то тряпка и издавала мелодичные звуки, отдававшиеся в мозгу, как звон колоколов в Храмах Единого. Я лежала, не шевелясь, справедливо полагая, что организм сам знает, как ему реагировать на неизвестные предметы, самостоятельно летающие в воздухе. Мозг пока на такой глубокий анализ способен не был, и я продолжала пытаться разглядеть эту непонятную штуковину через мутную пелену перед глазами. Потом, спустя невероятно долгую секунду, я вдруг вспомнила, что если моргнуть — то зрение вернется. И я моргнула.

По ощущениям в теле и в сознании, в следующий раз я открыла глаза часа через четыре. Тряпка все еще висела передо мной в воздухе, раскачиваясь и звеня какой-то погремушкой, привязанной к ней — это все я рассмотрела, когда ко мне вернулась способность соображать.

Я осторожно, насколько это было возможно в моем состоянии, поднялась с постели, не задевая таинственную вещь, и осмотрела себя. Удивительно, но на мне была надета моя собственная рубашка, и вообще — находилась я дома. Обратившись к своей памяти, я обнаружила лишь кошмар и решила больше об этом не думать.

Я покачала головой и медленно надела привычную дневную одежду, которую кто-то аккуратно сложил прямо на мои книги. Потом я обратила пристальное внимание на таинственную звенящую тряпку. Но ничего странного в ней, кроме места зависания, не было.

— И что, собственно, это было, мне интересно? — прохрипела я в пустоту комнаты.

Надо спросить Самуэля, наверное, это не просто так. Неужели он создал мне успокоитель, как малому ребенку, у которого режутся зубки?

На кухню я вышла, не ожидая увидеть Самуэля. Но как повелось — я снова ошиблась, старик сидел и что-то шептал.

Я подошла поближе, вглядываясь в длинное, испещренное глубокими морщинами лицо, но оно было бесстрастным. Потом я заметила, что тело старика напряжено, словно струна, натянутая до предела, руки с силой сжимают худые колени и спина прямая. Самуэль колдовал.

Как можно осторожнее я присела у его ног и положила руки на неподвижные кисти. Он дернулся, но тут же успокоился и не стал прерываться.

Когда-то я прочитала в книгах, что человек равнодушный, лишенный сильных эмоций никогда не сможет стать магом, потому что магия подпитывается за счет отражений человеческих чувств. На месте, где произошло убийство, очень легко навредить, а в доме, полном любви, сотворить темное проклятие невозможно. Я теоретически знала, что можно увидеть эти отражения, и они похожи на причудливые разводы краски в воде: красное — любовь, черное — ненависть и смерть, голубое — дружба, мягкий сиреневый — материнские чувства. Очень психоделическая картина мира, если окидывать все одним взглядом. Дух захватывало. И чтобы подпитывать этими отражениями свои слова и превращать их в заклинания, нужно было быть... сентиментальным, пожалуй, очень легко поддаваться чувствам. Так говорили книги о магах врожденных, а что там с Тенями, магами

обученными, никому, кроме самих Теней, ведомо не было, но, может, в этом и крылась разгадка того, о чем говорил мне Гус: маг врожденный не сможет стать обученным магом, стать Тенью.

Сейчас мое сердце наполнялось нежностью к старику. Моя была эта нежность или его, неважно, очень скоро она становилась одной на двоих. Самые надежные защитные заклинания были построены на доверии, преданности и любви.

Я никогда не забывала, что несколько лет назад была во Фристаде ничем и никем и сейчас всем обязана Самуэлю. Чем отплатить человеку, которому почему-то нравится видеть у себя дома мою физиономию, я не знала. Я много раз порывалась съехать на съемную квартиру, благо в деньгах не было особого недостатка, но Самуэль возражал, и мне приходилось оставаться.

Рука под моей ладонью расслабилась и немного пошевелилась — я встрепенулась.

— Привет, уставшая барышня, — слабо улыбнулся старик, — успокоитель должен был тебе помочь.

— Не... — начала было я, и Самуэль только сжал мою руку, а потом, улыбнувшись, погладил меня по голове.

Я легонько поцеловала старика в теплую щеку, получив в ответ благодарный взгляд, и направилась к шкафу, где хранилось мясо с овощами. Есть хотелось, словно в желудке ничего не было вот уже месяц. А еще я думала, что весь мой распорядок дня, который и раньше не отличался стабильностью, стал совершенно обратным — тем, диким, какой был у моих давних предков в те времена, когда не существовало ни Фристады, ни Теней... или Тени были всегда?

С Гусом мы встретились, как и было условлено, в «Прогнившей руке», точнее, возле нее, потому что после нападения восставших все увеселительные заведения были закрыты, и я сразу сказала Гусу, что времени терять не стоит. Мы не теряли. Пока я отиралась возле «Прогнившей руки», собирая городские сплетни, которых, к слову сказать, было много и все крайне противоречивые, Гус смотался к себе и вернулся, обвешанный всякой ерундой.

— Куда мы идем? — весело спросил он. — С тобой, ко... тьфу, хоть на край света!

Я вздохнула и пропустила его кривляние мимо ушей.

— Книга где-то рядом с Вольфгантом, если верить Теням. И неизвестно где, если верить тварям. Какого Серого они делали на кладбище, если Вольфгант был этим так недоволен? Помнишь, о чем они говорили?

— Минуталь сказал: «Мы попытался пройти в кладбище, там защитники, у нас не вышло». Или нет. «Мы не получилось». Вообще это важно?

Я растерянно посмотрела на Гуса, но его лицо было непроницаемым. На секунду мне почудилось, что Гус больше Тень, чем пытается показать. Я махнула ему рукой в неопределенном пока направлении, и он послушно поплелся, бряцая своим барахлом.

— Вольфгант спросил: «Кто?», а минуталь ответил: «Гребень не уметь звать, их было не один», — продолжал Гус. — Твои версии, ко... торые пришли тебе в голову? — тут же вывернулся он, покосившись на кинжал, болтавшийся у меня на поясе.

— Звать, — сказала я, сделав вид, что не заметила его оговорки. — Звать. Он понял, о чем именно спрашивал Вольфгант?

— Они разумны, они проявляют разум только с тем, кто их ведет... с тем, кто связан с Книгой. Ну почему бы и нет, — пожал плечами Гус и пропустил меня вперед в узком переулке. — Вопрос, где эта Книга. За пазухой у этого клоуна?

— Этот клоун вчера был у нас. Явился в общину и искал Самуэля. Того не было дома.

Гус остановился, я тоже. Спиной я ощущала исходящее от него напряжение и понимала его. Да, это действительно странно и пока необъяснимо.

— Ты что-то почувствовала, когда он к вам пришел? — озадаченно спросил он. — Заметь, я не лезу в ваши дела...

— Нет, — и я помотала головой на случай, если Гус меня не расслышал. А потом обернулась. — И я все равно без понятия, зачем он к нам приходил. Напуганный. — Гус хмыкнул. — Я боролась с желанием прикончить его, скрутить и отдать Аскетам и не делать ничего. Я не сделала ничего.

— И теперь ты об этом жалеешь?

Ну, наверное, Гус был прав. Пора было и мне открываться, если я собиралась исполнить то, что мне поручили. Я не была уверена, что я права, но не сомневалась, что если в чем-то ошиблась, Гус не замедлит поставить меня в известность, попутно не единожды обсмеяв.

— Перед тем, как пойти в пещеры, я кое-что прочитала. Это легенда, и я не стала ей верить, но сейчас понимаю, что что-то в ней есть... Минутали когда-то властвовали над землей, но рассердили Раскаля, и тот отправил их в подземелья, лишив разума и всего остального.

Гус почесался, издав мелодичный звон. Я так не поняла, согласен он с этой версией или ему нужно время, чтобы ее обдумать. Если есть, разумеется, чем, потому что Рем был на этот счет настроен весьма скептически.

— Так куда мы теперь идем? — любопытствовал Гус. — Не то чтобы мне есть хоть какая-то разница, но хочется уже побыстрее найти эту дрянь и вогнать ее Вольфганту в... хоть какое-то место.

Я усмехнулась и пошла вперед. Мне не терпелось взять реванш за то, что до этого дня Гус был более информирован, теперь же в нашей маленькой команде лидировала я, и это грело мне душу. Мы свернули в маленький тупичок в Грейстоуне. Я волокла Гуса за собой, и мне нравилась его нарочитая покорность. При каждом шаге у него что-то брэнчало, и я изредка подхихикивала, не объясняя причину, и еще мне очень нравилось украдкой смотреть на Гуса и на то, как он тихо бесится, но ничего при этом не говорит.

Шли мы молча, хотя я затылком чувствовала, что Гус порывается сказать какую-нибудь колкость. Но он отважно молчал и продолжал весело позвякивать.

Переулок закончился. Под редкими лоорами сидели и провожали нас взглядами крысы. Мы отвечали им тем же, а потом Гус бросал на меня долгие и красноречивые взоры. Впрочем, никакого красноречия мне не хватало, чтобы все это правильно истолковать.

Перед нами появился тупик с лестницей вверх. Гус жестом остановил меня и стал медленно подниматься.

Во Фристаде был потрясающе красивый мост, раскинувшийся через небольшую речушку, в которую горожане постоянно скидывали мусор. И оттого она жутко воняла, несмотря ни на какие меры. Полгода назад сюда поставили стражу в надежде остановить безобразие, но результата, разумеется, не было. Ситуацию изменил Вольфгант со своей Книгой: речушку успели почистить, она перестала вонять и чуть переменяла цвет. Я смотрела на нее, и мне было радостно.

Фристада с высоты пугала величиим. Налет грязи, преступности и лицемерия делал ее проще и даже немного уютнее, но когда я стояла на крыше, всякий раз мне казалось, словно я уже не вхожу в круг друзей, не принадлежу настоящей Фристаде.

Мы спустились вниз, молча проскочили за спинами двух стражников, миновав улицу так быстро, как только могли. Дальше были ворота — одни из Девяти — и выход к морю. Мы вышли к кладбищу с другой стороны, и Гус остановился, поглядывая на меня с подозрением.

— Совершенно не романтично, душа моя, — он натянул на физиономию выражение крайней брезгливости. — Фу, тут полно тухлой рыбы. У меня дома приятнее пахнет, так что...

— Заткнись, — посоветовала я, — пока я добрая. Хочешь романтики — сейчас будет. Нам, собственно, вон туда.

Ничем не примечательная «Морская Колючка» давным-давно упокоилась в гавани. Как ее занесло на камни, никто уже и не знал, но догадаться было несложно. Пьяный капитан и не менее пьяная команда в тумане приняли огни на Храмах за маяк или попросту упустили штурвал, и вот результат. «Колючку» разграбили лет двести назад, но древесина из Моркнотта могла продержаться еще лет триста. Никакого ужаса у меня корабль не вызывал. Лезть туда было безопасно. Я это знала, потому что мальчишки из общины на спор доплывали до «Колючки», срывали часть обшивки и хвастались этими деревяшками друг перед другом, стараясь при этом не попасться родителям или Самуэлю на глаза.

— Сейчас мы пойдем в очень опасное и странное место, и может случиться такое, что я потеряю там разум и буду вытворять всякие ужасные вещи, — припугнула я Гуса. — Твоя задача — всюду тихо следовать за мной, защищать меня, если кто нападет. Если со мной что-нибудь приключится, ты должен вытащить меня оттуда, понимаешь?

— У меня были другие планы, — признался Гус, — но я тебя слушаю. Давай доскажем друг другу все прямо на берегу.

— Если предположить, что Вольфганту не понравилось своеволие минуталей, которым Раскаль вернул зачем-то разум, если предположить, что Вольфгант больше с ними не справляется... — я запнулась. — Но это только то, что меня натолкнуло на мысль. Про восставших ты слышал, но они все равно без мозгов, а минутали... минутали, возможно, и лезут туда, где находится Книга.

— Я тебя продолжаю слушать, — деревянным голосом отозвался Гус.

— Ты спросишь, почему именно минутали, почему «Колючка», почему кладбище. Потому что этим тварям не страшна вода, потому что они могут вплавь добраться до Книги, а Вольфгант, наверное, выбирал наиболее безопасное место.

— Но не учел, что минутали слишком раздухарились, — серьезно кивнул Гус. — Тогда, как вариант, Книгу он уже перепрятал.

— Если нашел более подходящий тайник. Но если нет? — я опять помолчала. Почему я должна обо всем думать? Ах да, Рем был прав. — Тогда мы убедимся, что Книги там нет. В любом случае, сам подумай, если есть чем: добраться до Книги проще тем тварям, у которых есть хоть какие-то остатки мозгов. А нам проще идти за ними, если мы сами... не чувствуем ничего.

Гус осклабился и тут же натянул на физиономию выражение крайней обиды.

— Совсем ничего? — И, видя, как я свирепею, примирительно поднял руки вверх: — Ну пошли.

И мы пошли. Найти лодку, пригодную, чтобы доплыть до «Колючки», оказалось непросто. На берегу валялись разбитые ошметки, и то если их не слизало штормами, но потом я увидела рыбака, поулыбалась ему смущенно и сунула в руку достаточно денег, чтобы он мог купить себе лодку новую. Хихикая, потому что ничего иного, кроме как сомнительное свидание на развалине, вообразить он себе не мог, рыбак выволок нам из сарайчика лодку и даже подарил чуть живое весло.

— И ни в чем себе не отказывай, — мрачно прокомментировал Гус. Я же вручила ему весло, забралась в лодку и наслаждалась перезвоном, который Гус издавал при каждом замахе.

Надо отдать ему должное, веслом он работал споро, так что лодка вскоре ткнулась тупым носом в борт «Колючки» как раз там, где свисала старая, но крепкая веревочная лестница. Мальчишки пользовались ей, и мы решили, что нас она должна выдержать.

— Ты знаешь, — сказала я, поморщившись, — ты слишком приметный. Уверен, что тебе нужно все это? — и я демонстративно покрутила рукой в воздухе, описывая контуры фигуры Гуса. — Оставил бы ты это в лодке.

— И ты тоже будешь уверена, когда эти шутки спасут тебе жизнь, — в тон мне ответил Гус и снова звякнул.

Он на меня немного злился, но, как и всегда, быстро переключался на что-то другое.

— Возможно, но если нас кто и попытается убить, то только потому, что ты звенишь, как... новогодняя елка. Хоть обматывал бы чем-то.

— Ты чего кидаешься, как собака цепная, душа моя? Я шел в таверну немного с тобой поговорить, а ты притащила меня на эту развалюху, предполагая, что Книга здесь. Ну... ты же понимаешь, что нас зашибет защитой, если ты каким-то чудом права? Так дай мне перед смертью посмотреть на твою улыбающуюся рожу.

Я тут же скорчила на лице невесть что, а потом фыркнула. Гус широко и нагло засверкал зубами.

Забравшись на палубу, я прислушалась к себе: пока ничего иррационального мой разум не творил, за что ему спасибо. Гус с легкостью последовал за мной, не производя внезапно почти никакого шума. Дерево на палубе было крепким, поэтому, стараясь бесшумно шагать по старым, скрипящим доскам, мы медленно осматривали обстановку.

— Честно признаться, — немного мягче сказала я, — понятия не имею, что хочу тут увидеть. Сундук с архисложным замком, сейф производства Аскетов? К слову, как ты пробрался из своего дома в Грейстоун, город ведь на карантине, все ворота закрыты.

— А ты? Летела и пела? Я не хуже тебя знаю все значные переулочки Фристады. Но что меня удивляет больше, так это почему ворота открыты. Каирны, конечно, находятся немного в другой стороне, но если восставшие снова решат взять приступом город, им не составит труда добраться и до этих врат.

Я запнулась, вдруг осознав, что не знаю, стоит ли вообще заикаться ему об Аттикусе. Если он начнет здесь меня допрашивать или устраивать семейные драмы...

— Я слышала, что Тени с этим разобрались, — проговорила я как можно уклончивей.

Вся палуба была засыпана объединенными птицами трупами крыс, обломками, в которых едва уже угадывались останки корабельных бочек, тиной и водорослями. «Морская колючка» веками гнила в этой бухте. И, к сожалению, перегниет даже нас с Гусом. А он беспечно стоял, разглядывая то, что осталось от руля, и ветер вокруг гонял по старой палубе мелкий мусор. Да, для мальчишек здесь было раздолье, расти я в общине, не преминула бы сделать это место собственным тайным штабом, впрочем, вряд ли эта мысль пришла в голову мне одной, судя по каким-то кривым, очень свежим надписям, но их оставили точно не минутали. Например, «Уилли дурак» и «Китти старая пьяница» — твари однозначно были не в курсе таких достоверных подробностей.

Вода мерно билась о продырявленный киль, создавая пену вокруг «Колючки». Я поежилась. Все слишком спокойно, уж не пришли ли мы сюда зря?

— Но минутали — наша единственная ниточка. Поэтому мы здесь, — закончила я мысль. — Похоже, здесь ничего нет. Спустимся?

Я сплюнула попавшие в рот волосы, разлетевшиеся от резкого порыва холодного ветра.

Гус равнодушно пожал плечами и распахнул кочерыжки двери в нижний отсек корабля. Оттуда пахло сыростью, затхлостью, гниющей рыбой и... я опять поежилась, тут же пожалев о беспечных разговорах. Там было что-то живое.

Гус это тоже почувствовал, задумчиво взглядываясь во тьму, а потом ловко нырнул вниз. Я пошла следом, стараясь бесшумно спускаться по крутым скрипящим ступеням. Никаких звуков, кроме бьющейся о корабль морской воды и всхлипов ветра, не было слышно, но шестое чувство безошибочно вопило об опасности. И я, сделав лишнее движение, достала из ножен кинжал. Перед встречей в Грейстоуне я вновь вымочила его в освященной воде, не пожалев пары взятых у Аскетов склянок. Другие терпеливо ждали своего часа в карманах.

А Гус, что удивительно, совершенно перестал брэнчать своей дрянью, как это у него выходит?

Уже подзабытый рефлекс всюду ходить слегка ссутулившись пришлось тут же вспомнить, потому что погружаться в эту непроглядную тьму в полный рост было откровенно страшно. Но сначала я скрыла себя от чужих глаз, надеясь, что Гус сообразит, что к чему, и не будет позже вопить, что я его бросила.

В трюме вода достигала щиколоток, что здорово осложняло задачу. Если здесь что-то есть, непривычный шум воды это что-то наверняка встревожит.

Я коснулась руки Гуса, давая понять, что рядом, и тот вздрогнул, заозирался вокруг и спустя пару секунд заминки догадался.

Мы немного постояли, взглядываясь в узкий пустой коридор, ожидая кого-нибудь увидеть. Обычно мертвецам было сложно находиться на одном месте, и они непрерывно бродили по одному выбранному маршруту, меняя его лишь изредка, когда встречали добычу. Это сильно облегчало жизнь, если требовалось незаметно проскользнуть мимо них. Я очень надеялась, что обитавшие здесь существа имели схожие привычки. Но я все же ощутила живое присутствие, не мертвое.

Прежде твари появился сиплый, прерывистый, леденящий душу хрип. Я примерзла к стене. А потом появилась и сама тварь... Ничего более отвратительного я, пожалуй, не видела в жизни. Очевидно, это что-то раньше было человеком, но Тишь, как же оно изменилось! Существо, нервно шагая, показалось из ближайшей каюты. Оно шло на всех четырех конечностях. Голое, лысое и пепельно-серое тело синхронно передвигало левую руку с левой ногой, потом правую руку с правой ногой. То, что когда-то было вполне милым человеческим лицом, теперь больше напоминало глиняную маску с застывшей на ней неестественно-широкой улыбкой. Я пригляделась и вздрогнула: кто-то ножом садистски увеличил эту улыбку до неправдоподобных размеров. Существо размеренно и судорожно кивало отвратительной головой.

Хохотун.

Глава двадцать первая

О них я слышала несколько раз, сидя на редких общинных посиделках за кружкой пива. В хохотунов обращались попавшие в беду моряки, сходявшие с ума на своих кораблях от голода и жажды. Люди, которых на многие месяцы застал в море штиль, потерявшие всякую человечность. Они жрали своих братьев, а умирая, в конце концов восставали нежитью. Гораздо более опасные, чем обычные восставшие. Сильные, голодные и хищные, им не нужен был воздух для существования. Они жили голодом и отголосками безумия. Как правило, хохотуны оставались там же, где умирали, не в силах добраться до суши, и охотились за рыбой, пока корабль не прибывало куда-либо, или он не тонул, разбившись о рифы и скалы.

Но кто-то доходил. Как этот.

Хохотун остановился посреди коридора, бездумно уставившись на закрытую дверь другой каюты. А потом улегся на пол, и даже лежа он умудрялся мерзко дергаться.

Если бы мне пришло в голову создать подобного голема, я бы, пожалуй, изломала все кости человека, а потом неправильно их срастила, все до последней косточки. Потому что иначе голем никогда не смог бы так двигаться. Это было настолько неестественно, что мороз шел по коже.

И ни в коем случае нельзя было пошевелиться и себя выдать. Если хохотун не учует меня, то с легкостью расправится с Гусом, превратившимся сейчас в неподвижную, почти не дышащую тень.

Но нужно было что-то делать, подняться обратно на палубу и удрать отсюда уже не выйдет, тварь догонит нас раньше. Но вот незадача, я понятия не имела, как их убивать, да и страх, сковавший меня не хуже цепи, держал на месте. Даже просто сунуть руку в карман и достать бутылку с освященной водой и проверить, действует она на хохотунов так же, как на восставших, казалось безумием. Шансы половина к половине мне совсем не нравились.

Все произошло в одно быстрое мгновение. Я услышала только легкий всплеск, угрожающее хрипение твари, а потом коридор корабля заполнил яркий свет. Я по привычке метнула кинжал в то место, где лежал хохотун, даже не надеясь попасть, и кляла Гуса на чем свет стоит. Опять без предупреждения! В глазах было темно, хохотун визжал, словно свинья, которую ведут на убой, вдали что-то громыхало и падало.

В руку мне всунули какую-то склянку.

— Кидаешь в них и задерживаешь дыхание, — шепнул Гус, и я тут же послушалась, набрав в легкие воздуха.

Что-то глухо разбилось об обшивку, и сквозь танцующую тьму я увидела расползающийся по воздуху ржавый туман и яростно ковыляющего к нам хохотуна. На лице его цвела торжествующая улыбка убийцы, обнаружившего притаившуюся жертву.

Я вскинула руку, но тварь, не дойдя до нас, тяжело рухнула в воду. Склянка так и осталось целой.

— Не спи, кошечка! — рыкнул Гус и рванул вперед, словно гончая.

Я слышала шум в дальних каютах, но все еще не могла проморгаться, поэтому первые шаги вышли пьяными, и я едва не свалилась около побежденной твари, запнувшись о замершую навеки тушу.

Сквозь тьму вновь прорезалась короткая вспышка света — вторая тварь, кем бы она ни

была, орала еще яростней предыдущей и бушевала, расплескивая вокруг себя воду. Зрение вернулось неожиданно, и я помчалась за Гусом, только чтобы в проеме одной из кают успеть задержать дыхание. Ржавый газ заполнял комнату, и крик твари постепенно сменялся визгом. Второй хохотун бился в конвульсиях в полузатопленной каюте, но все же пытался ползти в нашу сторону.

Немного подумав, я оставила Гуса с тварью наедине и принялась резко распахивать двери других кают — везде было темно, но мои глаза уже адаптировались, даже несмотря на все выкрутасы Гуса с бомбой-вспышкой. Глаза оборотня — вовсе не глаза человека, и я видела разоренные каюты сотни лет как погибшей команды, обломки подпорок от коек, столов, прогнившие табуреты, тронь которые — и они расплывутся в мутной, темной воде.

Но хохотунов больше не было. Но даже две твари, невесть сколько здесь находившиеся и не поубивавшие друг друга, слишком много. Фристада мало знала, насколько они опасны. С ними, как правило, сталкивались те, кто выходил в море на долгие месяцы.

А это значит — я выбрала верное место. Если твари пришли на зов Книги, а они наверняка пришли, то она или здесь, или неподалеку.

Я осматривала каюту за каютой, открывала ветхие, давно разграбленные отчаянными мародерами сундуки. Позже ко мне присоединился раздраженный Гус, и я не стала отдавать ему ту склянку — стало интересно поизучать на досуге, хотя я особо и не разбиралась в зельях. Но все же, как газ убил не способную дышать тварь, узнать было очень интересно. По всему выходило, что не такой уж Гус и неудачник. Раз знает такие рецепты... маг-отшельник. Ну, все-таки маг.

— Они могут быть ниже, в затопленных отсеках, — хмуро буркнул он мне, разглядывая темную балку в потолке, на которой, как мне показалось, были свежие царапины.

— Не дури. Двигаться в воде сложнее, хохотуны все, что были, выбрали сюда. И вряд ли пробыли здесь много времени, иначе город узнал бы о них, как узнал о восставших. Что там?

— Не пойму. Давай-ка...

Он недвусмысленно указал на себя, и я, все мигом смекнув, вскарабкалась ему на плечи.

— Пусто.

Ну или мне так казалось.

— Надо понять, где они были до того, как почуяли нас, — прошептала я. — Вполне может быть, они паслись возле Книги. Но им с такими телами сложно куда-то пробраться, значит...

Гус, крякнув, присел, и я слезла с его плеч.

— Ты тяжелая, ко...

Я показала ему кулак.

— Я не сказал — «толстая».

— Лучше заткнись, — посоветовала я. Что же дальше? — Чувствуй как они, — подумав, предложила я. — Куда бы ты пошел? Доверься инстинкту. Иди.

Мне показалось, именно это хотел сказать мне Аттикус. Серый бы побрал Теней с их недомолвками, недосказанностью, привычкой юлить. Твари идут за Книгой и сбиваются с пути... Так ли все просто? Или нет, «пусть и сбиваются с пути». Наверное, это важно.

Гус ушел. Я постояла, постаравшись отключить свои чувства. Так куда я хочу пойти?

Что-то упало, Гус выругался, и о попытке отдаться зову Книги пришлось моментально забыть. Но не успела я выскочить в коридор, как Гус уже нарисовался, жутко злой, и на

пальце у него болтался здоровенный краб. Не то чтобы краб мог откусить сколько-нибудь от Гуса, да и боль, наверное, была не настолько сильной, но я узнала массу интереснейших выражений, о которых точно могла сказать лишь одно — Гус научился им не у Теней.

— Больше я туда не полезу, — объявил Гус, оторвав наконец краба и выкинув его куда-то за старые ящики. Краб шлепнулся в воду и, я не сомневалась, на своем крабьем языке ругал Гуса не хуже. — Не знаю, как ты, душа моя, но я отказываюсь подчиняться голосу всего, что не является разумом. Хорошо, что там был краб, а не что-то крупнее и куда более голодное.

Я хмыкнула, стараясь не захохотать во весь голос.

— А куда ты сунул руку?

— В сундук, кош... Не скалься, мне сейчас все простительно! Понятия не имею, что меня туда потянуло. Но одно могу сказать точно — Книги там нет.

Или ее вообще здесь нет, подумала я. Могла я ошибиться? Да запросто. И вообще, Вольфгант должен был проследить за тем местом, куда собирается спрятать Книгу, а «Колючка», хоть и кажется подходящей, слишком... оживленная. Но признаваться Гусу в таком провале мне не хотелось, а вот убедиться, что все-таки это был ложный след, стоило.

Так что я буквально упинала его на дальнейшие поиски, и в течение двух часов мы осмотрели на этой развалине все, что было можно. Гус вытащил какие-то палочки с токенами, чем крайне меня удивил, потому что это точно было стащено у Теней, но... Несмотря на то, что с палочками Гус управлялся не особо ловко, результат вышел неутешительным.

— Ну, если я все правильно сделал, Книги на этой лоханке нет, — изрек Гус и сел на бочку. — Оно должно было загореться, — кивнул он на палочку, — но или Те... эм-м... в общем, или они бракованные, или здесь пусто.

— Или ты все сделал неправильно, — покачала головой я, не будучи особо уверена в том, что Гус оплошал. — Скажи, а Тени не оторвут тебе голову за эти токены? Ну, если узнают?

— Откуда? — без всякого притворства удивился Гус. — Да, если ты хочешь спросить, почему я их не брал с собой...

Он был абсолютно прав, именно этот вопрос и вертелся у меня на языке. Поэтому я закивала с очень нехорошим выражением на лице.

— Я не знаю, будут ли они работать там, где есть какая-то магия. Я пытался их использовать, когда первое время лазил за травами в те же катакомбы под городом, но мне это не помогло. Они загораются, когда рядом в принципе что-то есть, даже обычный маг проходит мимо, так что...

Я скривилась. Хорошо же все так начиналось, а теперь мы опять в тупике.

Глава двадцать вторая

Туман еще не успел спуститься на залитую желтым маревом Фристаду, и я, сидя в лодке, смотрела на город, ни о чем особо стараясь не думать. Встреча с хохотунами все еще леденила душу и заставляла прокручивать в голове тысячи вариантов возможных событий. Чудо, что у Гуса в карманах оказалось именно это зелье, а не что-то другое. Никто из нас не ожидал встретить на древнем корабле проклятых тварей. Над морем стоял полнейший штиль, и в небе сияли тысячи ярких звезд, что отражались в спокойной темной воде, и чудилось, что наша лодка прорезает гладь темного зеркала, в котором виден весь мир.

— Спасибо, — тихо сказала я гребущему Гусу и не получила никакого ответа. Ну и пусть.

Неожиданно установившееся хрупкое перемирие между нами заставляло меня запрягать сотни резких слов. Над нами сияло вечное небо, а в лодке были только мы двое — неудачники, попавшие на зуб событий. Которых перемелет с такой легкостью, как перемальывает мельница зерно.

Пока Гус греб, иногда потирая укушенный крабом палец, я молча пялилась на небо.

Но мыслей не было, кроме, пожалуй, легко зудящего чувства вины. Мне стоило стать мягче с Гусом, ведь он не виноват в том, что происходит с моей жизнью, ни в смерти Льюиса не виноват, ни в моих страхах и сомнениях. Быть мягче совсем чуть, только чтобы позволить человеку, сидящему в лодке напротив меня, немного довериться. Не затем, чтобы обрести друга — сбереги меня Тишь от такой дружбы. Меня беспокоила мысль, что мы ведем себя так, словно действуем в одиночку. Не говорим, не планируем, не верим — просто мчимся в логово монстров, а там будь что будет. Пока нам везло, но Фристаду медленно окружали в кольцо орды смертоносных тварей. Их было много в болотах, под землей, в Каирнах — хоть Аттикус и уверял, что с восставшими покончено. Я в это не верила, Теням вообще нельзя верить. И вовсе я не надеялась, что Гус мне самой поверит до конца, нет. Мы никогда не сможем отбросить тяжесть того бремени, что на нас свалили, и познакомиться заново.

Но вот говорить нам стоило, не фильтруя слов и не цапаясь из-за проклятой «кошечки» как малые дети в общине.

— Чего пялишься, душа моя? — миролюбиво спросил Гус, словно услышав мои мысли. Весло мерно погружалось в воду то с одной стороны, то с другой. Звезды под ним преломлялись и потом снова становились отражениями самих себя.

— Красиво. Как кофе с прокисшим молоком. Только здесь звезды вместо молока, — улыбнулась я, взглянув на него. В темноте не было видно разноцветных глаз и растрепанного хвоста черных с редкой проседью волос, зато я прекрасно угадывала его резкие, порывистые движения.

Гус вообще был такой — придумал и побежал. В нормальной жизни только какой, интересно?

— А вот и романтика, а? Признаться, я ждал ее немного раньше.

— Забудь, — фыркнула я. — Просто поговори. Мы ведь так можем?

Лодка причалила к берегу, и Гус, выскочив в воду, потащил ее на сушу. Поэтому, видимо, и не ответив. Ну а мне было все равно, но проклятая интуиция, которая то срабатывала, то нет, требовала продолжать.

Песок был теплым после жаркого дня, и я с наслаждением упала на него, вытянув мокрые по колено ноги.

— Поговорить? — спросил Гус, плюхаясь рядом. — О чем, душа моя? Мы настолько незнакомы и далеки друг от друга...

— Как краб от твоего пальца? — перебила я его, отчаянно стараясь вернуть зыбкое спокойствие. Вот ведь он какой, лишь бы бежать. — Перестань... я хочу сказать, что сегодня была не права. Тишь знает, чего меня потянуло в «Колючку», может, зов так сработал? Знаешь, когда я что-то говорю, то это всегда просто правда, без преувеличения или каких-то скрытых мыслей. Ненавижу все эти недомолвки и намеки.

Гус кивнул, глядя на мелкую рябь в море. Впрочем, это я ее видела, а Гус смотрел на отраженные звезды. Некстати я подумала о Тенях, точнее, об одном-единственном из них.

— Ты сейчас только что сказала, что не подставишь меня, я правильно понял твой намек? — задумчиво спросил он, так и не посмотрев на меня.

— Предпочитаю не делать намеков, — коротко хохотнула я. — Я сказала то, что сказала.

Наверное, стоило добавить, что не подставлю, но откуда мне знать, как все повернется дальше, как он себя поведет? Я не знала этого человека, даже себя не всегда понимала.

— Просто хочу договориться с тобой. Обо всем.

Море тихо набегало на берег, отступая, оставляя наполненный водой песок побережья. А далекого острова Рэбинсона, где стоял высеченный из скалы маяк, уже почти не было видно даже моему глазу. Зато ярко, словно маленькое солнце во тьме, сияла верхушка самого маяка, указывая путь кораблям.

— Когда мы встретились в трактире в первый раз, я кое о чем умолчала, хотя вела себя странно. Ты помнишь. Не собиралась тебе говорить, но смысла молчать теперь не вижу, это тайна не моя, прошлое не мое. За мной словно ищейка ходит Тень. Аттикус, вроде он был на собрании. Он привел меня к твоему дому и был поблизости, когда я тащила тебя в квартиру — хотела от него избавиться, не знаю, вышло ли.

Гус что-то тихо зашипел и резко тряхнул лохматой головой, выходя из транса. А потом, будто сдувшись, улегся на песок.

— Я и не сомневался, душа моя, такое прозвище тебя устроит? Эта сволочь везде сунет свой нос. Так глубоко, как только твое невинное сердечко может представить.

Я охнула, с какой злостью были произнесены эти слова. Обладай Гус сильной магией, заморозил бы море, а прибрежные скалы покрылись бы вечным инеем. Но ничего этого не произошло. Вода по-прежнему в вечном беге осаждала берег под нашими ногами, а звездное небо сияло тысячами драгоценных камней.

— Он та еще заноза в твоей заднице, да? — я даже не обратила внимания на сомнительный комплимент, что Гус мне отвесил в душевном порыве. — Похоже, и в моей теперь тоже. Он сказал, что Рем приставил его к нам, Аттикус теперь... м-м-м, связующее звено между нами и орденом с кучей тайн. Не удивлюсь, если он и сейчас здесь.

— Нет, — с неожиданной мягкостью ответил Гус. — Я знаю его присутствие. Как назойливый писк комара, вгрызающегося тебе в ухо. Сказал бы — в задницу, но их и так тут достаточно.

— Прости?

— Твоя, моя, да общая в виде Книги. И куча задниц поменьше. Того гляди утонем. Дай угадаю, он ходит за тобой как пес за мозговой косточкой? И лезет со своим спасением, как

вечно недовольный благодетель?

Я отфыркнула мелкую мошку, вившуюся около лица, и легко рассмеялась, хотя шутка была так себе.

Море тихо шумело.

— Не то слово. Прошлой ночью я собиралась помочь Аскетам в форте Флинт, так Аттикус разорался, как я важна живой, и куча людей справится без меня.

— А что самое отвратное, иногда он бывает прав, — словно не слыша меня, продолжил Гус, рисуя корявые узоры на песке. — Что не умаляет общей его занудности. Не забивай себе голову, Дайан. Аттикус тот еще гад, но предпочитает обходиться малой кровью. Если ты его очень сильно взбесишь, он только усилит контроль, не забыв тебе об этом как-нибудь сообщить.

Я промолчала, наблюдая, как палец Гуса погружается в песок, и слушая море.

Откровения были весьма неожиданными от такого скрытного человека, как Гус. Видно, очень уж у него накипело от присутствия Аттикуса в его жизни. Хотя я не могла сказать, что тот меня так уж сильно раздражал в отличие от того же Гуса и многих других из общины, присматривающих для Самуэля за всеми. В тот раз он действительно появился вовремя, ведь сколько бы я продержалась там с Аскетами? Восставших было больше, а магией я не владела, чтобы положить их огненными шарами.

Но если бы я почувствовала, что не справляюсь, мне бы и в голову не пришло там умереть, я могла уйти в любой момент, только соблюдая осторожность — путь отхода был расчищен погибшими Аскетами в зале служб. Это Аскеты уйти не могли, они защищали свои владения, свою веру и честь, у меня же было только последнее, да и то слегка подернутое ржавчиной.

— Мне показался он интересным, — неожиданно сказала я. — За его надоедливостью и тем фактом, что он, в общем-то, враг, было интересно его слушать. Он... ну, умеет говорить красиво.

Гус горько хохотнул.

— А еще он умен, да, кошечка? Не шипи, только кошечки ведутся на бархатный голос Аттикуса. Он убаюкает тебя, а потом прицепится как клещ под любым предлогом. Если тебе однажды покажется, что он хороший человек, вспомни, что я тут тебе наговорил. Не хороший он человек, Тени не могут быть хорошими. Вот ты, душа моя, вполне ничего. Молодая, сильная, видишь меру и не лезешь, куда не нужно. И за всем этим видно просто человека. А у него за всем этим хорошо захороненное чудовище. Старое и сильное. Если будет необходимо, он тебя сожрет и не подавится, хотя до этого приложит все усилия, чтобы не навредить. Но вот только обязательно сожрет, вся соль в этом. Как вон в море, столько же соли.

— Тебя он не сожрал, — возразила я, сев так, чтобы смотреть ему в глаза. Грязные волосы рассыпались по плечам.

— Я — немного другая история. А ты просто красивая кошечка на его великом пути.

— Выложенном трупами?

— Откуда мне знать, Аттикус способностью убирать преграды не гордится. Поэтому скрывает и, похоже, считает, что его это как-то оправдывает. Будь с ним... глупой девочкой. Это хороший вариант. Он стар, если хочешь занять его во временные союзники, изобрази молодую, наивную, амбициозную. Хотя ты такая и есть, да? Не скалься, ничего в этом плохого нет. Позволь, пока ему это выгодно, заботиться о тебе, а сама втихую делай свои

дела и готовь плацдарм для отступления. Аттикус, знаешь ли, немного еще и сентиментален. Ну да ладно.

Гус нахмурился.

— О чем ты хотела поговорить?

Я закусила губы, не зная, как бы вернуть его в прежнее русло разговора. Оно мне нравилось, хотя чувство странности и не покидало. Гуса то ли прорвало, то ли он просто ответил на мою просьбу.

— О картах, — с досадой сказала я, выудив давно мелькнувшую в голове мысль. — Та карта, что ты мне показывал. Я подумала, если мы так и будем наткаться на тварей, то можно составить точки мест, где мы их встречали. Опросить людей, где еще тварей видели. Возможно, из этого что-то выйдет. Хоть какой-то толк от наших шараханий будет.

Гус повернул ко мне голову и долго удивленно рассматривал.

Где-то вблизи сварливо, тревожно заорали чайки, и я вздрогнула от неожиданности. Ночь была теплой, прозрачной, по-настоящему летней, и их крики казались лишними, словно кусок льда в теплом вулканическом озере.

— Гхырова задница, — выругался он и вскочил, снова сверкая веселым оскалом, будто и не было этих неожиданных откровений. — Чего же ты раньше молчала?

Но я цепко схватила его за рукав и усадила обратно.

— Зачем сейчас? Лежи себе спокойно, гляди на кофе с молоком и думай. Твари не убегут.

Гус удивленно плюхнулся обратно, неуклюже подгрреб под себя ноги и уставился на меня.

— Ты что-то задумала, душа моя, — наконец сказал он деревенеющим тоном.

— Да нет же! Ты сам подумай, — я решила раскрыть карты и бросилась в омут с головой. — Мы с тобой носимся по Фристаде как слепые котята, ничего друг о друге не знаем, не согласовываем никаких планов, бежим, куда в голову взбретет. Вот ты почему не остановил меня, когда я тебя на «Колючку» тащила? Не подумал, что для тайника это слишком людное место?

— Подумал, — нахмурился он. — Но ты орала, чтобы я заткнулся и шел смирной собачкой. И я был хорошим мальчиком, заметь. Шел и молчал в тряпочку.

— А если бы мы наперед сели, поговорили, вот как сейчас — спокойно, никуда не торопясь? Не обменивались обрывками мыслей, а... ну ты понял. Чем больше мы будем обсуждать, тем толковей будут поиски.

— Так ведь именно это я и планировал.

Ну-ну. Планировал и тут же похерил все свои планы. Похоже, мрачно подумала я, Тени действительно не могут быть хорошими. И им никогда нельзя доверять.

Даже бывшим. А быть может, особенно им.

Глава двадцать третья

Фристада встретила меня теплым сухим ветром и глухим шумом. Стражи с хмурым видом зажигали дополнительные факелы, то и дело оглядываясь вокруг. Я тихонько ухмылялась, скользя в тени каменных замшелых стен, и подавляла желание выскочить на свет с криком «Бу!». Даже мое умение скрываться не спасло бы меня тогда от мечей. Так что глупую шутку я решила придержать при себе.

Ночь манила меня. Вот что это было — не разум, а ощущения. Не анализировать, не пытаться понять, не загадывать и не думать. Идти, куда тянет... что-то. Я шла на зов, которого не слышала, и не представляла, что буду делать, если опять начнется заварушка, но предпочла засунуть свои невеселые мысли подальше, надеясь, что все как-нибудь разрешится на месте.

Мой путь лежал по опустевшим улицам, мимо редких испуганных прохожих и до крайности надоевших крыс. Под ногами шуршали обрывки бумаг — наверное, где-то разорили пещеру лавку. На всякий случай я скрылась, и, как выяснилось, не зря.

Квартал Эрмет кишел стражами и Аскетами. Все они неодобрительно друг на друга косились, но ссоры затевать не решались. Я хмыкнула — раньше не прошло бы и получаса, как они устроили свалку, но сейчас их сплотила опасность. Шмыгнув под высокое крыльцо ювелирной лавки, я огляделась. И происходящее мне не понравилось: возле прохода в переулок торчал задумчивый Аскет, который поигрывал своим огромным молотом с красным камнем на наконечнике. Обходные пути тоже не пестрили разнообразием, всюду стража-стража-стража! Да, город действительно перекрыли, приходилось быть осторожной.

Я принялась размышлять.

Если попробовать прокрасться по стене, разделяющей кварталы? Меня туда тянет? Бесспорно. Но у меня на пути Аскеты и стражники. Я отдаюсь зову Книги и иду, но мне мешают, очень мешают.

Я постояла у входа в какой-то магазинчик, оглядываясь в поисках лестницы наверх, но все было тщетно. Я открылась, толкнула дверь и зашла в лавку, мимоходом оглядев выставленный товар, и скривилась: ну и качество у них.

— О, леди, пришли посмотреть? — прошепелявил старый продавец.

— Нет. Как подняться на крышу этого дома? — я сделала лицо как можно серьезнее.

— А, да вон туда, — старик махнул рукой на дверь подсобки.

— Премного благодарна, — ответила я, уже открывая заветную дверцу.

Внутри оказалась древняя винтовая лестница, по которой мне пришлось подниматься минуты три, не меньше. А наверху, обследовав три крыши, я нашла искомый спуск. И он оказался с подвохом. Даже будь я ростом с минуталю, пришлось бы прыгать, рискуя драгоценной шеей, чтобы достать до лестницы. И какой скорбный разумом строил эти дома, мне интересно?

Я спустилась вниз и купила прочную веревку с крюком. Дед, считая отданные мной монеты, хитро блеснул глазами и еле скрывал злобное хихиканье. Теперь стало понятно, почему он без проблем меня впустил.

Во второй раз я поднялась по узкой лестнице, подошла к краю крыши и принялась вязать хитроумные узлы, проверяя каждый по пять раз. Спустилась я, слава Перевернутым богам, без приключений. Куда мне идти теперь?

И, конечно, я совершенно забыла, что вынуждена была открыться продавцу в магазинчике, потому что ко мне подошел хмурый Аскет.

— Привет, женщина, не бойся, я ничего тебе не сделаю.

— Не сомневаюсь, — еле слышно ответила я, — тебе как бы запрещено.

— Я не люблю нападать без причины на подозрительных пройдох, давай, иди отсюда, пока стража не нашла тебя. Они тут раз в несколько минут патрулируют.

— Мне нужно попасть в... — Куда? Думать надо быстрее. — В Грейстоун.

— Зачем? — безразлично спросил Аскет.

Думать надо быстрее! А врать — так, чтобы поверили. Этого Аскета я раньше не видела, и был шанс, что он меня тоже.

— Там... он не отдал денег. А хозяйка сказала, не будет денег — выгонит. — Я вздохнула. — Уматываюсь, понимаешь, вырубаюсь, а клиенты этим пользуются...

Аскет чуть улыбнулся. Вряд ли посочувствовал, конечно.

— Проходи. Скажешь, что Румис разрешил, если спросят.

Я благодарно кивнула, сгорая внутри от стыда, и пошла... на голос Книги. Куда он меня ведет и вообще, не самообман ли это?

Отсюда можно попасть в любой район Фристады. Возникни у меня твердое желание переехать от Самуэля, я не думая сняла бы квартиру именно здесь.

Под ноги что-то подвернулось, и я отпрыгнула. Дохлая крыса. Обычная, которая серый мелкий зверь. Гадость. Я пнула ее, и она с отвратительным шлепком упала в зловонный ручей.

Через полчаса блужданий, бесполезных мыканий и прятков в тени от стражников и Аскетов я поняла, что хожу кругами. Вокруг... чего-то, если я все делаю правильно, или просто страдаю ерундой, если все это я снова надумала, как умею, и теперь притворяюсь, что все идет как положено.

А потом я увидела человека, которого здесь быть совсем не должно.

С меня как рукой сняло все — усталость, сомнения, я подобралась и как можно тише приблизилась. Я скрыта, он не должен меня заметить, потому что один раз мы уже стояли друг напротив друга.

Вольфгант шел, накрывшись плащом, закутавшись в него так, что я узнала только фигуру, но тут я могла ошибиться, а вот вонь — вонь подземелий — я распознала четко. Шаман Лесных чад почти бежал, ссутулившись, будто стремился так же, как я, скрыться, вот только не мог. И я преследовала его, понимая, что он прямо сейчас может привести меня к Книге.

Что у меня есть? Ничего. Кинжал и какая-то ерунда осталась от похода к «Колючке». Но мне хватит силы на многое, потому что я зла. Не все еще, но до сих пор.

Вольфгант шел быстро. Нам попадались стражники и даже парочка Аскетов, вот только стражникам он не глядя совал деньги, и те его пропускали, а Аскеты... Аскеты понятия не имели, кто приговорил стольких братьев. Они знали Вольфганта как шамана Лесных чад, человека, с которым не нужно сейчас обострять отношения, потому что слишком много всего навалится на Фристаду. И Вольфгант спешил куда-то, а я, скрытая, неотступно шла за ним.

Я быстро поняла, куда он направляется с видом побитого в кабаке пьяницы. Поющий лес. И это меня насторожило. Что там сейчас происходит, не властвует ли Раскаль именно там? Но, споткнувшись о какой-то попавший под ногу камень и едва не скончавшись на

месте от страха, что Вольфгант заметит меня, я решила, что вряд ли. Тени бы знали об этом.

Да, Тени... Интересно, Аттикус идет сейчас за мной? Эта... Тень. Не потому ли их прозвали Тенями? Я иду на зов, а Тень всегда будет рядом. И, уже одним глазом следя за Вольфгантом, а вторым — за проклятыми камнями, я снова озадачилась — нравится ли мне, что у меня персональная Тень.

С ним спокойно. Настолько, что я могу без страха вздохнуть. Могу не опасаться за свою жизнь. У наемников она и так короткая, если этот наемник — не Самуэль, но... Но, осекла я себя и выругала. Наемнику ни к чему Тень вторая, хватит и собственной. И нельзя забывать то, что сказал мне Гус, хотя и верить Гусу не стоит, наверное, тоже.

Мы пришли. И я осматривалась вокруг, цепenea от страха. Лесные чада непредсказуемы, их капище полно тайн. Вольфгант — шаман, и что же я сейчас здесь увижу?

В Поющем лесу горели слабые огоньки, как светлячки, но это была языческая магия. Вольфгант стоял и чего-то ждал, не подходил близко. Потом он медленно пошел вперед, и мне показалось, он идет неохотно.

В небе можно было увидеть неяркое марево Фристады, и только это напоминало мне, что совсем немного отделяет меня от людей. Я ежилась, а вокруг было тихо — оглушительно тихо. Не шевелились ни листья, ни высокая трава, ни даже мои волосы, свободно спадавшие на плечи. Стрекотавшие до этого ночные кузнечики замолкли, не слышно было и птиц. Вольфгант шагал почти бесшумно, но и я теперь отстала настолько, что все равно не различила бы его шагов.

Мы внезапно оказались окруженными практически непроницаемой тьмой. Оглянувшись, я с неприятным удивлением не увидела и деревьев — позади нас был только густой туман. Тишина царила здесь полноправно, словно мы были не в лесу, а забытом склепе. Я неуклюже двигалась по тропе, выставив вперед руки, и думала только о том, что нельзя потерять из виду Вольфганта.

Немного успокоившись, я ускорила шаг, поднимая ноги как можно выше — не хватало только запнуться за какой-нибудь корень. Вскоре мы свернули с утоптанной тропы и углубились в дебри невысокого вечнозеленого кустарника. Пришлось сбавить темп, потому что я постоянно натыкалась руками на ветки.

И я повторно облилась потом — ничто не издавало ни звука: ни раздвигаемые мной ветви, ни мои шаги.

Лес сгущался, явно не желая пропускать меня. Я знала, что мы вскоре должны были войти на территорию Лесных чад — они обычно ограждают свои капища густыми кустами и ядовитыми грибами. Наткнуться на них значило бы для меня несколько часов сладостных галлюцинаций.

Тьма спустя минут двадцать начала рассеиваться, борясь с неярким зеленым свечением. Его источники, негромко звеня, медленно плыли по воздуху, давая мне возможность осмотреться. Мы залезли в самые дебри, вокруг, куда ни глянь, перед глазами были тонкие коричневые ветви с мелкими иголками. Они уже разодрали до крови мне руки и лицо, но обращать на это внимание сейчас я не собиралась. Дома, в конце концов, был чудесный бальзам, быстро заживляющий незначительные раны.

Кусты вскоре кончились, открывая мне большой обзор на вековой лес. Изрытые червями стволы деревьев терялись где-то в ночном небе, не давая возможности увидеть их реальный размер. Это был самый старый лес у нас в округе. Говорили, что здесь росли живые деревья, ловившие путников гибкими ветвями и питавшиеся их телами. Но верилось в

это слабо.

Первого Чада мы встретили спустя полчаса. Он стоял у огромного дерева, безразлично глядя в пространство. Меня, ясное дело, он не заметил, но на Вольфганга не среагировал. Мы шли дальше, и я уже не знала, куда и зачем. В пасть Раскалю?

Мы были уже не одни. Десятки глаз светились в темноте, перемещались по кругу, заключая нас в широкое кольцо. Тьма и тишина так и не рассеялись, и ничего не было не видно. Не знаю я, что дальше точно такой же лес, то подумала бы, что сплю — так все было нереально.

— Вот и ты. Наконец-то. Мы уже заждались.

На меня в упор презрительно смотрел престарелый Чад.

Глава двадцать четвертая

Но нет, не на меня. Чадо ткнул скрюченным пальцем в Вольфганта, и тот съежился, словно ожидая удара. Я сама сжалась, ничего не понимая, и в глубине души была счастлива, что я осталась незамеченной и смогла подобраться настолько близко.

— Мы ждали, пока ты явишься, проклятый, — лениво проговорил Чадо. — Гадали, как долго ты пробегаешь, если еще к этому времени не издох.

Я изумленно окинула его взглядом. Как так? Вольфгант ведь шаман, неужели...

— Мне нужна защита, — прохрипел Вольфгант. — Мне нужно капище. Мне нужен кров.

Чадо сделал огромный шаг, попутно едва не задев меня, и провел ладонью по лицу Вольфганта. Блеснула вспышка гнилостного зеленого цвета, и Вольфгант отшатнулся. Мне показалось, ему было больно.

— Я один из вас! — взвизгнул он. — Я один...

— Совет, — резко оборвал его Чадо, — ты им все расскажешь. Идем.

Я ничего не знала о том, что творится у этих язычников. Кто этот Чадо, что такое Совет, что такое капище, почему Вольфгант затравлен настолько, что позволяет себя... что? Пытать? Что это был за зеленый свет? Вольфгант повелевает тварями и одновременно боится древнего старика, который, наверное, был раза в два старше Самуэля, когда пресвитер Игнатиус появился на свет.

Мы шли по тропинке недолго, и все те же глаза преследовали нас, но когда мы оказались на небольшой освещенной поляне, они исчезли, растворились в темноте. Чадо вытолкнул Вольфганта в центр, туда, где стояли человек десять Чад — нет, девять, и этот Чадо занял свое место в сплоченном кругу, а потом они расступились, и на свет вышла высокая, невероятно красивая женщина.

Она пристально вглядывалась в Вольфганта, словно желая увидеть что-то одной ей доступное.

— Ты пришел, — медленно произнесла она. — Ты напуган.

— Я переоценил свои силы, Виктория, — хрипло простонал Вольфгант. Он был готов упасть перед ней на колени, потому что ноги его дрожали так ощутимо, что это заметила я.

Среди Лесных чад он мог не притворяться, а я — я могла узнать почему. И я, рискуя невероятно, сделала несколько шагов к Совету.

— Конечно. Ты сомневался? Ты пришел просить защиты Совета. Ты пришел просить милости у меня. Почему ты не пошел к Древесному богу? Ты боишься его? Ты дал ему жизнь.

— Надо было послушать Совет, — кивнул Вольфгант. Его колотила дрожь. Меня тоже, неудивительно, все опасения Теней подтвердились. И, возможно, мои опасения сейчас подтвердятся тоже. Вольфгант не справляется с тварями и Раскалем. — Он голоден. Он хочет есть.

— Мне ли не знать, — насмешливо согласилась Виктория. — Так корми его теми, кого он пробудил. Мы жили в мире с властями Фристады.

Положим, она явно загнула. Миром я это бы не назвала, но что такое периодические стычки с Аскетами против нашествия восставших?

— Никто не знает, что это моя вина, — Вольфгант поднял голову, и я в бликах света

увидела, что по его щекам текут слезы. — Никто не знает, кроме вас, и никто не будет указывать на нас. Я еще могу все исправить, Виктория, если Совет разрешит мне взойти на капище.

— Не разрешит, — Виктория вскинула красивую голову.

Я откровенно залюбовалась ей. Ее не портили татуировки, такую красоту невозможно испортить. Сколько ей лет? Сначала я подумала, что она совсем молода, но на короткий миг проступило что-то настолько древнее, что меня разом прошиб ледяной пот. Столько не могут жить.

— Ты нашел Книгу. Допустим, и ты воспользовался проклятой магией. Ты взошел на капище — мы молчали. Ты принес в жертву Раскалю пятерых наших Чад — мы молчали. Ты провел ритуал, пообещав Совету, что Древесный бог примет дар и даст нам безграничную власть. Мы предупреждали тебя — не стоит злить божество, даже если тебе вдруг почудится, что ты тоже почти всемогущ. Зачем тебе это все было нужно, а, Вольфгант?

Виктория насмеялась, а Совет стоял безмолвной стеной. Но Вольфгант неожиданно показал зубы.

— Устранить мерзких братьев с их вездесущим богом! — он зло оскалился и наконец стал похож на того человека, который возвышался на троне. — Или скажешь, что ты и Совет не на это прикрыли глаза? Вы отвернулись и ждали, пока Раскаль обратит мерзких в бегство. Он и сейчас обращает, разве не так? Вы прогнали меня, как только я сделал все, что вам было нужно. Не выйдет, Виктория, вы завязаны в этом так же, как я.

Она покачала головой, раздумывая. В волосах ее блестело что-то мелкими яркими каплями.

— Ошибаешься, Вольфгант. Мы прогнали тебя, когда поняли, что ты начинаешь терять контроль. Раскаль возродил свою армию, ту, которую ранее проклял, и даже последний мерзкий Аскет не сегодня-завтра поймет, кто вернул минуталым разум. И тогда этот лес охватит огонь, из которого никому не удастся скрыться. А где будешь ты, Вольфгант? В этом лесу или в подземелье?

— С вами, — вскинул голову Вольфгант. — Я буду с вами!

— В Книге часть твоей мерзкой души, — Виктория резко махнула рукой, обрывая его бесполезные клятвы. — Ты возомнил себя равным богу, Вольфгант, поставил себя выше нас. Древесный бог уже не тот бог, которому мы поклонялись. В нем то, что являешь собой ты. Твое высокомерие, твоя ненависть, твой страх. Он боится, как боишься и ты. Если убить тебя, что будет с Древесным богом? Не знаешь? И я не знаю, но только поэтому ты все еще жив, Вольфгант, потому что мы не станем кощунствовать. Так зачем тебе капище, если у тебя с Раскалем полный контакт?

Я пыталась запомнить каждое слово. Если я поняла Викторию правильно, а я не сомневалась, что и Вольфгант не врет, он ведь не знал, что рядом торчат мои уши, то Совет Лесных чад не был против изначального ритуала. И Рем говорил, что вспышек магии было несколько до того, как Вольфгант вернул тело Раскалю. Ритуалы были многократными и, возможно, длительными, но в какой-то момент Лесные чада сообразили, что все зашло чересчур далеко.

— Мне нужна защита, — помолчав, сказал Вольфгант. — Мне нужно капище.

Ему, похоже, никто не поверил. Совет вряд ли не знал, что творится сейчас во Фристаде.

— Купи у магов амулеты, — отмахнулась Виктория, — на это у тебя мозгов хватит.

Мне пора было сваливать. Я не знала, на что способен Совет, но на многое, раз Вольфгант боялся их. Может, они действительно сильные маги, не вступающие сами в диалог с богами, или... кто-то еще. То, что меня пока не увидели, везение. Дразнить удачу и дергать ее за усы ни к чему.

Виктория развернулась и пропала за тесным рядом Совета. Начали исчезать глаза, померк свет. Вольфгант все еще на что-то надеялся, как я полагала, на то, что капище останется без присмотра, зачем-то оно ему было нужно, я даже не стала заморачиваться. Ритуалы Лесных чад, может быть, знают Тени, и если верить Рему — а он был единственным, кому верить стоило, хотя бы в таких вещах, — не станут делиться подробностями. И мне не нравилось то, что Виктория проговорила все, что сотворил Вольфгант, от и до, как будто на суде герцога. Увидела ли она меня? Вероятно, и она дала мне уйти в таком случае, но скорее всего — все было сказано подробно для тех, кто их с полного разрешения слушал, скрываясь в темноте. Для остальных Лесных чад, и Совет прилюдно отрекся от Вольфганта, таким образом навсегда лишив его возможности получить хоть чью-то поддержку.

Я старалась идти бесшумно и слышала, как Вольфгант идет за мной. И тогда я решила — пожалуй, я поступлю иначе. Это пока он идет за мной, в какой-то момент свернет — или нет, но если да — к этому нужно быть готовой.

Тьма в лесу отступила, теперь он выглядел так, как и должен. Ночные птицы перекрикивались друг с другом и порхали с ветки на ветку. Всполохи света открывали небольшой участок видимости, и я уже успела представить, как из темноты на меня неотрывно смотрят сказочные чудовища. Не те, которых я видела за последние дни, а драконы, орки, гоблины, вампиры и кто там еще встречается в старых легендах... Я посторожилась, пропуская Вольфганта, и пошла за ним. Видела я его теперь четко и потерять не боялась.

Когда лес заиграл зеленоватыми бликами от больших глянцевого листьев какого-то дерева, я, не удержав восхищенного вздоха, огляделась. Всюду, куда дотягивался взгляд, виднелись вековые, обхвата в три ствола, и тонкие, чуть проросшие деревья. Выложенная камнем тропа, которую я до этого не замечала, тянулась вглубь языческого леса, и я невольно задумалась, сколько же людей ее делали. Если, по словам Самуэля, городские мостовые Аскеты с помощью своих технологий выкладывали годами, то сколько же времени заняла одна эта тропа?

Я успокоилась окончательно. Вольфгант куда-то плелся, я следовала за ним и вяло раздумывала о том, что мне придется навестить Рема. То, что я узнала сегодня, должно стать известным Теням. И хотя у меня был Аттикус... Ну, скажем так, определенным образом он у меня был, я предпочла бы выдать важную информацию другому человеку. Пусть Рем покроет меня тонной презрения, зато не будет юлить. Как говорит Самуэль — не бойся тех, кто бьет тебя в лицо, бойся того, кто может ударить в спину.

Лес опять изменился. Деревья стали гуще, окружили нас замогильной тьмой. Лес задерживал нас ветвями, колючими кустами, призрачными, ненастоящими голосами, порожденными неизвестно откуда взявшимся ветром. Я чувствовала под ногами твердь тропы — Вольфгант с нее не сворачивал, и я успела подумать, что он все-таки направляется к какому-то капищу. Мне туда не хотелось, и я дала себе слово лишь убедиться, что Вольфгант намерен проводить очередной ритуал, а потом — потом я тихо уйду и обо всем расскажу Рему.

В особняк я уткнулась, практически ударившись головой о стену.

V. Крик разума, шепот сердца

Глава двадцать пятая

Холодный особняк, первый этаж, равнодушный и уже не трясущийся от страха Вольфгант. Дверь открылась бесшумно, он пропал в темноте, и я не стала тянуть время. Но, когда я поднялась на полуразрушенное крыльцо, Вольфганта уже не увидела.

Ладно, решила я, это точно не капище. Какой-то богатый отшельник построил этот дом много веков назад в лесу. Сейчас это была развалина, и самая большая опасность здесь заключалась в том, что провалится под ногами пол или на голову что-то рухнет. Я прислушалась — шагов Вольфганта я не расслышала, но предположила, что их скрывают трухлявые доски. Возможно, он прячет здесь Книгу, и это было бы откровенно большой удачей, на которую я уговорила себя не рассчитывать. Слишком близко от Лесных чад, но если Совет способен держать тварей на расстоянии?

Я опустилась на пол в пустом холле и глубоко вздохнула. Нужно только подождать, всего лишь подождать. Мне вообще стоило научиться ждать и сдерживать свои порывы, как я сдержалась, когда Вольфгант пришел к нам домой. Самуэль сказал — я все сделала правильно. Я должна слушать его, он мудр и никогда не желал мне зла.

Прямо за покосившейся дверью кто-то громко прошел, и я напряглась, но потом шаги стихли и больше не появлялись. И я решила послушать дом — закрыла глаза, погрузилась в звуки, окутывающие особняк. Вой ветра, шаги, что я недавно слышала, тихое шипение наверху. Я буду ждать-ждать-ждать, надеяться на то, что это чему-то поможет.

Время растянулось тягучей резиной, окутало все вокруг невидимой сетью. Мир замедлился. Я пыталась не уснуть, потому что не знала, не спадет ли с меня магия. Вряд ли Вольфгант что-то заподозрит, даже если увидит меня, подумаешь, просто бродяжка, но если заподозрит — убьет, и никто не узнает, где искать мое тело.

Вольфгант вернулся, держа в руках какую-то холщовую сумку, когда я почти заоченела от холода. Я пошатнулась, поднялась на ноги, он посмотрел вроде бы в мою сторону, но ничего не сказал и ушел как раз в ту самую дверь, за которой мне послышались шаги. Удивительно, но она открывалась.

Тихие коридоры, заплесневелые ковры на стенах, спертый воздух. А грудь распирало от страха — что будет, если Вольфгант меня заметит. Нужно уходить-уходить-уходить.

Принять решение я опять не успела, Вольфгант вышел в холл, плотно прикрыв за собой дверь. Я рассчитывала увидеть у него в руках хоть что-то похожее на Книгу и, кажется, даже увидела, но с изумлением рассмотрела, что то, что я приняла за проклятье Фристады, всего лишь шкатулка. Вольфгант достал из сумки пару шкатулок поменьше, подумал, расстелил сумку на полу и высыпал из них драгоценности и монеты. Потом он опорожнил ту шкатулку, которую принес из-за двери... да, шаман Лесных чад промышлял банальными кражами. Или не кражами, а обманом и грабежом. Минутали вряд ли понимали ценность того, чем Вольфгант набил свой мешок, но ведь для чего-то он пришел в свой тайник — где, кстати, он не хранит Книгу Памяти. Собирается кому-то платить? Очень щедро. За эти богатства он мог купить не только стражу, но и, пожалуй, охрану герцога.

Обратный путь растянулся еще дольше, чем ожидание, и я ужасно замерзла. Ноги слабели под нескончаемым ветром. Вольфгант шел впереди, мне казалось, что мы идем бесконечно по одному и тому же месту, я не заметила даже, как кончился лес — просто однажды обнаружила, что поднятая рука не задевает деревьев. Но тропа под нашими ногами

тянулась, и Вольфгант вывел меня прямо к раскрытым настежь городским воротам.

Ни стражи, ни огонька, словно все вымерло. Я запнулась о чье-то тело, неловко выставила вперед руки и едва удержалась на ногах.

Тело принадлежало стражнику. В его шее торчала стрела, и не было никаких сомнений, что он умер сразу. Сила удара оказалась такой, что он упал вниз со стены. Нервы внутри натянулись как струны, готовые вот-вот порваться.

Я наткнулась еще на одно тело — живое, издавшее измученный стон от удара моих ног. А потом меня окутал мерзостный, гнилой запах, и я склонилась над вторым стражником. Он уже почти умер, бессильно зажимая руками большую рану на животе, и ничего не соображал. Я как-то оказалась рядом с ним на коленях, смотрела на него и ничем не могла помочь. Ни позвать помощь, ни добить.

«Нужно бежать».

Я не боялась мертвецов, не боялась крови, хоть и не любила ее, но вся улица была усыпана трупами. Мы уходили, когда стемнело. Ворота были закрыты, улицы тихи и пустынные, все было хорошо. А сейчас темно до сих пор, а Фристада снова превратилась в место побоища.

Когда они успели? Кто открыл ворота?

Стены, словно пытаясь меня задержать, появлялись передо мной из ниоткуда и исчезали в никуда. Голоса теперь разносились везде — чем дальше минутали пробирались в город, тем больше встречали сопротивления. Двое из них попались мне, когда улица свернула налево и закончилась тупиком с канализационной решеткой в мостовой. Я нырнула вниз прежде, чем поняла, что сделала. Крик боли звучал у меня в ушах до тех пор, пока я не столкнулась на узкой дорожке с минуталем. К счастью, он не заметил меня, а только страшно зарычал, закрывая глаза уродливой лапой.

Я вылезла, увидев в полумраке решетку, над которой метался свет. Творилось что-то кошмарное. Мне показалось, что я очутилась в печи Единого, где он переплавлял неудобных сынов — все было красным от форм Аскетов и крови. Они все кричали — громко, у меня чуть уши не заложило от мешанины звуков. Минутали чувствовали себя здесь неудобно, Аскеты теснили их и убивали без всякой жалости, и я решила, что слова Виктории могут оказаться пророческими. Аскеты пока не догадались, кто за всем этим стоит, но они без малейшего сожаления будут уничтожать тех, кто убил их брата.

В небольшой щели между домиком стражи и стеной я попыталась взять себя в руки, чувствуя тошноту, страх и жар. Пока я пыталась встать, минутали обратились в бегство. Может быть, их пугало пламя факелов, может, освященная вода или сопротивление, или они не могли толком ориентироваться на поверхности. Я могла лишь гадать и — бежать, разумеется.

И я побежала, держась стен и заборов, ныряя в канализацию и минуя большую часть бойни. Кругом было много всех, я путалась, когда выныривала на поверхность в пятнах красного, синего и серого. Боялась вступать в бой и сталкиваться с кем-либо — меня могли убить как минутали, так и Аскеты, если бы я случайно раскрыла себя.

Около собора Святого Мэрнока происходило что-то невообразимое — все заглушили крики и проклятия, а потом мое тело скрутило от творящейся вокруг магии. Мельком я увидела вспышку красного и поняла, что Тени пришли на помощь, не менее скрытые, чем... Чем Аттикус, возможно, он тоже здесь. Мир утонул в замедленных звуках и тянущейся, ноющей боли. Я сжалась в углу, стараясь удержать сознание. Возле меня что-то тяжело

ударилось о стену и упало, задев меня теплой рукой.

Я открыла глаза и столкнулась нос к носу с минуталем, он хватал ртом воздух и бессмысленно тарашился туда, где была я. Давление ослабло, мысли потекли ясным потоком. Пока я очухивалась, глаза минуталю остекленели, и тело безвольно развалилось на камнях.

Стены, арки, бег без разбора привели меня в итоге к кварталу Эрмет, где неожиданно оказалось совершенно спокойно. Минутали вылезли откуда-то со стороны Поющего леса, и я, прислонившись к очередной стене и тяжело дыша, не менее тяжело соображала — имеет ли какое-то отношение Вольфгант и его побрякушки к тому, что произошло? Или он, уже направляясь к Лесным чадам, знал, что минуталей не остановить?

Вход в квартал Эрмет охраняла группа Аскетов, вооруженных молотами. Чтобы пробраться в квартал, мне пришлось взобраться на стену, рискуя упасть вниз, но ветер затих на пару минут. По стене я прокралась на крышу трактира, а потом спрыгнула вниз.

Зазвучали колокола, торжественно пробиваясь сквозь затихающий вой и крики, и стало легче. Ночь кончалась, кончалась битва, но надежда, нужду в которой я тщательно забывала, засияла потускневшими звездами. На кладбище было тихо, общине и Самуэлю ничего не грозило.

И я совершенно забыла, что потеряла из виду Вольфганта, который забрал из тайника все свои сбережения, напуганного изгоя Вольфганта, куда он теперь пойдет? Я была готова поставить в тот момент все что угодно на то, что он что есть мочи несется в гавань и там падает в ноги всем шкиперам подряд. Мне нужно было его остановить? Предупредить Теней? Сообщить Аскетам или страже? Кто-то из них должен меня послушать, ведь так?

Но я никуда не пошла. Трусость, я с этим была совершенно согласна, избегание, как угодно можно было это назвать, но я смертельно устала. От смертей, от крови, от того, что я оказалась втянута во что-то такое, в чем никак не могла разобраться. Я устала бояться за себя и за Самуэля, за людей, гибнущих в этой мясорубке, за город, который, казалось, уже вот-вот был готов поддаться натиску тварей... Где-то совсем глубоко и небрежно-мельком проскочила мысль, что где-то тут Гус, наверное, Аттикус, и они тоже могут оказаться мертвы.

Все, что я могла однозначно сказать — я не смогла бы никого из них по-настоящему оплакать — ни Гуса, ни Аттикуса. Наверное, для того, чтобы ко мне снова вернулась травящая душу боль утраты, нужно было нечто большее, чем Тени. Нужен был свет.

Глава двадцать шестая

В моей бестолковой жизни было много встреч, возможно, чрезмерно много для моих лет. Но некоторые из них повторялись слишком часто.

За всей безумной круговертью событий режим сна сбился напрочь, и мне стало намного легче бодрствовать по ночам, хоть и при пробуждении я неизменно наблюдала в отражении тяжелые синяки под глазами и общий усталый вид. Но по ночам хорошо соображалось, не было так жарко и людно.

С крыш открывался прекрасный вид на Фристаду. За что я была готова благодарить Аскетов — за великий, никем не охраняемый простор на крышах их Храмов. Я поднялась наверх с форта Флинт, предварительно попросив разрешения у Аскетов, на что получила невнятное, удивленное, но согласие. Потом было несколько головокружительных пропастей между домами, и я уместилась на огромной покатой крыше торгового дома Ферроузов. Бойня совершенно утихла, свечи в окнах не чадили, а людей под ногами было слишком мало, чтобы на них отвлекаться.

А подумать было о чем... Вольфгант. Я ощущала чувство вины за то, что позорно сбежала на крыши. Но мне нужно было собраться с мыслями, а точнее — просто выветрить их из головы. Так было проще принять решение. Не то, которое я уже приняла — идти к Рему, это было нечто совсем безусловное, нет.

Чем дальше, тем больше я хотела отказаться от поисков Книги. Я не чувствую ее. Тени ошиблись.

Я поежилась под прохладным порывом ветра, пришедшего с моря.

Вольфганта не было жаль, из-за него погиб Льюис, погибли ни в чем не повинные — хотя с этим можно было поспорить — жители Фристады, погибли множество Аскетов и, может быть, даже Тени. Я сама оказалась в сложной ситуации. А все еще даже толком не началось.

Внизу прогрохотала повозка, и я наклонилась, внимательно ее разглядывая. Ничего особенного — тюки со снедью, развозимые в трактиры. Днем в городе был запрещен проезд грузовых карет — улицы были слишком узкими, а людей много. Даже бойня не смела этот график к Серому богу...

Аттикус говорил — следуй зову. И я откинулась назад, закрыла глаза и выкинула из головы все мысли. Куда тянет зов? Был ли выбор прийти на крышу моим? Не случайно ли я встретила Вольфганта — может, это и был зов, а может, глупое совпадение?

В душе пели лишь натянутые струны измотанных нервов.

Ощущение чужого присутствия пришло столь явно, что я даже не раскрыла глаз.

— Это опять вы, — сказала я. — Но на этот раз никого спасать не надо, а с крыши я не грохнусь, не переживайте.

— Боги мои, Дайан, неужели ты поговорила с Гусом? — мягко ответил севший рядом со мной Аттикус. — И предвосхищая твои подозрения — нет, не следил, просто узнал знакомые выражения.

— Но здесь вы меня нашли.

— А ты и не скрывалась.

Я открыла глаза и кинула на него быстрый взгляд. Аттикус был как всегда спокоен. Человек, внутри которого, по словам Гуса, сидит чудовище. Но он не похож на монстра.

Просто среднего возраста человек, красивый. Сложно было этого не признавать. Годы оставили на нем лишь легкий отпечаток в виде мелких морщин вокруг глаз. Я еще не видела, как он улыбается — все время смотрела в другую сторону, не желая открываться перед ним, заполучить внимания еще больше. И сейчас тоже смотреть было страшно, но я себя заставляла. Такой никогда не заговорил бы со мной просто так, из интереса, с неприкасаемыми редко кто решается говорить без веской на то причины.

А полнолуние приближалось, и скоро мне придется скрывать капюшоном ярко-желтые глаза. Я-то привыкла, но Самуэль говорил, что смотреть это жутко.

— Сложно заметить человека на крыше, Аттикус, — с легким укором сказала я. — Не понимаю, зачем вы притворяетесь. Мы ведь оба знаем, что мы не дружбу водим. Вы были там?

Я напрямик — почти — спросила о нападении минуталей, но Аттикус повел себя как Тень: он мне на этот вопрос не ответил.

— Если смотреть не только под ноги, ты удивишься, сколько всего можно заметить, Дайан. Не расскажешь, какие новости? Предпочитаю не раздражать лишней раз Гуса, да и ты ведешь себя не в пример разумнее. Да и, веришь или нет, у меня полно других забот, чтобы ходить за тобой по пятам.

Я, разумеется, не верила, что и показала всем своим видом, насколько была способна.

Где-то вдали над морем загрохотала зарождающаяся гроза, которую, вернее всего, вскоре ветром принесет в город. На улицах еще днем ощущалась тяжелая, характерная для таких дней духота, воздух пах влагой.

Аттикус, игнорируя меня, задумчиво смотрел на крыши города.

— Мы были в «Морской колючке», это старый полузатопленный корабль. Я подумала — минутали, возможно, стремились именно туда, но сбились с пути. Зато мы нашли хохотунов. Гус их убил, а Книги не было.

На самом деле с нашей последней встречи произошло много событий, но мне так сложно было заставить себя рассказать о них, хотя было понятно, что в этом деле Аттикус действительно союзник, пусть и на время.

Он кивнул, словно новость о хохотунах его совсем не удивила. Тени о них знали, но почему не уничтожили? И почему он молчит про бойню? Не моего ума это дело или он полагает, что я узнала о ней, глядя с крыш?

— Знаете, — задумчиво сказала я, внимательно его разглядывая. — С вами трудно разговаривать. Вот вы сидите рядом, а вроде и нет, появляетесь, когда хотите, следите за мной, не уважая личного пространства и моих тайн. Я вас одновременно вижу и нет. За этой маской спокойствия только один раз я увидела кого-то, с кем можно разговаривать.

— Боги мои, Дайан, — хохотнул он и улыбнулся, повернув голову. — Ты и видела меня пару раз, а уже судишь. Первое впечатление — плохой повод выносить однозначные мнения. Я здесь, посмотри, сижу рядом на крыше, смотрю на тебя и просто разговариваю.

— Но этого недостаточно.

Вдалеке над морем вспыхнула первая молния — ярко на миг осветив массив темной соленой воды.

— Правда? — Аттикус продолжал доброжелательно улыбаться, уже не спуская с меня взгляда. — Чего же ты хочешь, Дайан?

— Уважения, — нахмурилась я, чувствуя себя неудобно. — Я не ваша девочка на побегушках...

И тут же отругала себя, вспомнив, что говорил Гус — будь дурочкой. Молодой, наивной, амбициозной. Хотя чем не наивно — требовать от Тени уважения?

— Знала бы ты меня чуть дольше, понимала бы, что я отношусь к тебе с большим уважением. Я не имею привычки... как люди говорят? Считать себя выше других? Не веришь мне, прекрасно это вижу. Но поступать, как поступаю я, я просто вынужден. И будь уверена, что твои тайны я сохраню, какие бы случайно не узнал. Впрочем, опять не веришь.

— Знали бы вы меня чуть дольше, то поняли бы, что я хочу информацию за информацию, а не ваших красивых слов. От них только пыль в глазах, взметнется, а вас и след простыл. Я остаюсь на месте, а вам есть над чем подумать, не изобретая способов ее заполучить более честно.

Он помолчал пару минут, а потом под звук далекого грома сказал:

— Ты права. Все так и есть. Мне жаль.

— Так какой мне резон вам о чем-то рассказывать? А вам — ждать от меня честности?

На это Аттикус долго ничего не отвечал, но отнюдь не застигнутый врасплох. Нет, он опять отвернулся от меня, глядел на залитый желтым маревом город и легко улыбался. Я же рассматривала тонкие морщинки вокруг его глаз и вспоминала, что говорил Гус.

Вежливое, желающее добра чудовище сделает все, чтобы не навредить, но при необходимости эти морщинки разглядятся и из взгляда уйдет выражение мирного спокойствия. Интересно, с какими чувствами он топчется по судьбам людей? Лежит ли в закрытом ящике альбом памяти? Или он тут же забывает, прикрываясь великим благом для города?

— Никакого, — согласился Аттикус. — Не думай, что я не понимаю твоей неприязни ко мне и Ордену. Мы просим от тебя много, но многое и дадим в ответ. Возможно, ты не видишь, Дайан, не можешь посмотреть... в целом. Ты больше никогда не будешь прежней, жизнь твоя изменится навсегда. Ты вырастешь и будешь понимать мир не так однобоко. Что бы тебе ни казалось сейчас, перед тобой лежит много возможностей. И мы их многократно увеличим. Твоя обида не имеет никакого значения, она мешает тебе и не трогает меня. Мы так или иначе придем к тому результату, что нам нужен, но от тебя зависит — допустить ли в твою хорошенькую головку мысль, что мне можно довериться в определенных случаях и получить от меня помощь, или оказаться в беде одной.

— Хотите сказать, что помогать вы мне будете, только если я добровольно поделюсь информацией? — я подавила вспыхнувшую злость. Этот человек был одновременно мудр и мил, и жесток, как палач.

— Нет, всего лишь, что я могу не уследить за тобой и вовремя не помочь, когда не знаю, что у тебя на уме.

— А когда узнаете, то сможете использовать это против меня.

— Смогу, — кивнул он. — Но зачем мне это? Ты не враг, ты всего лишь еще один житель Фристады, которую мы храним от приливов времени. Подумай над тем, какая информация из твоих уст даст мне возможность тебе навредить. И не говори. В остальном же — я здесь, чтобы облегчить тебе задачу, а не усложнить. Помочь, а не уничтожить. А после — мирно расстаться. Тебе нужно только открыть глаза и увидеть, что я искренен.

Я кивнула, замороженная его словами и доброжелательным спокойствием. Аттикус действительно умел говорить красиво — как в книгах. Не верилось, что он не герой романа, а и правда существует. Выдумка, пришедшая из глубин моего разума и воплотившаяся в человека. Но как же мне с ним будет сложно. Нет, я не хотела ему верить, здравый смысл,

державший мой разум в оковах, не допускал сомнений. Но и хотелось — на миг родилось ощущение, что, не заставь меня Тени ввязаться в эту авантюру, я доверилась бы без задней мысли. Как же трудно делить себя между разумом и чувствами.

— Позволь, я тебе это докажу...

Глава двадцать седьмая

Кабинет промагистра Ордена Теней, как будто вторя своему владельцу, тонул в предугрненной грозовой мгле. Пришедший с моря шторм бушевал во Фристаде словно ребенок, в порыве бешенства раскидывающий игрушки по комнате, швырял в открытые балконные двери дождь, молодые листья и обрывки бумаги. Мы едва успели добраться до Цитадели, как город накрыла буря, и мне хотелось надеяться, что, может быть, она немного разгонит нависшую над Фристадой тьму.

— Он приходил пару дней назад к нам в общину, искал Самуэля, но так и не смог с ним пересечься. Он уже и тогда был напуган. Вольфгант настолько отличался от того человека, которого я видела в подземельях минуталей, как небо от земли. Никакой властности...

— Подожди, девочка, — резко прервал меня Рем. — Убери эмоции и говори по существу. У меня слишком мало времени.

За стенами кабинета резко загрохотал гром, и я вздрогнула, непроизвольно ища взглядом стоявшего в углу Аттикуса. Он словно перестал замечать меня, стоило озвучить просьбу об аудиенции у Высшей Тени. Доверие, о котором он так просил, рухнуло, хоть мы даже не выкопали яму для фундамента.

— Я не знаю, о чем он хотел говорить с Самуэлем, я была скрыта, он не видел меня. Потом он вышел на улицу и его прогнала одна... женщина, Вольфгант ушел и больше не возвращался. А сегодня я увидела его в городе и пошла следом....

Под тревожные звуки грозы и порывистого ветра сосредоточиться было сложно, в голове проносились обрывки событий, слов, мыслей, то и дело всплывало улыбающееся лицо Аттикуса на крыше торгового дома, горгульи, прорезающие ночную тьму горбатыми фигурами. Невыносимо хотелось спать и... я не знала что еще.

Но рассказывала, то и дело повышая голос в попытках перекричать бушевавший шторм, о Совете Лесных чад, показательном отречении от Вольфганта, тьме, что окружила меня в Поющем лесу, вымощенной камнем тропе и драгоценностях.

В какой-то момент хмуро глядящий на меня Рем поднялся с кресла и принялся ходить, не обращая внимания на притихшего Аттикуса и порывы ветра, гуляющие по кабинету, словно им древние каменные стены не были помехой. А и не были. Шторм поглотил Фристаду, накрыл мягкими ладонями и сжимал в ожидании, когда она захлебнется. А вместо Фристады тонула я, с трудом заставляя себя говорить, и искала взглядом Аттикуса, ускользающего от меня, будто наваждение.

— Забавно, — буркнул Рем, услышав о тайниках Вольфганта. — Сдается мне, это старый особняк отшельника Эвергринна. Надо наведаться в эти развалины, хотя Вольфгант уже выгреб оттуда все ценное. Но любопытно, что шаман Лесных чад устроил тайник в месте, куда ни за что не сунутся сами Чада. Эвергрин мечтал быть Аскетом, но что-то у него не срасталось, а точнее, он был богат, но непроходимо труслив и туп. Я бы не сказал, что и братья отличаются разумом, но, как известно, всему есть предел. Зато особняк весь залит освященной водой.

— Вольфганта это пугает? — спросила я, потому что мне показалось, что именно в особняке его слегка отпустило. — Или Лесных чад?

— Нет, разумеется, — недовольно бросил Рем, не поворачиваясь ко мне, — они же не восставшие. Просто не полезут туда, где наследили Аскеты. Еще любопытнее, где Вольфгант

награбил все то, что там хранил. Чада не пользуются любовью настолько, чтобы им тащили жертвоприношения. Впрочем, не так интересно, в какой канаве гниют бывшие хозяева этого барахла, как то, что он собирался сделать на капище...

— Я не знаю, что такое капище, — призналась я, следя за мельтешащим Ремом. Он был встревожен и не скрывал этого, как не скрывал до этого раздражение от моего присутствия. — Но Вольфгант настойчиво просил защиты Совета и капище, он готов был унижаться и бороться до конца, но Виктория...

— Послала его в пасть к тварям, — оборвал меня Рем. — Весьма ожидаемо от такого умного шамана, как она. Она давно возглавляет Совет и она единственная из Чад, в ком можно найти голос разума. Предсказуемо. Как предсказуемо и то, что Совет был в курсе всех ритуалов. Мы так и предполагали, теперь предположения подтвердились. Совет и Виктория отказали Вольфганту в убежище и помощи, и это тоже более чем предсказуемо, потому что, скажи Вольфгант где-то, что они одобряли его художества, а по сути — попытку переворота, и наши братья... — Рем демонстративно провел ладонью перед лицом в показушном почтении перед Аскетами, насколько я видела, Аттикус его не поддержал. — Наши братья окружают их проклятое капище и сожгут его, и никто им не скажет ни слова. Да, Дайан, капище — место языческих ритуалов. На будущее: лучше туда не суйся. Ничего хорошего для тебя там нет.

— Хотелось бы мне в таком случае знать, где сейчас сам Раскаль и на что он теперь похож, — отозвался Аттикус из темного угла. Он задумчиво рассматривал книги. — Ты видел, что происходит, Рем, ты слышал, что рассказала нам Дайан, Вольфгант теряет над ним контроль и увязает в этой связи как в болоте. Если Виктория ему не поможет, чудовище его пожрет.

— А оно того и хочет? — слабо спросила я. — Виктория говорила, что Древесный бог уже не тот, которому они поклонялись, что в нем часть Вольфганта и его смерть может дать слишком непредсказуемые последствия. Какие?

— Кто знает, девочка, — отозвался Рем, и кабинет залило яркой вспышкой молнии, а спустя несколько секунд воздух задрожал от раскатов грома. — Некоторые вопросы можно разрешить только с помощью экспериментов. Но токены горели в нескольких местах одновременно, Виктория одобряла действия Вольфганта, пока в воздухе не запахло жареным. Им не нужен Раскаль и теперь не нужен Вольфгант, а значит, все меняется.

Я вынырнула из полутьмы нервного забытья и постаралась очистить мысли от накатывающих на них волн, полных тины и грязи. Что-то во мне кричало и ломало суставы, как при трансформации, которую обычно я едва помню, просыпаясь наутро при убывающей луне.

— Меняется? — переспросила я, и шторм швырнул в стекло горсть песка, часть которого, оказавшись внутри, взметнулась и засыпала разбросанные по полу листы бумаги. Ни Рем, ни Аттикус не обращали никакого внимания на стихию, а меня она пугала, как пугало все вокруг, кроме темной фигуры, стоящей у полки с книгами. Аттикус все еще так и не взглянул на меня, но зачем мне был так необходим этот взгляд?

— Не понимаешь? — тихо спросил Аттикус и жестом остановил заговорившего было Рема. — Ну же, Дайан, подумай. У него нет ни союзников, ни убежища, ни сил контролировать Древесного бога, Вольфгант уязвим как никогда.

— Считаете, что нужно на него надавить?

— Надавить? — рыкнул Рем. — Как ты это себе представляешь, глупая девчонка? Он

находится в тесной связке с Раскалем, мы не можем знать, насколько связь прочна и какого она вида. Стоит Древесному богу заподозрить, что мы собираемся навредить Вольфганту, он сметет город с лица земли! Или нет, но рисковать мы просто не можем. Аттикус говорит о том, что Лесное чадо будет допускать ошибки, метаться в поисках защиты и неизбежно приведет тебя и этого глупца Гуса к Книге! Делай, что делала, и точка.

Мне показалось, Аттикус говорил совершенно не о том, но соображала я очень плохо. Мне вообще было плохо, и в чем причина, я тоже никак не могла понять. Усталость? Все эти ночные походы к тварям в пасть? Может, я заразилась там чем-то?

— Не понимаю, — помотала я головой. — Если мы попытаемся навредить Вольфганту, Раскаль сметет город, а если это сделает кто-то другой? Что же тогда от вас зависит? Я шла на зов Книги, как мне и говорил Аттикус, но пришла в Поющий лес, где ее и в помине нет, иначе Виктория уже подсуежилась бы... наверное.

— А как ты думаешь, зачем он приходил к Самуэлю? — спросил Аттикус, пробежался руками по книгам и вытащил одну из них. И я, и Рем смотрели на него пристально, а на улице бушевала гроза, смывая кровь минувшей битвы. — Он не самый слабый маг, способный защитить Вольфганта от любой опасности. Возможно, будучи его воспитанницей, ты не слишком ясно осознаешь, какое место в городе занимает Самуэль. Но поверь, нуждайся в защите я, именно к нему и пошел бы.

Он говорил что-то еще, но предыдущий день меня доконал окончательно, я погружалась в темные воды нервного перевозбуждения, кружилась голова и все, чего я хотела — это подойти к Аттикусу, задумчиво что-то говорившему. Мне нужно было бы слушать, ведь именно за этим я и пришла, но в ушах шумел шторм, волны захлестывали сознание грязной морской пеной, что сейчас кидалась в озверевших порывах, осаждая берег Фристады. Прикоснуться к нему — почему, этот вопрос даже не приходил в голову, просто прикоснуться, почувствовать тепло кожи, увидеть тонкие морщинки вокруг глаз. Оказаться в том углу, но сил встать тоже не было.

Теперь и Рем, и Аттикус смотрели на меня, явно ничего не понимая, а я все тонула и тонула. Приближалось полнолуние, я чувствовала, как наливаются желтизной глаза, как зверь внутри поднимается с тихим рыком, готовый к охоте. Но ведь еще так рано, оставалась неделя до моего превращения, но море накрывало волнами с головой, и я захлебывалась.

Аттикус подошел, склонился надо мной — я едва замечала его сухие прикосновения к моему лбу, и никакого облегчения. Рука оказалась просто рукой, и нахмуренное лицо — всего лишь лицом.

— Пойдем, Дайан.

Глава двадцать восьмая

Я не помнила, как вышла из кабинета Рема, который, возможно, что-то еще говорил, но уши не пропускали посторонние звуки, стены Цитадели сливались в сплошной серый камень с редкими проблесками горящих факелов. Лестницы были бесконечными, как и коридоры, я цеплялась за руку Аттикуса, ощущала долгожданное тепло, но оно было, как и Тень, полным безразличия. Был бы здесь Самуэль, я зарылась бы в его объятия и не чувствовала этого холодного, обжигающего равнодушия, пропитавшего древние стены. Но рядом был только Аттикус, и мне приходилось мириться.

Он завел меня в еще один аскетично обставленный кабинет, аккуратно усадил в глубокое кресло и куда-то отошел.

— Что с тобой, Дайан? — мягко спросил он, наливая воду. Сознание, невыносимо долго тонувшее в усталости, прояснялось.

— Не знаю. Наверное, слишком устала, — почти неслышно промямлила я. — Простите, что устроила это все. Но...

— Не стоит просить прощения за то, что не контролируешь. Вот, выпей. Честью клянусь, что не отравлено, — последнее он добавил с изрядной долей иронии, но я, не в силах злиться, порадовалась, уловив в голосе хоть что-то человеческое.

Оно мне было сейчас так нужно — простое участие, никакой крови и никакого Вольфганга. Но глаза Аттикуса, присевшего со мной рядом, глядели по-прежнему отстраненно.

— Где же ваше доверие? — спросила я, с отвращением хлебнув воды. — Знаете, совсем недавно я говорила об этом с Гусом. Потому что он только и делает, что говорит о кошечках. И ни о чем больше, одна большая закрытая книга, как и вы.

— С названием «Веселый раздолбай»? — понимающе улыбнулся Аттикус. — Ты в гостях у Теней. Уже то, что мы тебе открылись, то, что ты здесь — великое доверие к тебе. И великое бремя. Не смотри на нас глазами обычного человека, лучше открой их.

— А потом?

— А потом снова открой. Хочешь вина? Оно поможет тебе собраться с мыслями.

Я помотала головой и отставила стакан. Воды во мне и так было достаточно, целое темное море с глазами пробуждающегося зверя.

— Наше доверие к тебе в том, что ты здесь, а не стоишь на заливаемых улицах, с тобой готовы говорить и воспринимать всерьез. И мой тебе совет — пользуйся этим, не бойся, Тени теперь твои союзники, и глупо было бы упустить такой шанс.

Но шанс на что, он так и не сказал.

— Этого недостаточно, Аттикус, — повторила я, вспомнив разговор на крыше. — Ваше доверие слишком неявное, я хочу большего. Я хочу видеть вас настоящего, а не эту вечную маску спокойствия. Понимать, что вы делаете.

Я признавала, что несу полную чушь, но все еще помнила, как тянуло меня к этому человеку — необъяснимо, страшно. Я никогда не хотела видеть его, не радовалась появлениям, но он казался интересным, глубоким, умным, а сейчас у меня внутри, как после шторма, царило опустошение. Глупое наваждение прошло, оставив после себя лишь мусор и воспоминания.

Тень задумчиво нахмурился, а потом порывисто встал и затопил камин одним

движением — глупое расходование магии, Самуэль никогда так не делал, но стало немного теплей от одного вида огня.

— Не знаю, какой ответ тебя устроит, — развел Аттикус руками, видя мое нежелание развивать мысль. — И, признаться, не слишком понимаю, о чем ты говоришь. Моя задача — сохранить тебе и Гусу жизнь, помочь и направить. Только и всего.

Я закусила губу, боясь выложить все то, что было в моей голове — опасные мысли, опасные откровения, но Гусу бы понравилось. Вот только он бы играл на эмоциях и моем состоянии, а я готова была искренне признаться во всем.

— Мир, — начала я, — оуклился, все линии ведут к Вольфганту, Книге, Раскалю. Все крутится вокруг них, и я хожу по кругу среди множества не заслуживающих доверия людей. Которые играют, не переставая, не смотря по сторонам, и — как вы сказали? Не открывают глаза. Ни единой мысли не промелькнуло у вас, что я существо, с которым можно говорить, что я живая. Вы смотрите на меня словно рыба, пустым взглядом, и не видите. Да вы вообще на всех так смотрите, будто люди, вас окружающие — вещи, случайно приобретшие способность связно говорить. Вам тут всем плевать, что этой ночью погибло столько людей. Главное — нескончаемые игры и великая миссия, творимая чужими руками.

Я осеклась, сама не зная, к чему приведут меня мои слова, обхватила себя руками и посмотрела в лицо Тени, выслушавшего меня с нескрываемым удивлением. В конце концов, Аттикус промолчал, печально улыбнувшись, сцепил руки в замок и наконец ответил на мой взгляд. Странно оказалось наблюдать в нем что-то отдаленно похожее на человеческое.

— Признаться, я не думал, что способен заинтересовать тебя в такой непростой ситуации. Обидеть, пусть и без желания, я мог, но... Нам не наплевать на погибших, Дайан. Постой, не отводи глаза, ты можешь не верить мне, но посмотри. Мы все здесь находимся для того, чтобы Фристада и дальше стояла, чтобы люди жили и рождались, и умирали, проходя свой вечный круг....

Он поморщился, взъерошил короткие, тронутые сединой волосы и улыбнулся.

— ...Но болезнь невозможно искоренить, устраняя симптомы. Город болен, и чтобы он не задохнулся под натиском тварей, мы должны уничтожить Раскаля. И для этого нам нужна Книга. Впрочем, что я говорю, все ты знаешь. Я слишком давлу на тебя, и мне действительно жаль. А еще жаль, что я разучился разговаривать с молодыми девушками. Позволь мне предложить тебе кофе, я ведь совсем забыл о гостеприимстве.

Я слабо кивнула, неистово желая, чтобы он продолжал, хотя и сама не понимала, чего ждала. Участья? От этой глыбы льда, застывшей в своей холодности уже многие десятки лет. Ее не растопит ни пинта кипятка, ни слезы, готовые прорваться во мне, стоило сознанию очнуться от вспышки, произошедшей в кабинете Рема. Только покажу себя слабой, ни на что не способной глупой кошечкой, может, и не зря Гус так называл меня, возможно, видел это внутри меня. Он тоже Тень, кто знает, что видят Тени, весьма вероятно, то, что мы и сами не знаем о нас самих.

Аттикус отстраненно посмотрел на кресло, в котором я развалилась безвольной марионеткой, и достал из небольшого буфета турку, кофе и пару чашек.

— Утро только началось, — виновато улыбнулся он. — Но я совсем запутался уже в сутках, брожу, как сонный кот. Тычусь в углы и мало что понимаю. Полагаю, как и ты. И еще позволь сказать — отвечая на твои слова, — что глядя на тебя, я вижу только то, что ты позволяешь. Вижу тебя, полную недоверия и страха. Не вещь, а человека, который имеет все основания меня бояться. Ты закрыта для меня столь же, сколько и я. И мне не пробить эту

стену, пока ты не разрешишь.

Он закончил приготовления, поставил турку на жаровню, подтащил второе кресло и уселся напротив меня, будто бы позволяя себя рассматривать.

— Я... я просто хочу, чтобы во мне видели не только источник информации, понимаете? Вы кинули нас в этот ад и теперь наблюдаете, выплывем мы или нет. Ох, Перевернутые боги...

Я поджала под себя ноги и закрыла лицо руками, сиюсь собраться с мыслями и прояснить туман в голове. Присутствие Тени одновременно напрягало и радовало — столь же слабо, сколько он готов был говорить не о деле. И я ничего не понимала, ни себя, ни его, ни того, что вообще происходит — зачем мне все эти разговоры. С Гусом, с Аттикусом. Единственный человек, которому можно довериться — Самуэль, был, вероятно, дома. Даже от Рема мне было куда больше прока, но я сидела тут и чего-то ждала.

Сумасшедше запахло кофе, и Аттикус поднялся, чтобы разлить его по чашкам.

— Полагаю, что понимаю, — ответил он. — А еще тебе надо поспать. Думается мне, на тебя что-то повлияло в кабинете у Рема, слишком уж быстро ты размякла.

Он подал мне чашку кофе, мимолетно прикоснувшись к руке, и снова сел в кресло. Вид у Аттикуса был усталый и слегка растрепанный.

— Не понимаю...

— Здесь много что происходит, — туманно ответил он и улыбнулся. — Иногда сам не осознаешь, твое ли настроение или нет. Не зацкливайся, это пройдет, стоит тебе покинуть Цитадель.

— Намекаете, что... эти все разговоры — влияние магии в вашей Цитадели?

Аттикус коротко кивнул и отпил кофе.

— Ну ведь не просто так тебе захотелось моего общества. На крыше ты уверяла, что я использую против тебя любую информацию, а теперь так легко говоришь то, что на душе. Магия многогранна и не проста, не позволяй ей собой завладеть, иначе — кто знает, чьи уши тебя услышат. Но, — он так искренне улыбнулся, — спасибо тебе. А теперь допивай кофе, и отправимся.

— Куда? — неохотно пискнула я. Идти куда-то еще у меня просто не было сил. — Искать Вольфганга?

— Его уже ищут, — заверил Аттикус. — Точно могу сказать, что в такой шторм он никак не покинет Фристаду. Я провожу тебя домой.

Глава двадцать девятая

Умудрившись не столкнуться с Ремом, мы покинули Цитадель Теней, и я с наслаждением вдохнула свежий воздух. Аттикус вызвался меня проводить, я не возражала. Не то чтобы мне было приятно его общество...

Ну да, приятно. И спокойно, тут же утешила я себя явным враньем, потому что спокойствие было все-таки делом десятым... Но важным.

Чушь какая-то лезла мне в голову.

На нас тут же обрушились ледяной ливень и сильный ветер, но мне это было как раз на пользу — вспышка слабости и дурные мысли окончательно прошли, оставив после себя легкое недоумение и недовольство. Разумеется, собой и Тенями, в первую и вторую очередь. Представляю, что подумал обо мне Аттикус, но, наверное, это не должно было меня волновать. В конце концов, они меня выбрали сами. И что бы со мной ни происходило, какой бы я ни была — им придется с этим мириться. Ведь я — это я, и ничего больше.

Прежде чем Аттикус укрыл нас магией, защищая от непогоды, мы успели промокнуть с ног до головы. Но шторм теперь был снаружи, и мне стало так легко дышать, что я не обращала внимания на неудобства.

— Позволь сказать тебе кое-что, — прокричал Аттикус мне в ухо, и ветер едва не унес его слова. — Вольфгант вернется, и я очень хочу, чтобы Самуэль согласился на его условия.

Я кивнула, хоть и сомневалась, что Тень увидел, но это не имело значения. Никакие Тени Самуэлю не указ, он думает только о благе общины. Но если он возьмется защищать Вольфганта, то Книга окажется у нас в кармане быстро и вполне безболезненно. Все мы в общине имели разную специализацию, но выведывать тайны своих клиентов — умение первоочередное даже для таких, как старая повитуха Китти. Иначе наемник долго не проживет, падет от первой попавшейся беды с кинжалом в руке. А значит, и выяснить все схроны Вольфганта станет гораздо проще и легче.

Город тонул в непогоде, словно хлипкий корабль в шторм. Вода лилась с неба практически сплошной косой стеной, и вездесущий туман, который не мог разогнать ни дождь, ни ветер, опустился так низко, что я не могла увидеть даже своей ладони на протянутой вперед руке.

— Я поняла, — прокричала я в ответ. — Но объясните мне все же, что со мной было? Как магия может повлиять на разум и желание?

На миг мне показалось, что Аттикус кинул на меня быстрый жалостливый взгляд, а потом улыбнулся, стирая с лица рукой дождь.

— Не думай о ерунде, — посоветовал он. — Это было и уже, вижу, прошло. И поверь, не оставило на тебе никакого отпечатка. А если ты однажды снова попадешь под такое влияние, то знай, что невозможно никаким внушением заставить человека себе навредить тем или иным способом. Ты чувствовала те желания, которые в тебе изначально были...

Конец фразы утонул в порыве колючего влажного ветра, и я подняла руку, инстинктивно защищая лицо, хоть вокруг нас и стоял невидимый барьер.

— Знаете что, Аттикус? Как же вы меня раздражаете своими туманными ответами!

Возможно, он засмеялся, но звук тут же унес ветер, и Тень склонился к моему лицу, облепленному холодными и мокрыми волосами.

— Прошу прощения! Но если я расскажу тебе, как это происходит, то нам придется

обсудить твоё образование, а это вряд ли тебе понравится.

Как я и предполагала — подумав мимолетно, а не скрывается ли, осторожность казалась излишней — мы были единственными людьми, решившими прогуляться по такой погоде. Дождь не стал ни на йоту слабее и все бил и бил по каменной дороге, еще часа три такого безумия — и каналы переполнятся водой, топя близстоящие дома. Порой мы двигались наощупь, по стенам — боялись провалиться в канализационный люк, их тут было как пива в трактире — много.

— И тем не менее, вы ужасно раздражаете!

— Позволь считать это комплиментом! Дайан... — Мы остановились у форта Флинт под глухой аркой, после которой начиналось кладбище, и Аттикус устало прислонился к стене. — Возможно, я совершил ошибку, ведя себя... так, как вел. И прошу позволения ее исправить. И хочу начать с того, что мои двери открыты для тебя в любой момент, тебе лишь стоит подойти к Цитадели, и тебя впустят. Какие бы проблемы ни возникли, я готов тебе помочь, даже просто поговорить. Повторяю — любые проблемы. Мы ведь можем договориться?

Он улыбнулся, и я растянула губы в ответ в нервной, неверящей улыбке. Аттикус держался так, как описывал Гус, но не я ли сама просила его быть открытым?

Так что... соглашайся, Дайан. Улыбайся и восторженно хлопай глазками.

— Думаю, вполне, — ответила я. — Если вы перестанете лгать, лить воду и отмахиваться от моих вопросов.

Я скрылась, с удовольствием наблюдая, как выражение добродушной заинтересованности сменяется растерянностью и недоумением на лице Аттикуса, и шагнула прочь из-под арки — к теплу сухого дома, к объятиям Самуэля — единственного человека, которому можно было верить в этом мире, пропитанном ложью и обманом.

Ветер донес до ушей обрывок фразы про глупые шутки, а потом на меня со всей силой обрушилась непогода.

Вспышка хорошего настроения прошла так же быстро, как и появилась. Предстояло еще объяснить Самуэлю, что ему нужно принять ненужный заказ, а тому не слишком нравилось, когда его решения контролировал хоть кто-то, а Тени — в особенности.

Земля под ногами чавкала, напитанная влагой, и на ботинки тут же налипли комья грязи и старых листьев, перемешанные друг с другом, словно тесто. Могилы тянулись в утреннем тумане, похожие на небольшие болотные кочки, заливаемые водой с сошедшего с ума неба, и приходилось то и дело обходить огромные лужи. Наверное, поэтому я слегка сменила привычный курс, прыгая с одного холмика более-менее сухой земли на другой, не желая потом заниматься еще и стиркой обуви. И, наверное, мне суждено было наткнуться на трупы именно в этом месте.

С похолодевшим сердцем я убрала ногу с тела, на которое едва не наступила в утренних сумерках, осторожно склонилась и еле сдержала крик.

Вольфганг, наполовину погруженный в грязное озерцо, невидяще смотрел на мстящее всему городу небо.

Открытые глаза и разинутый в немом крике рот заполняла мутная вода, и я пятилась, уже не думая о чистке ботинок, лишь бы только не видеть этого застывшего в предсмертной маске лица, изменившегося до неузнаваемости. Вольфганг больше не выглядел человеком, и я не знала, сколько он тут лежит — разодранное тело, восковое лицо, он напоминал голема — верно, именно так начинают превращаться моряки в хохотунов. Вот только Вольфганг

больше не встанет с этого кладбища и никому не навредит.

При Вольфганте не было сумки, и то ли он успел перепрятать ее, то ли драгоценности кто-то забрал.

Зато Раскаль теперь свободен — истинный бог Лесных чад, бог обмана и лжи. И он затопит Фристаду в крови.

Я кинулась бежать, уже не разбирая дороги и лишь стараясь удержаться на ногах, не поскользнуться на скользкой земле, мимо бесконечных рядов могил, ворот общины, что сегодня никем не охранялись, домов, в окнах которых трепетало нежное пламя свечей, и спрятавшихся от шторма собак.

Дверь нашего дома была не заперта, и я заскочила внутрь, заливая пол водой и грязью, затворила ее за собой и прислонилась спиной к теплому дереву. Дома горел очаг, несколько свечей на старом, обшарпанном столе, на подоконнике и печке. Самуэля видно не было, но мне требовалось время, чтобы прийти в себя, унять громко стучащее в горле сердце и заставить себя хоть слово вымолвить.

Вольфгант уже приходил к Самуэлю, прося защиты, но тот отказал, иначе я не споткнулась бы о распластанное в грязи тело, не смотрела бы в жуткое, похожее на маску мертвое лицо. И не сжималось бы так сердце в предательском страхе. Или, напротив, Вольфгант не дошел до своей цели.

— Дайан?

Самуэль появился на пороге кухни, нахмурился, обвел взглядом лужу, что с меня натекла, и выдохнул. С замирающим сердцем я поняла, что он волновался, ждал, когда я вернусь.

— Что ж, даже в таком виде — и то неплохо. Но не надейся, что я буду это все убирать, — ворчливо заметил он и улыбнулся одними уголками губ.

Но я все еще не могла вымолвить ни слова, просто молча смотрела на ничего не подозревающего старика и думала-думала-думала о том, что нас ждет и сколько осталось стоять Фристаде на берегу холодного злобного моря, как быстро Древесный бог почувствует, что часть его — нежеланная, полная страстей и страхов, держащая его часть — мертва. Захотелось крикнуть Самуэлю, чтобы уезжал из города, бежал, куда глаза глядят, но слова застряли, как пробка в горлышке бутылки.

Ему не потребовалось много времени понять, что я не в порядке. Самуэль нахмурился и медленно подошел ко мне, положил теплые сухие ладони мне на плечи и заглянул в глаза.

— Что случилось, девочка?

Я выдохнула имя вместе с воздухом, едва слышно и хрипло.

— Вольфгант...

— Приходил, — кивнул он. — Напуганный, дрожал как лист, обещал золотые горы. Я вышвырнул его вон. Сказал, что он предложил слишком мало, хотя он уверял, что я смогу купить всю Фристаду. Мне не нужна Фристада и не нужна опасность для всех нас. И стар я уже охранять кого-то, кроме тебя, Дайан. Ты за меня так перепугалась?

Он по-доброму улыбнулся, и мне на миг захотелось обнять его, прижаться и забыть все, что я видела. Но слова были важнее, только бы обрести вновь способность разговаривать.

— Он мертв. Лежит... там же, где Льюис. Тонет в луже. Ох, Самуэль...

Улыбка вмиг сползла с лица старика, и он отстранился.

— Ты проверила?

Я кивнула.

— С полным ртом грязи не живут. Ты... я...

Но Самуэль, уже приняв какое-то решение, резко затащил меня в кухню, ткнул пальцем в сторону ванной и схватил с вешалки тяжелый непромокаемый плащ.

— Раскалево отродье, так и знал, что нельзя отпускать дозорных. Сиди здесь, я скоро вернусь. Нужно поставить стражу и кое о чем поговорить. Я быстро, Дайан, приводи себя в порядок пока.

Он вышел в бушующее непогодой утро, а я потащила в ванную, не ощущая ни холода мокрой одежды, ни тепла натопленного дома, ни запаха еды. Удивительно, что Самуэль в такую ночь нашел время на готовку, когда город тонул в реках крови защитников Фристады. Но я знала, что он никогда не отпускал в ненужные заварушки своих людей, город не платил за жизни наемников, и если кто-то из наших сегодня и дрался с минуталями, то исключительно по собственной инициативе. Что у кого-то такое желание, впрочем, возникло, я сомневалась. Община любила три вещи: деньги, покой и пиво, а ничего подобного никто в городе не обещал.

Горячая вода врезалась в кожу тысячей острых иголок, что я едва замечала, лихорадочно соображая, что делать. И усталость, и недосып отошли на второй план — не стоило так глупо сбегать от Аттикуса, ведь ему обязательно нужно узнать о смерти Вольфганта. Возможно, Тени успеют что-то предпринять, но что сделано, то сделано. Аттикус сидит в своих теплых казематах, а у меня нет сил возвращаться. Тени все узнают и без меня, но оставался Гус и затея с картами — он еще не знает, что нам надо спешить, что все проваливается Раскалю в смрадную пасть и вряд ли когда станет лучше.

Самуэль вернулся через час, и я успела кое-что обдумать, вымывшись и завернувшись в его старый мягкий свитер и заодно собрав с пола всю грязь, что с меня натекла. Монотонная работа позволила мыслям, лихорадочно носившимся в голове, прийти к чему-то, что вполне можно было назвать спокойствием.

Руки и ноги так тряслись от напряжения, будто я неделю вспахивала поле, заняв место лошади. Холодная вода из фляжки слегка освежила, и я села в старое кресло и закрыла глаза, представляя ясное ночное небо над Фристадой — оно всегда было красиво.

Когда наступала зима, Хитрая Лисица занимала почти половину небосклона, неизменно указывая сверкающим носом на север. В детстве кухарка — моя большая любимица — часто рассказывала, что Лисица так торопилась за лето и осень обежать землю и принести на хвосте снег, что попала лапой в звездный капкан. Увидев несчастье, Куница — небольшое гаснущее созвездие — стала насмехаться над ней. Лисица умоляла помочь ей выбраться, но насмешница была глупа и жестока. И тогда Лисица взмолилась Тиши, и она, обходя очередной раз землю, услышала ее мольбы. Разжав капкан, Тишь строго посмотрела на Куницу. От этого она вся сжалась, зная, как скоро богиня в гневе на расправу, и начала было умолять ее о помиловании, но Тишь не позволила ей сказать ни слова.

— Если ты такая злая и жестокая, что даже мольбы о помощи не тронули твое сердце, будешь сидеть в этом капкане до тех пор, пока кто-то не сжалится над тобой, — с суровым лицом рассказывала кухарка Тони. — И с тех пор Куница чахла и меркла в уголке неба, отчаянно крича о помощи, но никто, помня ее злобу, не хотел помогать.

Разумеется, все это сказки, но в свое время эта история была моей любимой. Я тысячу раз просила Тони рассказать ее мне и однажды даже поделилась ей с братом. Он пришел в восторг и потребовал рассказать ему что-нибудь еще. Тогда мы еще дружили, не подозревая, что в один миг предпочтем забыть о существовании друг друга...

Сон отменялся на неопределенный срок, и после всех объяснений с Самуэлем я собиралась к Гусу — нужно было посмотреть, в какое место тянет тварей и проверить все, что только возможно. Если нам оставалось несколько дней жизни — может, Рем с Аттикусом преувеличивали в продуваемом всеми ветрами кабинете — тем более нельзя было ждать.

— Выглядишь лучше, — одобрительно заметил Самуэль и придвинул кресло, сел и пристально посмотрел мне в глаза. — Грязь с волос только плохо смыла.

— И Тишь с ней. Скажи мне, почему? Почему ты не стал... не согласился... прогнал Вольфганта? — Я умоляла Самуэля быть со мной откровенной. И было невероятно сложно говорить прямо, потому что я фактически обвиняла единственного человека, за которого, ни секунды не раздумывая, отдала бы жизнь. — Он просил защиты. Теперь он мертв, и весь город...

Я сбилась. И я боялась посмотреть Самуэлю в глаза, но он только негромко засмеялся. Может быть, он по-своему понял мой страх, но я не сомневалась — он понял правильно. Он знал меня лучше, чем я сама.

— Тихо, девочка, не паникуй. Ничего страшного в том, что этот ублюдок мертв, нет...

— Нет? — я запустила ладони в мокрые волосы в тщетных попытках снова найти нужные слова. — Нет? Он ведь связан Книгой с Раскалем, который теперь свободен. И

наверняка поймет, что Вольфганта убили... только кто?

— Судя по виду ран — твари, сложно сказать точнее.

— А мешок? Сумка? У него что-то было, когда он сюда приходил?

Самуэль помотал головой.

— Если ты думаешь, Дайан, что я ему не поверил — почему же. Поверил. Он не пришел бы ко мне с намерением меня обмануть. У него были деньги, конечно же были, и он, я уверен, собирался со мной расплатиться как должно. — Он тяжело вздохнул, и я застыла, понимая, что неспроста Самуэль точно так же, как я, подбирает слова, разве только я не хотела его обидеть, а он — меня напугать. — Я мог бы дать ему защиту, Дайан, все просто. Но посмотри, — он обвел рукой комнату, и я догадалась, что он подразумевает общину. — Здесь много людей. За все золото этого мира я не согласен подвергать их опасности, потому что они верят мне. Я стар, но я проживу еще очень долго, быть может, я переживу и тебя, но даже когда наступит мой час, я хочу умереть спокойно. Мир и покой — вот и все, что хочет человек на смертном одре. Хочет знать, что он все сделал правильно...

Самуэль замолчал и смотрел на меня пристально, дожидаясь, когда я кивну. Да, конечно. Никто не знает, сколько бы еще тварей рванулось снова на кладбище. И я была благодарна Самуэлю за то, что он не сказал о...

— Я видела у него эти деньги, — выпалила я, потому что не желала снова вспоминать то страшное утро. — Я была у Лесных чад. Я встретила Вольфганта, пошла за ним в Поющий лес и видела, как Виктория и Совет отреклись от него. Они все знали и одобряли до тех пор, пока Вольфгант не начал терять контроль. А потом... я шла за ним в старый особняк, где у него был тайник. Только в городе я застала бойню и потеряла его из виду. Наверное, он успел перепрятать куда-то сумку с деньгами и драгоценностями.

— Наверное, — легко согласился со мной Самуэль, а я закусила губу, ведь было еще и «потом потом» — когда я встретила с Тенями, и Аттикус попросил меня оказать Вольфганту помощь, если он снова придет за ней.

— Теперь Раскаль уничтожит Фристаду.

— Да с чего ты это взяла? — ласково спросил Самуэль, а я подумала — потому что так говорили и Тени, и Виктория. — Подобные монстры не мыслят категориями, какими мыслишь ты. Да, он снова устроит бойню, как много веков назад, но не из мести за Вольфганта, уж поверь мне. Раскаль — чудовище, нежить, Вольфгант боялся его, просил защиты и убежища. Так от кого?

Я уставилась на Самуэля во все глаза. Он был спокоен, не так, как Аттикус, потому что рядом с ним было тепло, не страшно говорить, что приходит в голову. А еще он умел в такие минуты мыслить холодно, не поддаваясь эмоциям.

— От Раскаля?

— От Раскаля, от тварей, от Аскетов, от герцога, от Теней, от Лесных чад. От всех Гордыня — вот что губит, девочка, и это не заносчивость, не высокомерие, это когда ты сам не знаешь, справишься ли ты, но и не хочешь этого знать. Не смотришь вокруг, не думаешь о последствиях. Вольфгант убил себя сам. Понимаешь?

Я тупо кивнула, лихорадочно соображая. Вольфгант терял контроль и этого откровенно боялся, а Древесный бог — кто знает, разумен ли он вообще — желал только одного: скинуть с себя унижительную удавку из человеческих страстей и амбиций.

Кто здесь не прав — Самуэль, не слишком посвященный в дела, или закопавшиеся в них с головой Рем и Аттикус?

— Твари убили его по приказу Раскаля?

— Или потому, что были голодны. Или потому, что им не нравился Вольфгант. Или он просто попался им на глаза. Я скажу — хорошо, что он, а не кто-то из нашей общины.

— Или потому, что они устали ждать, — я начинала что-то понимать. — Он говорил им — ваше время скоро придет, но оно все не наступало, а минутали вряд ли различают время суток и точно не умеют считать. Им надоело, они устроили бойню в городе и прикончили того, кто не выполнял обещания. — Самуэль пожал плечами, словно говоря: «Все возможно, примем это как факт». — Теперь Раскаль свободен от того, что в нем было от Вольфганта. Но какие цели он преследует, что он такое, умеет ли он думать и хотеть чего-то столь обычного, как власть?

Кому я больше доверяю — человеку, сидящему напротив меня и несомненно использующему мои таланты, но и давшему в ответ все, о чем я только могла мечтать, или Теням, хранящим свои тайны и преследующим собственные цели, которые, возможно, и не были ни разу озвучены в моем присутствии.

— Виктория отреклась от Вольфганта, так ты сказала? — Самуэль похмыкал. — Что же, она очень сильный шаман, но у нее ведь такие же Чада, как у меня. Я не хочу рисковать своими людьми, а она, получается, хочет?

Теперь хмыкнула и я, кое-что вспомнив.

— Ты знаешь... она позволила ему принести нескольких Чад в жертву Раскалю. Может, ей и правда плевать, одним больше, одним меньше? Да даже десятком, кто их считает?

— Я думаю, тут дело в другом, — заметил Самуэль, не поддавшись на мою смешную попытку разрядить обстановку. — Что общего между нами и какая разница, Дайан?

Я задумалась. На первую половину вопроса ответ у меня был готов.

— И ты, и она возглавляете многих людей. — А на вторую? — Но ты, как ты сам сказал, думаешь о пределе своих возможностей и о последствиях? — А она нет, хотела добавить я, но вспомнила, что про Викторию говорили Тени. Она умна. — Или они поклоняются Древесному богу? Вольфгант просил капище для какого-то ритуала, Виктория отказала.

— Она понимает, насколько это бессмысленно, — Самуэль прикрыл глаза. — Пока им стоит больше бояться властей, если те вдруг узнают, что Совет позволил Вольфганту все это затеять.

Возможно, Раскаль не в курсе, что минутали убили Вольфганта. Может, он даже еще не почувствовал, что свободен. И все равно оставалась Книга.

— В Книге душа Вольфганта, — проговорила я. — Виктория говорила, что Вольфгант жив исключительно потому, что она не знает, как его смерть повлияет на Древесного бога.

Опять не складывается, и Тени упоминали о том же. Не могли они все разом забыть про Книгу? Или дело не в ней?

Я скорчилась в кресле, уперев локти в колени и спрятав в ладонях лицо. Все, что мне говорили, шло вразрез с тем, что я видела или слышала. Если правы Виктория и Тени, то Раскаль уже отряхивает пыль с костей или что у него там имеется и готовится снести Фристаду с лица земли. Если его продолжает держать Книга...

Вольфганта не трогали ни Лесные чада, ни Тени, опасаясь бойни. А она все равно началась, пока он был еще жив. Не получалось, и я сознавала, что меня просто не хватит на то, чтобы правильно сложить этот проклятый пазл. Если ни Рем, ни Аттикус не смогли, если Самуэль...

Не смогли — или мне не сказали? Теням нельзя верить. А Виктории?

Самуэль уже поднялся из кресла и мирно гремел кастрюльками. Думай, Дайан, думай-думай-думай. У тебя есть многое, только верно все сложи.

Виктория и Совет позволили Вольфганту провести ритуал, но потом изгнали его и — да, это важно? — отреклись и от нового Древесного бога. Виктория оставила Вольфганта в живых, потому что она просчитала последствия.

Тени оставили Вольфганта в живых, потому что боялись того же, что и она.

Твари лезут в город, и они в конце концов добрались до того, кто не держал своих обещаний. Добрались — и ушли, и вполне может быть, что минутали свернули свою атаку именно в тот момент, когда Вольфганту вспороли брюхо.

И тишина. Полная тишина, что может значить...

— Самуэль? — позвала я, и голос мой дрожал от внезапной догадки. — Может такое быть, что Вольфгант считал, что он повелевает Раскалем, но это в большей мере делала Книга? И теперь Вольфгант мертв, Раскаля не тревожат чужие страсти... он ведь безмозглый дух. Книга просто лежит, и если получить ее, то...

То что? Самуэль с какой-то кастрюлькой в руках смотрел на меня и, кажется, одобрительно улыбался.

— С чего я решила, что Виктория Вольфганту не лгала? Она убедила его, что не собирается его убивать. А если он хранил Книгу там же, куда спрятал свои побрякушки? Она вынудила его на крайние меры. А когда нашла Книгу, то... Все, — закончила я. — Лесные чада получили дохлого шамана-неудачника и Книгу, которой подчинен Древесный бог. Да? Я права?

— Возможно, — улыбнулся Самуэль и, спохватившись, вернул кастрюльку на плиту.

Я кивнула и едва не вскочила с кресла. Гус, мне нужно попасть к Гусу и, возможно, предупредить Аттикуса, хоть этому сопротивлялось все мое существо. Снова попасть под власть чар, потеряв разум, было страшно.

— Самуэль. Мне нужно знать, не появлялись ли еще какие твари в городе, не так шумно, как восставшие и минутали. И, конечно, где появлялись.

Старик задумчиво оглядел кухню. Не имело никакого смысла спрашивать, что он сделал с телом Вольфганта, хотя мне, конечно, смертельно хотелось узнать.

— Ребята что-то заметили в старой «Колючке», но сложно сказать, что там водится. Пара Храмов Единого в Грейстоуне, там восстали мертвые из склепов, в Козлиных болотах, говорят, какой-то утопленник пытался уплыть в сторону Грейстоуна или Рыночной площади — кто его знает куда, но в ту сторону. И конечно, Каирны, те твари, что погребены там изначально, уже никогда не восстанут, но есть еще и поздние погребения. И там волнуются больше всего.

Я с тоской посмотрела на кастрюльку. Там что-то уже закипало, а чем ближе к полнолунию, тем больше и чаще мне хотелось есть.

— Я ненадолго, — соврала я. — Мне надо кое-что уточнить.

VI. Противостояние Теней

Глава тридцать первая

Ливень ослабел, теперь шел препротивный морозящий дождь, но я была рада и этому. Свежий воздух развеивал тоскливые мысли. Я не помнила, чтобы раньше подобное меня угнетало, так что периодически сама себе удивлялась. Обхватив себя руками, я застыла у каменной стены, пропуская бледного Аскета. Несчастный пошатывался от усталости, но слишком сложно было выдавить из себя сочувствие — внутри бушевал ураган собственных страхов и тревог. Подождав, пока Аскет скроется из виду, я продолжила путь.

Я свернула в Цветочный переулок, откуда можно было легко перелезть через стену и кратчайшим путем выйти на дом Гуса. Кляня Аскетов, хотя они эту стену не строили, я прыгнула на скользкий от дождя камень мостовой.

— А? Что это? Ты слышал? — меня догнал густой голос.

— Я сейчас слышу только, как хлюпает вода в моих ботинках! Пошли быстрее!

Перебежав за спинами стражников через дорогу, я бесшумно открыла дверь и попала в старый дом, где сдавались дешевые квартиры. Здесь было два выхода, чем я и собиралась воспользоваться. Выскользнув на улицу, я затаилась и услышала жалобные всхлипывания буквально в паре футов от себя.

Тощая дамочка, явно только что ограбленная, металась в углу между площадью и Лютным переулком. А где-то вдаль пахло алчностью, ну, или мне показалось, что в утреннем тумане мелькнула фигура Бернарда — мелкого карманного воришки, весьма известного в узких кругах трусливым характером и любовью к выпивке.

— О, нет, только не я, я ничего никому не скажу. Пожалуйста, только пусть он меня не найдет!

Беспокоиться дамочке не стоило — Бернарда интересовали легкие деньги, а не ее тело, иначе бы его давно поймали свои же. Сложно было сказать, что воровское сообщество Фристады придерживалось строгих моральных принципов — куда уж там, но откровенное членовредительство не поощрялось, закон был весьма строг к преступлениям по отношению к высшей знати и тому подобной шущере. А поскольку город был портом — знать встречалась везде и в любом виде, порой даже невозможно было отличить, пока не заговоришь.

Сделав мягкий шаг в сторону, я услышала под ногой визг боли и отшатнулась. Большая серая крыса злобно ощерилась и прошмыгнула в канализацию.

— Нет, пожалуйста-пожалуйста, не убивайте меня!

Дамочка меня не видела, но услышала вполне ясно. Испуганно замерев и прижавшись к стене, она вертела головой из стороны в сторону. Но я уже скрылась в тени соседнего дома, потом следующего, и еще одного. Наконец, когда попалась удачная выемка, я спряталась. Пусть успокоится бедняжка и в следующий раз тысячу раз подумает, как ходить одной, не умея постоять за себя.

Здесь стены не защищали от непогоды, и на меня обрушился шквал ледяного ветра. Но обращать внимание на разметавшиеся волосы и мокрую пыль на лице не было времени.

— Привет, душа моя.

Чья-то рука мягко легла мне на талию, и я отшатнулась, едва не вскинув руку в попытке ударить.

— Признайся, ведь ты скучала?

— Ненавижу тебя, — искренне прошептала я, вжимаясь в стену.

— Боги, сколько экспрессии, — развеселился Гус. — Далеко ли гулять собралась?

Я выдохнула и наконец ощутила, насколько продрогла.

— Но больше всего я ненавижу тебя, когда ты так сильно похож на Тень!

Гус, похоже, был уязвлен. Но через пару секунд снова улыбнулся.

— Хорошая попытка, кошечка, — прошептал он мне на ухо. — Но я обижусь как-нибудь потом.

За поворотом раздались громкие шаги, и Гус, схватив меня за руку, уволок в следующий закуток между зданиями. Ветер оборвался, не сумев преодолеть защиты замшелых стен.

Гус повернулся ко мне. В его глазах была привычная насмешка вперемешку с дружелюбием.

— Как удачно я тебя подцепил. Подумал, что стоит проверить, не сожрали ли тебя, пока я был кое-чем занят, а ты сама в лапы бежишь. Меня искала?

Я кивнула и потянула его к Северному кварталу. Мы старались держаться в пустых переулках, куда стража заглядывает редко. Уже наступило позднее утро, и улицы постепенно заполнялись небольшими группками людей — они явно осторожничали, но были из тех, кому что минутали, что восставшие — все едино, ведь работа никогда не заканчивается, и кормить семьи тоже надо. Но люди стали предусмотрительнее, и у многих я заметила на поясах оружие и склянки с освященной водой.

— Тебя, конечно, кого мне еще искать? Мы идем к тебе, к слову, и у меня есть что тебе рассказать. А у тебя?

— Я выжат как лимон, кошечка, — весело фыркнул Гус. — Но так уж и быть, найду на тебя силы. И показать, и рассказать.

— Очень многообещающе, — скупно ответила я. — Давай только без показов, ладно? Не уверена, что выдержу, чем бы ты ни хотел похвастаться.

А посмотреть было на что — Гус выглядел впечатляюще растрепанным и усталым, будто всю ночь провел, как тот Аскет, что встретился в квартале Эрмет — в бою. Но Гус улыбался, несмотря ни на что, и предположение казалось весьма сомнительным. Такие люди как он, да и я, ни в жизнь не встанут на защиту города, когда на то есть стража и Аскеты. Ну и Тени.

Нам почти никто не встретился, что радовало. Подъездная дверь открылась со скрипом, и я первая прошмыгнула внутрь. Ненавижу кошек, хоть нос зажимай.

— Не кривись, душа моя, я сейчас хлопну чего-нибудь освежающего и буду в полном твоём распоряжении. Приятно, порви меня восставшие, когда такая кошечка скучает, едва расставшись.

Ничего остроумного придумать я не смогла и поэтому просто молча пошла к лестнице. После серой туманной улицы свет редких свечей на стенах немного резал глаза, и, боясь упасть, я вцепилась в перила.

За спиной раздался звук закрываемого замка — жильцы побеспокоились о безопасности, и Гус тут же нагнал меня. Он пнул ногой дверь квартиры и затащил меня внутрь.

— Ну, располагайся. И расскажи наконец, что тут происходит.

— Угу, спасибо, что пригласил. Раз уж ты такой гостеприимный, мог бы сделать мне чай.

Незастеленная кровать манила к себе почище Аттикусовских наваждений. Не

раздеваясь, я упала в постель и укуталась одеялом — плевать, в каком она виде и сколько месяцев не стирана, но я продрогла, казалась, до костей. А Гус и глазом не моргнул, воспринял мое поведение как должное и даже с явной охотой опять разулыбался.

— Конечно, моя госпожа. А чего еще? Поцелуев в задницу?

— Только если тебе так хочется, — невозмутимо ответила я, выдерживая его взгляд, а потом с удовольствием наблюдала, как он сдается и идет выполнять просьбу.

Пока Гус безропотно выполнял мое поручение и разжигал огонь в очаге, я успела слегка согреться.

— Ты знаешь, что творилось в городе ночью?

Гус отвернулся к огню и кивнул. Разгоревшийся огонь распространял тепло по квартире, еще больше усиливая кошачью вонь, чайник тихо шипел, нагреваясь. А мы молчали. Потому что — что тут скажешь?

— В такой неразберихе не поймешь, куда шли эти твари...

— Вольфганг убит, — перебила я. Ну, вообще-то сказать надо было намного больше, с другой стороны, я не хотела путать Гуса. Мои сомнения — мои сомнения, хватит одной большой головы. — Теперь у нас нет выхода.

Насколько я была всем этим пришиблена, настолько вдруг оживился Гус. Мало того — обрадовался. Чайник издавал жуткий свист, а Гус чуть не прыгал от счастья, раскидывая по квартире всякую ерунду.

— Кош... Да ладно тебе, пора бы привыкнуть. Значит, мы с тобой можем расслабиться и обо всем просто забыть. Пусть Рем сам ищет Книгу и делает с ней что хочет. Все, моя миссия на этом окончена. Полагаю, твоя тоже, Дайан.

Последние слова он произнес почти торжественно. Но я — я не была настроена так же оптимистично.

— И ты не хочешь стать свободным от Присяги? — как можно более безразлично спросила я.

— Ох, Дайан... — Гус сел, и стул под ним натужно крякнул. — Если бы я хоть на секунду поверил Рему. Его словам веры столько же, сколько словам крысы. Это же Тень.

Я подумала — а считает ли Гус себя до сих пор Тенью. Он все-таки часть Ордена или для него это проклятье не меньшее, чем мой брак — для меня?

— Но ведь ты согласился, — нахмурилась я, кутаясь в одеяло. — Если ему настолько нет веры, чего не сбежал — ни за что не поверю, что ты не продумал пути отхода. Даже у меня они были...

— И ты их благополучно засунула, куда солнце не светит? — хмыкнул он, все еще светясь от радости. — Не сердись, кошечка. Помимо Присяги дело еще было в том, что Аттикус, когда надо, не слезет с меня, пока не добьется желаемого. А здесь у меня своя жизнь, клиенты, полянки и знакомства, и это меня устраивает. Стоял выбор между враждой с Тенями и переездом. Но переезжать некуда, ты и сама прекрасно об этом знаешь. Да вот только не понимаю, чего ради ты согласилась. Если не струсил, конечно...

Я закусила губу, вспомнив, что просила у полковника. Неужели встречи с герцогом мне не видать как своих ушей?

— Ради этого я готова искать Книгу, — сухо ответила я, машинально сжимая запястье с проклятым браслетом.

Это случилось за год до моего побега — в день, когда я стала совершеннолетней и заполучила бремя обязанностей. Меня познакомили с моим будущим мужем, и это был

первый из двух раз, когда я его видела. Молодой, бледный мальчишка с сальными волосами стоял около своих родителей и прятал от меня глаза, а я же наоборот — рассматривала его со всей тщательностью и отвращением, с которыми была способна. Высокий и нескладный, запуганный отцом, но как и все мужчины на Волчьем острове, он скоро бы оторвался от гнета семьи и принялся за меня. Смотря на него, я понимала — он такой же, как мой кузен, тихий при родителях и воспитателях, и жестокий, когда все взрослые оказывались далеко. Злоба текла из него, словно река пробивала русло в камнях — тихо и почти нежно, но порой я пряталась, когда замечала в голосе кузена мягкие ласковые интонации. Они означали начало игры, после которой, как правило, мне приходилось по несколько дней зализывать раны.

Потом кузен женился на Рейлин — девушке с другого края Острова, настолько красивой, что у меня дух захватывало при виде ее. Кузен, казалось, любил ее до умопомрачения, носил на руках и заказывал из Фристады украшения, но продолжалось это недолго. Что-то случилось, и игры начались вновь, но только не со мной.

Мальчишка не сказал мне ни слова при знакомстве, лишь низко поклонился, как представитель более низшего класса. Но не это дало мне решимость осуществить давно задуманное бегство, нет.

Во время праздничного ужина я смотрела, как за родительским столом долго и весело что-то обсуждают мой кузен и жених, а Рейлин — все еще красивая, сидела рядом — бледная, молчаливая, не смеявшая поднять взгляд.

Возможно, сейчас это не произвело бы впечатления столь сильного, но тогда я боялась и отчаянно не хотела принадлежать кому-то, кто сумел найти общий язык с моим кузеном. Я поклялась забыть имя мальчишки, его сальные длинные волосы теплого каштанового цвета и бежать с острова до консуммации брака.

— Душа моя, — окликнул Гус, и я виновато улыбнулась. — Что же может такого сделать герцог, что не может кто другой?

— Этот вопрос касается бумаг... Это неважно, Гус, правда...

Я недоверчиво рассматривала дружелюбное, открытое лицо Гуса и отчетливо видела, что он и вправду просто интересовался, без всякого умысла.

— Важно или нет, но, может быть, могу чем-то помочь я, — возразил он, — и у тебя отпадет надобность искать эту проклятую Книгу. А от Аттикуса и Теней, уверен, тебя защитит Самуэль. Да и ты, душа моя, неплохо умеешь скрываться с глаз. К тому же, ты только вспомни тот наш милый разговор на берегу — я тебе довольно открылся, чтобы просить взаимности.

Я поморщилась и оглядела убогую квартиру, гадая, была ли это манипуляция или обычное любопытство не слишком тактичного человека. А потом в голову вдруг пришла шальная мысль, что Гус — Тень, он многое знает, пусть и говорит и выглядит как неудачник, но чем больше я его узнавала, тем больше убеждалась, что это не так. Это был осторожный и хитрый человек, изо всех сил старающийся не лезть на чужую поляну с травами. И выжимающий максимум пользы из того, что ему осталось.

И я плюнула. Задрала рукав и показала браслет.

— Если ты с меня это снимешь, я сделаю все, что угодно.

Глава тридцать вторая

Гус оказался выбит из колеи этой просьбой. За окном накрапывал мелкий противный дождь, а он стоял передо мной на коленях и сосредоточенно изучал обручальный браслет, а потом поднялся, снял с огня охрипший уже чайник, вернулся ко мне и опустил рукав.

— Спрячь, Дайан, и никому не показывай это, — тихо посоветовал он и сел на стул. — И никому не говори. Обещаешь?

Мне не понравился его тон. Серьезный Гус не предвещал ничего хорошего, и у меня появилось жуткое ощущение, что он зачитал мне приговор.

— Чай ты все еще хочешь?

— С этим можно что-нибудь сделать? — спросила я почти неслышно, потому что мне начало казаться, что это уже не приговор, а настоящая плаха, и уйти, сбежать никак не получится. — Кто-то может с этим что-нибудь сделать?

Последние слова я выкрикнула практически в истерике, и голос сорвался на неприятный визг, но Гус только молча покачал головой.

— Ты говорила про это Самуэлю? — безнадежно поинтересовался он, и во взгляде его я читала то ли сочувствие, то ли отчаяние. В тот момент мне было совершенно без разницы, отчего они появились.

— Да, — я закусила губы, чтобы не разреветься, и пару раз глубоко вздохнула, сглатывая так и не выступившие к счастью слезы. — Он... он сказал, что ничего не может с этим поделать. И тогда я подумала, может быть, герцог... Или графиня Андреа...

— Они не маги, Дайан, — печально улыбнулся Гус. — Если бы твой брак нарушил закон, его могли бы расторгнуть даже Аскеты. Если бы тебя принудили или же обманули, или твой муж оказался бы не тем, за кого себя выдает, что угодно, но... Я мало что знаю о тонкостях заключения брака, как ты понимаешь, — добавил он извиняющимся тоном, — а о деталях его расторжения и того меньше, но браслет... Это магия оборотней, и даже если герцог объявит на площади, что брак недействителен, это тебя не спасет, ты прекрасно знаешь об этом. Мне жаль. Но тебе лучше знать правду.

— Мой брак не был консуммирован, — пролепетала я Гусу в спину, когда он уже поднялся, чтобы все-таки доделать несчастный чай. — Это тоже не имеет никакого значения?

Гус не отвечал мне, и я его не винила. Все, что он мог, он сказал, и именно этого я от него и хотела. Откровенности. О том, что она может ранить меня смертельно, мне стоило подумать немного раньше. Гус занимался чаем, и, глядя на две покрытые плесенью чашки, я поняла, что все равно не стану из них ничего пить.

— Как тебя угораздило в такое вляпаться, душа моя? — наконец спросил он, и я с упавшим сердцем осознала, что ничем он мне не поможет. Он не Тень, да и маг такой же, как я — неполноценный. Верно, единственные вещи, которые в действительности питаются его силами — зелья, способные убивать хохотунов и лечить веселых дамочек с Узкой улицы. — Подожди, не дергайся, я же смеюсь над тобой.

Гус, придирчиво посмотрев на чашки, протянул одну — на его взгляд, более чистую — мне, я помотала головой, и слава Тиши, он решил, что я просто слишком раздавлена, а не проявила брезгливость. Сам же он уселся на стул со своей чашкой и присосался к ней как пиявка.

— Это... это большая тема. Дело давнее, и с муженьком мы виделись всего пару раз. Я тогда так испугалась, что придется жить с этим всю жизнь, к тому же, ты не представляешь, что это такое — оборотни, вырвавшиеся из-под родительской опеки, — тихо сказала я, зажмурившись.

Было неуютно и от такого близкого контакта, и от того, что за окном стояло серое утро, и рассеянный свет проникал через окна, и спрятаться за темнотой не выходило, как я часто делала. Вся неприглядная правда вышла наружу, и ничем ее не скрыть, она сияла неоспоримым, медным цветом свершившегося факта.

— Самуэль сказал мне тогда, что если в процессе он навредит, это будет необратимо. А я не хочу потерять контроль над собой. Браслет дает мальчишке возможность меня направлять, куда ему вздумается. И единственное, что меня спасает — что брак наш пока лишь чистая условность.

Гус фыркнул. Похоже, что зря, потому что у меня сорвало крышу напрочь.

— Что мне делать, по-твоему? — вспыхнула я и сама на себя разозлилась. Гус хочет помочь, я не имею права срываться на нем. — Убить своего мужа? Ты знаешь, чем это чревато? Браслет станет красным, будет жечь мою руку, а потом я умру, если раньше меня не казнят. И этот мальчишка ведь тоже не виноват, что нас поженили. Мы... мы даже с ним не разговаривали ни разу.

Гус похмыкал, потом, морщась, словно собирался тоже в чем-то признаться, долго чесал голову и рассматривал собственные грязные сапоги. Но я ошиблась, его мучило любопытство.

— Пару лет назад твои драгоценные сородичи учинили зверскую расправу над какой-то женщиной. Говорили, она с кем-то переспала и забеременела. Ты слышала об этом? Это Микки, торговец и лодочник, рассказывал. Может, наврал, у него язык без костей.

Я пожалала плечами. Именно этот случай был мне неизвестен, но известны множество других. Гус, а также трепло Микки, не знали, что скрывается под «зверской расправой». Я знала.

— Она ведь оказалась одной из немногих ваших, решившихся лечь под мужчину без брака, я прав? Конечно, прав. И ты, душа моя, никогда так не поступишь, даже зная, что с тобой подобного не случится — уж слишком много у тебя... защитников. Тебе очень хорошо вбили в голову, что нельзя, а что можно. Ты не ляжешь в постель уже из принципа, потому что считаешь, что это...

— Унизительно и грязно, — понимающе кивнула я. — Стой. Тебе что за дело?

Гус задумчиво огладил лицо несколько раз. Смотреть мне в глаза он избегал, но я опять ошиблась, полагая, что он подразумевает.

— Аттикус. Я знаю его много лет, Дайан, и мне не нравится его поведение. Егс слишком много возле тебя... Не спрашивай, откуда я узнал об этом, и если хочешь, можешь не отвечать. Просто кивни, если я прав. Голова у тебя не отвалится... Ты его привлекаешь, кошечка, но он Тень.

Я постаралась ничем не выдать своего неожиданного смущения. Гус продолжал, как ни в чем не бывало:

— Да и я не последний человек в его жизни. В свое время он практически усыновил меня, чего, к счастью, все-таки не произошло.

— А что между вами произошло? — напрямик спросила я, а потом, подумав, прибавила: — И почему тебя не любит Самуэль?

— Меня никто не любит, кошечка. — Сейчас это был уже тот самый Гус, которого я успела узнать, как мне казалось, неплохо. — Сама посуди: маг-отшельник, промышленяющий женскими травами, между прочим, если это дойдет вдруг до герцога, не сочти за труд посетить мою казнь. Зрелище будет, конечно, весьма так себе, но мне тебя видеть будет приятно... Я бывший Тень. Врожденный маг, искалеченный обучением. Я ни рыба ни мясо, так, нечто, меня и не жаль, если что, и в награду много не надо. Аттикус так и не смог мне простить, что я просто ушел. Я говорил, что он временами сентиментален. Считает, наверное, что я его предал, не так уж сильно он и неправ. Но мои возможности он более-менее знает, а ты для него, душа моя, темная лошадка. И Аттикусу нужно быть очень осторожным, не показывать, насколько ты ему дорога.

Я вздохнула. Огонь тихо потрескивал в очаге, разнося тепло и кошачью вонь по квартире. Надо было заняться картами. Но до этого стоило все же отвлечь Гуса от мрачных мыслей, да и самой развеяться тоже. И я, хоть мне не слишком хотелось, рассказала Гусу все от и до, включая и наш разговор у Теней. И когда я дошла до кабинета Аттикуса и того, как он меня провожал, поймала у себя на лице улыбку, а, подняв голову, с удивлением обнаружила, что Гус лыбится во весь рот.

— Молчи лучше, — предупредила я и перешла к тому, как я нашла Вольфганта.

— Ну прекрасно, — выдал Гус и потер руки, когда я закончила свой рассказ. — Интересно, где эти цацки?

И это было все, что его заинтересовало?

— Вероятно, уже у Виктории, — пожала я плечами. — Там же, где и Книга.

— Кошечка, — игриво протянул Гус и с досадой махнул рукой. — Я согласен, что Раскаль, может быть, не ужасное злобное зло, которое сидит в подземельях и планирует завоевание мира. Ну, что ему мешало сделать это тысячи лет назад, а если не вышло тогда, то у него было достаточно времени обдумать ошибки и все спланировать от и до. Если ему в принципе есть чем планировать... А вместо ужасного монстра лезут — тьфу, пропасть — ожившие трупы и эти уродцы. Я про минуталей. Хотя и все остальное не блещет умом и красотой. Я даже согласен, что Раскалю нужно пару раз хлопнуть по башке этой Книгой, чтобы он оторвал свою задницу и хоть что-нибудь сделал. Но Виктория — вряд ли она тут подсуетилась. Конечно, она могла послать своих прихвостней следить за Вольфгантом и даже притырить то, что он спер до того. Но чтобы она точно знала, что сразу после минутали его разделают как свинью?

Я вздохнула и посмотрела в окно. Стекло было настолько грязным, что я видела только серый свет и больше ничего, если не считать трупов мух на узком подоконнике. В оправдание Гуса я сказала себе, что это ингредиенты для зелий.

— Ну, возразить тебе нечего? — уточнил Гус. Чашку, давно уже пустую, вертеть в руках ему надоело, и он поднялся и поставил ее рядом с остальной грудой посуды. — Я не оспариваю твою версию, но давай не будем придерживаться ее как единственной...

Гус осекся. Я поймала его взгляд, и он растерянно пожал плечами, выдавив зачем-то еще и беспечную улыбку. Наверное, понял свою промашку: несмотря на все его заверения и бурную радость от того, что теперь можно забыть про Вольфганта и преспокойно вернуться к зельям, он продолжал искать Книгу вместе со мной.

Глава тридцать третья

— Прости, что я лишил тебя надежды, — искренне сказал Гус, будто прочитав мои невеселые мысли. — Если тебе это надо, а тебе это надо, я помогу.

— Я не знаю, — так же честно ответила я. — Но если я буду верить, что кто-то хоть что-нибудь сделает, ты...

— Я же пообещал, — улыбнулся Гус. — Хотя вот хоть режь, мне досадно, что ты не... а, ладно. Буду любить тебя платонически. Как сестру. Но Аттикусу не слишком-то открывайся. Он может любить тебя до потери памяти и одновременно не доверять. Не обманывайся его обаянием и мягкостью, кошечка, как брат тебе говорю. Аттикус с тобой рядом не ради тебя, а ради информации и твоего доверия. И уже потом — на втором месте у него стоишь ты. И так будет всегда.

За окном стало еще чуть светлее, наверное, выглянуло измученное солнце.

— Разумеется, он не станет пользоваться тобой прямо, он будет любить тебя и дружить с удовольствием. И дорожить будет. И отдавать взамен много. Много больше, чем ты сможешь сама дать ему, и даже больше, чем ты заслуживаешь. Но начинка у него как у Тени — гнилая и двуличная.

Я жадно слушала Гуса, обняв себя за плечи и сгорбившись.

— Это очень тонкая грань, Дайан. Но ты всегда будешь помнить, что в первую очередь ты средство, а не человек. Что бы ни случилось.

Гус говорил про себя — взгляд перестал быть направленным и слегка затуманился.

А я запуталась.

— Но ты и сам такой, Гус, — возразила я, не в силах до конца его понять. — Ты поступаешь так же.

— Да. Я точно такой же, но я с тобой был честен с самого начала. Это сделка, которую заключили с нами обоими. Понимаешь, мы с тобой на одной стороне... Мы союзники. А Аттикус — нет.

Мы замолчали, погруженные в свои мысли. Я силилась понять, где находится эта начинка и стоит ли оно того. Но вспоминала лишь хриловатый голос и то, как мне было спокойно.

— Доставай карты, Гус, у нас мало времени!

— Слушаюсь, моя госпожа, — фыркнул он, сгоняя с себя наваждение, вскочил со стула и принялся носиться по квартире, будто не помнил, где что лежит. — Да, кстати, ты сейчас убедишься, что моя система карт работает много лучше, чем общепринятая...

Что-то загрохотало — Гус рылся на полках, особо не беспокоясь об их содержимом, так что бумага, какие-то ложки, стрелы и запечатанные колбы с зельями, не встречая сопротивления, летели на пол. Еще больший бардак это обеспечило моментально, и я порадовалась, что так и сижу на кровати.

— И вот еще что, — Гус кинул на кровать свернутую в трубку карту и несколько угольков, от которых на одеяле остались черные пятна. — Тени будут должны тебе за эту Книгу. И этот хмырь, полковник, тебе тоже что-то там обещал. Поэтому сделай так — требуй охрану, езжай на остров, и пусть там ваши шаманы делают с этой гадостью что хотят. Это единственное, что я могу тебе посоветовать. Ладно. Забудем, да? Карты.

Карта Фристады и окрестностей поражала воображение кривизной линий, нарушенным

масштабом, о котором Гус явно не задумывался, когда рисовал, а еще посередине виднелось плохо затертое жирное пятно. Похоже, пока он чертил угольком границы города, на бумагу шлепнулся кусок мяса, и я была бы не я, если бы Гус его после этого не съел.

— Смотри, — сказала я. — Восставшие были здесь — в форте Флинт, около Каирнов их собралось больше всего, но я не видела сама, а только со слов Аттикуса знаю. Еще Храмы Единого в Грейстоуне и около...

— Площади со сломанным фонтаном здесь, — перебил меня Гус, лихорадочно тыкая угольком в карту, отмечая примерные точки. — Я жил одно время на той улице, и, кажется, до сих пор не забыл дурацких песен о славе Единого, сожри его какая-нибудь задница. Аскеты хоронят своих братьев в склепах и на специальных кладбищах, если братья из семей попроще. А из открытых гробов выбраться куда легче, чем откопаться. Не забывай про хохотунов — они вообще никуда не направлялись, сидели в «Колючке» как миленькие. Это мы пришли и испортили им вечеринку.

— И хорошо, — ответила я, пожившись, очаг прогорал и становилось холодно. За окном начало лета, но Фристада всегда преподносила неожиданности, и прошлая ночь не была исключением. — Иначе вот кому-то был бы сюрприз так сюрприз. — Я попыталась всмотреться в кривые линии и непонятные надписи и хоть что-то в них разобрать. — Мы засекали минуталей в пещерах под городом, и вроде бы они там живут, я также видела, что они прячутся в канализации. Но мне показалось, что именно прячутся... от бойни.

Гус согласно хмыкнул.

— Самуэль говорил, что один восставший с Козлиных болот плыл в сторону рыночной площади или Грейстоуна. Хоть убей, не понимаю, почему туда, в конце концов, в той стороне еще Эрмет есть.

— Но он не на побережье, — возразил Гус. — Зато все остальные кварталы рядом с морем, так что мы можем думать на любой из них. Ладно, ткнем здесь. Эх, кошечка, смотрю я на карту и думаю, сколько красивых мест я тебе не показал! Но какие наши годы. Сбежим? Как в старых добрых слезливых книжках.

— Иди в пень, Гус, — ласково попросила я и попыталась отвесить шутливый подзатыльник, но он увернулся с легкостью горной козы и расхмыкался. — Сосредоточься на картах. Мы не знаем, откуда полезли минутали...

— Помню один ход из их подземелий, он ведет как раз к началу болот, так что теперь знаешь. Но ты подумаешь? — весело оскалился он. — Мне нравится мысль быть сожранным тобой в самом романтичном месте на свете.

В конце концов я отобрала у него уголек и сама нарисовала точку. Но выходила какая-то бессмыслица, и я пожалела, что не узнала, где появлялись восставшие до того, как я вернулась в город — будь информации чуть больше, результат оказался понятнее.

Нарисованные стрелки, все до единой, вели в город — не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы это увидеть. Книга всегда скорее всего находилась во Фристаде — я так думала, Гус вторил мне, а Аттикус как обычно заговаривал зубы.

— Не сходится, Гус, — сказала я, почесав шею и понадеявшись, что это от нервов, а не от разных существ, населяющих эту кровать. — Если они идут на зов Книги, то почему идут на поверхность? Знаешь, я пыталась сама следовать этому зову...

— И что? — насторожился Гус.

— Ничего. Ну... — я вспомнила, как бродила по городу. — Я так и не поняла. Потом увидела Вольфганта, и мне стало уже не до этого. Но у меня есть версия, что в ту ночь они

вылезли либо за Вольфгантом, либо...

Я опять запнулась. Твари шли не на зов Книги, а по следам Вольфганта, это вполне вероятно. Он им, как собакам, обещал мозговую косточку за послушание. Что в итоге он их надул и сам стал сей косточкой, было уже деталями.

— Видишь это все? — я ткнула пальцем в карту. — Они словно стекаются в центр. А потом уходят и все. Прятать Книгу в городе — полное безумие, если Вольфгант знал о Тенях. А еще о ворах, Аскетах и страже, и про них-то он просто не мог не знать. Твари где-то во Фристаде и одновременно во Фристаде их нет. Они вылезают, заметил? Открывают ворота... То есть нам кажется, что они открывают, но что если им, напротив, открывают выход стражники и Аскеты?

Гус смотрел на меня с невинной мальчишеской улыбкой, которая гасла, стоило моей мысли проникнуть в его сознание.

— Хочешь сказать, что...

— Столько стрелок, и все стекаются к центру города. Их манит Книга или то место, где безопаснее всего? Может, они бегут не на зов Книги, а от нее? Да, там, на границах, волнения, но кто сказал, кроме Теней, что Книга приманивает эту дрянь?.. Они не спешат присоединиться к Раскалю, может, боятся его, может, они и сами ему не нужны. У меня впечатление, что они просто прячутся. У тебя такого впечатления нет?

Я едва успела придержать карту, когда Гус вскочил с кровати и замелькал по квартирке, не в силах уже сидеть на месте.

— Слушай, кошечка, Каирны не похожи на самое романтическое место на свете. Даже не пытайся меня туда затащить. Вот на крыши, на берег — сколько угодно, буду ползти следом и целовать песок и прочая любовная ерунда. Ты только позови, и я приду, — он на миг растянул губы в насмешливой улыбке, а потом, увидев, что я серьезна, насупился и остановился. — Ну с чего ты это взяла?

— С того, что там им легко скрыться, — терпеливо повторила я. — Они могут уйти в Каирны и только в Каирны так, что их не достать. Больше некуда. Это раз. Два — если бы они нашли безопасное место там, где влияние Книги слабеет, они успокоились бы, но этого не происходит, напротив. Минутали обрели хоть какой-то разум, мне кажется, что они находят укрытие, сидят там какое-то время, потом понимают, что тоже нехорошо, ищут новое, и так раз за разом. Представь, что ты запихнул в лабиринт крысу и пытаешься ее оттуда достать. Она будет находить новые укромные местечки, но против тебя крысиный мозг слабоват...

— Я понял, понял, — отмахнулся польщенный Гус, хотя я с трудом могла бы назвать это сравнение комплиментом. — Ты хочешь сказать, что они пытаются удрать от влияния Книги, но ума не хватает, чтобы рвануть куда-нибудь далеко, хоть в Моркнотт, к примеру. Они прячутся в привычных местах и надолго их, разумеется, не хватает. Логично.

— Каирны — целый лабиринт с тайниками. Твари безмозглые, Гус. Они никогда не найдут Книгу, запертую в тайнике под подвижной плитой. Или в сундуке под потолком. И Книга как магнит, с одной стороны притягивает их, с другой — отталкивает. Может быть, им даже становится больно...

Мне нравилась эта версия, а вот Гусу — не очень. Глаза его подозрительно бегали, но он, слава Перевернутым богам, хоть сам оставался на месте.

— А нам? — скептически спросил он, все еще возмущенный мыслью о походе в Каирны. — Мы будем бегать от тварей и пытаться выжить, а не искать тайник.

— А мы не безмозглые. Я, по крайней мере, уж точно. Но если есть мысли — слушаю внимательно.

Гус запустил в растрепанные волосы пятерню, помолчал, сверкая на меня разноцветными глазами, чему-то поулыбался и выпалил:

— Только последний идиот будет прятать Книгу в месте, полном тварей. Или не идиот. Вольфгант считал, что он контролирует минуталей, пока они его в этом наглядно не разубедили, но я согласен — вся эта пакость и есть лучшая защита для Книги. Они там мечутся как привязанные, но точно не упустят шанса кого-нибудь между прочим сожрать.

Гус все еще глядел скептически, и его можно было понять — соваться в пасть к монстрам в Каирны казалось полным безумием. То есть Вольфгант, если мы правы, все просчитал верно... Теперь он гниет где-то... где-то, а мы должны выяснить, где он схоронил источник всего этого дерьма. Гус теребил потертый плащ, который уже высох и выглядел так, словно его сняли с бездомного в Козлиных болотах.

— Как ты себе представляешь план действий, кошечка? Мы заходим внутрь и открываем все сундуки, что найдем?

— Ты ведь Тень, — скупой напомнила я, хотя и знала, что это ему не особо понравится. — Пошарь по своим закромам знаний, как вы искали всякие артефакты? И я кое о чем порасспрашиваю Самуэля. Разберемся, Гус. Все лучше, чем сидеть на месте ровно. Времени нет...

Глава тридцать четвертая

Я очень некстати вспомнила Льюиса. Может быть, из-за того, что он был вторым человеком после Самуэля, который узнал о моем браке, а Гус — третьим.

Поначалу Льюис заинтересованно смотрел на меня и все стеснялся попросить приходить почаще. Как-то он принес мне белую розу и читал смешные романтические стихи. Мне тогда не хватило духу признаться, что я терпеть не могу такие нежности, но, кажется, со временем он сам все понял. Хотя еще долгое время после своего открытия таскал мне букеты ромашек и зазывал погулять по дикому побережью, я снова и снова отказывала, а он все звал и звал. Глупый смешной мальчик считал, что в глубине души я мечтаю о романтике, ужине при свечах и тихом семейном уюте.

Жаль, что он так глупо погиб, хоть волком вой.

И как странно, что я уже вспоминаю об этом спокойно. Сколько времени прошло? Месяц? Год? Всего-то несколько дней...

Я сидела на крыше многоэтажного каменного дома и с растерянностью обзревала Фристаду. Она отвечала мне тем же — я явственно ощущала на себе тяжелый, насмешливый взгляд чего-то большого и нечеловеческого. Такие ощущения — отнюдь не редкость, в любой момент ты можешь согнуться от эфемерной тяжести или же наоборот — воспарить душой совершенно без причины.

Последний раз посмотрев на улицы, простиравшиеся внизу, я встала и скользнула на чердак. Пора заняться делом.

Люди ходили, бегали, наперебой предлагали купить то свежие пирожки, то капусту — голова шла кругом от гомона. Вдалеке слышались голоса стражников, матерящихся на какого-то незадачливого человека, им вторили яростные крики Аскетов, то и дело вспоминающих Единого и Святого Мэрнока.

— Городская стража поймала неведомых монстров! Городская стража поймала неведомых монстров! Что же с нами будет? Тетенька, купите газету! Два медяка! Купите, тетенька! Ой...

Грязный, размахивающий газетой мальчишка отшатнулся от меня и тут же бросился в противоположную сторону. Глаза, поняла я. Полнолуние уже близко.

Я сделала неуверенный шаг вперед, и тут же меня поглотила толпа. Пришлось стиснуть зубы и повторять про себя старую считалочку, которая обычно помогала сосредоточиться.

«Раз, два, три, четыре, пять, выходи меня искать...»

— Смотри, куда прешь, бестолочь!

«Полезай ко мне в нору, поиграй со мной в игру...»

Старая надменная леди с унылыми служанками, проходя мимо, презрительно окатила меня взглядом.

«А потом, поутру, я тебя сожру...»

— Ткани на любой вкус и кошелек — не проходите мимо! Ткани на любой...

— Да заткнись ты, у тебя тряпки от старости разваливаются! Небось, из-под покойной бабки вытащил!

— Не трогай мою бабушку, урод!..

«Раз, два, три, четыре, пять, выходи меня искать...»

— Кто здесь?

Над головой раздался звук распахиваемых ставен, и, подняв голову, я увидела круглое мужское лицо. Человек озабоченно меня рассматривал.

«Полезай ко мне в нору, поиграй со мной в игру...»

А дома было спокойно. Дома был Самуэль, и первым желанием было кинуться к нему в объятия, но я подумала — чересчур много участия я в последнее время требую от него. Он и так делал для меня слишком много, чтобы я как неразумный ребенок бежала к нему всякий раз, когда меня испугают чудовища под кроватью.

— Дайан... — полуутвердительно и полувопросительно окликнул меня Самуэль. Он умел ставить в тупик своей интонацией.

— Ничего не случилось, — опередила его я. — Все хорошо.

Огонь уютно потрескивал, нагревая будущий суп, но дрова уже прогорали, и я подбросила новые. Я стояла, не двигаясь, почти не дыша, а Самуэль чуть наклонился, провел руками по коротким седым волосам и чему-то фыркнул, словно отмахнулся от назойливой мухи.

— Я боюсь. Не перебивай, пожалуйста. Ты слишком импульсивная, Дайан, слишком часто забываешь думать, я боюсь, что ты попадешься.

— Не надо, — попросила я, терзаемая раскаянием. Я не собиралась говорить Самуэлю про Каирны, совершенно не собиралась, это было бы невероятно жестоко. Он места себе не найдет, если узнает. — Скажи мне, за что ты не любишь Гуса?

— Ты ошибаешься, здесь ты ошибаешься. Гус — плут и сволочь, но ему я доверяю разве что чуть меньше, чем тебе, — ровно ответил Самуэль. — Тот, кто бросил вызов Теням, заслуживает уважения, но если бы меня спросили, кто страшнее... — он не договорил, и я виновато пролепетала:

— Гус дал мне хороший совет...

Я понимала, что Самуэль разозлится. Конечно, не будет кричать, но напомнит про опасность, которая мне грозила. Про то, что я обязана быть осторожной, если не хочу вернуться домой. Я была готова к тихому гневу. Тихому, но яростному.

— Я обо всем рассказала ему, — продолжала я, стараясь, чтобы голос звучал непринужденно. — Пойми, я просто... Подумала, что, может быть, он сможет... Но нет. Он сказал, что бессилён. Это ведь правда?

— А что он сказал еще? — Реакция Самуэля меня удивила, чего угодно я ждала, но только не любопытства.

— Попросил меня быть осторожной. Совсем как ты. И никому, никому об этом не говорить.

Я повернулась наконец к Самуэлю и встретила ясный взгляд его смеющихся глаз.

— Ты выросла, Дайан, — он все с той же улыбкой покачал головой. — Да, выросла... Что же, теперь я могу отпустить тебя, если потребуется. — Я отшатнулась в испуге, не согласная с этим, я не хотела никуда от него уходить, и Самуэль протянул руку и просто погладил меня по голове. — Что ты, девочка, я не прогоняю тебя. Но может случиться всякое, просто знай — ты выросла, ты научилась взаимодействовать с людьми и доверять тем, кто этого заслуживает. Гус — опасный человек, но он тебя не предаст. Только сдержи данное нам обещание. Хорошо?

Я вздохнула, чувствуя жгучий стыд. И кивнула. Да, я больше никому ничего не скажу. Разве только...

— Он сказал, что я смогу потребовать охрану и вернуться на остров. И там заставить

расторгнуть брак. Он прав?

Самуэль слегка наклонил голову, лицо его приняло озадаченное выражение. Он некоторое время молчал, а потом резко заметил:

— Что же, он еще и умен. Я сам хотел посоветовать тебе то же самое, но потом, когда все закончится.

Это меня не удивило никоим образом. Самуэль иногда предпочитал говорить и действовать только тогда, когда тому наступало время. И почему он так поступал, я не знала. Мне предстояло это понять, но, наверное, не сейчас. Через годы. Когда я лучше узнаю людей.

— Я буду осторожна, обещаю, — сказала я, облизнув губы. — Знаешь, мне тоже показалось, что это хорошая мысль...

Мы поужинали. Я запоздало рассказала наконец Самуэлю все до конца — все, кроме идеи с Каирнами. И еще умолчала о том, что Аттикус... ну, это выходило по словам Гуса. Я все же надеялась, что он ошибается. Мне нравится Аттикус, что не значит, что я нравлюсь ему, и так проще. Безответное чувство — ненастоящее. Как будто влюбленность в героя книги, который все равно никогда не полюбит тебя.

— Тени, Тени, — бормотал Самуэль. — Вот кто в этой истории меня беспокоит больше всего. И Гус не сможет защитить тебя от них, ты это учти.

— А ты? — спросила я с улыбкой, но Самуэль был серьезен. И мне показалось, что все сказанное мне до того было каким-то неважным.

— Дайан, милая... — впервые в жизни я видела Самуэля смущенным. Или испуганным — не тем, что что-то грозило мне или кому-то из нашей общины, а как-то... вообще. И это меня саму напугало безмерно. — Просто не верь Теням, хорошо? Пусть они говорят что хотят и обещают что им угодно. Скажи мне, кто согласился устроить тебе встречу с герцогом?

— Полковник. — До меня вдруг дошло, как же сильно мне повезло. Я тогда обратилась к полковнику, а не к Рему, и... — Ты хочешь сказать, что...

— Не думаю, что он обманет, — кивнул Самуэль. — Точнее, уверен, что нет. Ты неприкасаемая, извини, что напомнил тебе об этом, но все же приближенные герцога предпочитают, чтобы народ их любил — любой. Могли бы говорить восставшие, и их бы учили, уж поверь мне. Не так страшны твари, как бунт. Не переживай, полковник выполнит твою просьбу. Ему это совсем ничего не стоит. С твоей семьей будет сложнее, и я, конечно, поеду с тобой. Но главное, Дайан, не верь Теням.

Он что-то подозревал? Или что-то в моем лице говорило, что Тени — не просто Орден. Точнее, один из них. Безликие, всемогущие, а Аттикус почему-то взял и обрел плоть и кровь. Возможно, для Тени это было нехарактерно.

Почему бы не Гус? Веселый, искренний... раздолбай. Но когда надо, верный и просто хороший. Ведь хороший же, спросила я себя, хотя давно отучилась делить людей по этому немудреному признаку. Гус признавал, что в нем достаточно той же дряни, что и в Тенях, но, может, в этом и была между ними разница? Гус будто стыдился дерьма внутри, а Аттикус им бравировал. Как интересно, сколько мне еще предстоит узнать о тех, кто рядом со мной.

— Дайан, — услышала я голос Самуэля откуда-то издалека. — Тени будут с тобой честны. Если они вдруг решат, что тобой пришло время пожертвовать, они сделают это. И когда они это решат, меня может не оказаться рядом. Они прямо скажут тебе об этом, и это тебя не спасет.

И Тени спокойно пройдут по трупам... Аттикус со своей невозможной улыбкой направится к цели, перешагнув через мое бездыханное тело. Как жаль.

Жаль, что я этому, скорее всего, тоже не смогу помешать. Прав Гус, прав Самуэль — если я не буду им... ему верить, я не лягу как курица под топор в полной уверенности, что иначе и быть не может.

— Все будет в порядке, — пообещала я, крепко обняла Самуэля и вышла.

Если бы я не сомневалась в этом сама.

Глава тридцать пятая

Казалось, что все затаилось в ожидании чего-то нехорошего. Стражи стали трезвее — даже по сравнению со временем, когда все только-только началось и во Фристаду полезли первые восставшие, — а еще злобнее и раздражительнее. Они небольшими патрулями ходили по улицам, напряженно всматриваясь в темные углы и лица бродяг, надеясь хоть кого-нибудь арестовать, чтобы переждать в теплых участках любую напасть. И им это удавалось: сумели поймать даже легендарного убийцу Джека, который вот уже три года блестяще ускользал от стражи. Джек погорел на своей известной в узких кругах слабости — горячих блинах мадам Паддичу. Хотя поговаривали, что страже просто повезло, и они оставили свой пост, поддавшись той же слабости, а Джек, оказавшийся в пекарне одновременно с ними, занервничал и попытался сбежать. На мой взгляд, это была самая глупая причина попасться, но и поделом ему. Я на дух не переносила убийц, хотя точно знала, что к Самуэлю являлись с такими заказами.

Фристаду накрывала тьма с моря, клубящаяся, приходящая с дальних материков, где наступала удушливая засуха, готова пожрать все живое палящим солнцем. Воздушные потоки схлестывались над морем и несли бури в наш огромный, пропахший отчаянием и кровью город. Я бродила по улицам потерянная и несчастная — из головы больше не могли уйти мысли о погибших людях, о Самуэле, который не знал, куда мне предстояло отправиться через пару дней, и я в извинение, когда выдавалась свободная минутка, сидела у него в ногах, делая вид, что разглядываю отобранную у Гуса карту. Но все, чего мне хотелось — сидеть так вечно, прятаться от чужих глаз и никогда больше не бояться. Ведь я кто? Неприкасаемая, глупая девчонка, практически ни на что не способная, кроме как таиться от недругов и просто людей.

После смерти Вольфганта твари вновь активно полезли в город. Впрочем, активно — не значит массово, то тут, то там, словно мотыльки, мотающиеся вокруг фонаря без всякой разумной системы, они появлялись и попадали под молоты Аскетов и мечи стражей. Все случаи мной тщательно заносились на карту, но я едва голову не сломала, пытаясь понять, куда они идут и что это все значит. Самуэль надо мной лишь похмыкивал, гладил по голове, будто знал, в чем я нуждаюсь, и напоминал об ужине — полнолуние приближалось слишком быстро, и мне все сложнее было соображать, не съев кусок мяса или рыбы. Эта глупая особенность организма раздражала, но не сейчас. Гораздо больше я переживала, что полнолуние застанет меня в Каирнах рядом с Гусом.

Нет, я ни за что не тронула бы его и, возможно, даже смогла совладать со страхом замкнутого пространства. Но Гус смотрел так открыто в последнее время, улыбался все чаще без издевки и умел быть... просто человеком, с которым рядом хорошо. И видеть страх на его лице, недоверие, презрение не оставалось никаких сил — глупое сердце замирало и готово было вот-вот рухнуть в пропасть. Мир в такие моменты становился зыбким, прозрачным и словно ненастоящим, ничто не имело значения, кроме людей, которым хватило глупости поверить мне и которых я неизменно разочарую, как разочаровала родителей и саму себя. Бравада слетала, как ненужная маска, и хотелось плакать. Но я улыбалась Самуэлю, не смея показать бушевавшую внутри бурю.

Усилили свои посты и Аскеты, которые благодаря обширной сети информаторов всегда чувляли приближающиеся неприятности. Они и принимали главный удар тварей, поскольку

даже остававшиеся настороже стражники предпочитали идти в бой вторыми, когда ряды противника несколько прорежены. Разумеется, исключения были, но факт, что люди полковника не любили связываться с нежитью, был известен всем. Я прочитала два отчета городской стражи об уничтожении «невиданной, мерзкой Единому нежити». Аскеты, похоже, были недовольны тем, что городская охрана беззастенчиво присваивала себе их подвиги, забывая даже нормально переписать отчеты, но мрачно молчали, проповедуя знаменитое смирение.

Но на лицах и тех, и других уже были видны следы усталости — красные от лопнувших сосудов глаза, мешки под ними и общий бледный вид. Оставалось надеяться, что нам с Гусом удастся найти Книгу прежде, чем эти ребята сдуются окончательно.

Догматы Единого не позволяли вредить телам усопших, но те восставали с завидной регулярностью. Тех же, кто погиб в стычке с минуталей, едва успели похоронить — с почестями, в склепах, только прикрыв гробы тяжелыми каменными крышками, как они восстали и добавили в мрачную окраску города новые чернильные пятна.

Я думала, почему твари лезли в город, а потом заметила, что это были местные восставшие — единицы по сравнению с нападением минуталей. Восставшие бездумно шатались по городу, хрипели и почти не представляли опасности, поскольку были медлительны и вялы. Или же, если они не могли выбраться в город, бродили по местам своего упокоения. Такое происходило и раньше, и скрепя сердце я предпочла не обращать внимания на единичные случаи. И еще мне очень, до безумия, хотелось оказаться правой в своей теории, ведь иначе мы снова подвергаем себя ненужному риску. Иначе я подведу Гуса и дам повод Атикусу, который после разговора с Самуэлем пугал меня так сильно, что все чувства, что я ощущала к нему, прятались где-то глубоко внутри, снова меня спасать. А значит — я дам себе повод оказаться ему должной, позволю ему вновь заболтать меня и забуду об осторожности, о себе.

Мне казалось, что я растворялась в этой тьме.

За пару дней, пока мы с Гусом планировали вылазку в Каирны, бродя по городским лавкам в поисках оружия, я практически не снимала с себя невидимости, хоть и до ужаса устала бояться. Так что пути наши проходили по полузатопленным канализациям, куда восставшим пробраться было сложнее. Гус же, в отличие от меня, не унывал, с тех пор, как услышал о моем браке, вел себя куда мягче, так, словно и вправду друг — шутил, разумеется, обзывал кошечкой и душой, но за смешными, а иногда и не очень, каламбурами ощущались доброжелательность и желание поддержать. И мне было приятно, даже несмотря на поглощающую Фристаду мглу.

Отправиться в Каирны мы решили на рассвете, в надежде хоть на какое-то освещение в начале пути — во времена строительства самых верхних уровней гробниц было принято выдалбливать в потолке небольшие окошки. Но как всегда мы получили обратное — туман, появившийся после ночного шторма, не позволял видеть ничего дальше вытянутой руки. Зато идти по улицам было очень просто, в большинстве случаев, заслышав стражу, я скрывалась в небольших тупичках со статуями или горгульями.

Гус встретил меня на небольшой улочке, названия которой я не помнила — в Грейстоуне. Он был лохмат и при виде меня дружелюбно и широко улыбнулся. За его спиной виднелась большая, но компактная сумка, похожая была и у меня.

— Привет, душа моя. Представляешь, всегда мечтал ощутить, что значит, когда женщина перекладывает на тебя всю ответственность. И вот ощутил. Как думаешь, мне

понравилось?

— Можно подумать, — тихо ответила я, увлекая его в небольшую глухую щель между домами и внимательно оглядывая. — Я всего лишь предложила использовать шутки Теней для поиска магического следа. Такое бывает, так что не строй из себя барышню, будь я на это способна, сделала бы без вопросов.

Но Гус, как оказалось, шутил, потому что на мою реплику он весело и немного нервно разулыбался, дернулся было ко мне, но тут же неловко отступил.

— Я очень плохой Тень, Дайан, сама знаешь, так что в следующий раз зови Аттикуса, уверен, он тебе не откажет ни в чем. Кстати, надеюсь, не звала, иначе я буду сердиться. Шучу, шучу, не делай этого ни в коем случае. Пошли, пока не рассвело.

Город еще спал вместе с жителями и стражниками, похрапывавшими на своих постах. Но на этот раз их разгильдяйство не вызывало неудовольствия — все-таки они переживали не лучшие времена. Даже жаль было ребят, ведь несмотря на беспробудное пьянство большинства из них, стража всегда приходила на помощь горожанам, попавшим в беду. Если последние, конечно, не находились где-нибудь в бедняцких трущобах, куда даже самые смелые стражники побаивались ходить поодиночке.

— Чтобы он меня в очередной раз спасал? Нет уж, спасибо, мне неудобно чувствовать себя принцессой, прикованной к камню. Причем спасает он от мелких зверей, а не от дракона. Так что забудь о нем. Хотя нет... знаешь, мне не дает покоя мысль...

Несмотря на все сложные чувства, что я ощущала к Аттикусу, говорить о нем мне нравилось, казалось, будто я узнаю его с безопасного расстояния, снова смотрю в спокойные серые глаза, а он вновь улыбается. И мне... мне просто хорошо. Но, Тишь, как же объяснить это кому-то, когда сама я блуждала в потемках разума.

Гус расфыркался, как кот над сметаной, подмигнул мне и на миг стал серьезным, но всего лишь миг.

— У меня свои источники, душа моя. И поверь, не стоит в них сомневаться.

— Просто забудь, — буркнула я, решив, что разберусь с Аттикусом сама, без назойливого веселья Гуса, делавшего вид, что он все понимает.

Но, ныряя из улицы в улицу, я сознавала, что присутствие Гуса не напрягает, как было вначале. Он стал... ну, более теплым и отзывчивым, и мне нравились эти перемены. И даже «кошечка» не так бесила, потому что означала совсем другое — не глупая девочка с симпатичным личиком, а просто невинное прозвище из тех, что никогда в жизни не отлипнет.

— Тихо, кошечка, — шепнул мне Гус, и я едва не расхохоталась, изо всех сил сдерживая нервную дрожь.

На Рыночной площади, которую невозможно было обойти другими путями, нам пришлось вспомнить, что мы не самые законопослушные жители Фристады, и затаиться. Что произошло, я не смогла понять из-за тумана, но стража вместе с Аскетами кого-то искала. Скорее всего, либо вора, случайно наткнувшегося на сонного патрульного, либо убийцу, впрочем, кто его знает, там могла оказаться и нежить. Я уже собиралась было скрыться, но тут мимо места, где мы прятались, пробежал маг Аскетов с посохом наготове. Дело оказалось куда как серьезнее — если того бедолагу найдут и начнут атаковать, я могу случайно попасть под заклятие и подставить Гуса. Ничего приятного в этом нет.

— Однажды ты поймешь, что есть куда больше путей отхода, — тихо сказал Гус и потянул меня между еще спящих домов. — Смотри. Я покажу тебе настоящую Фристаду, без

всяких дурацких улиц и задниц.

— Прости, тебя что — заело на задницах? — не удержавшись, спросила я.

Гус сверкнул улыбкой и кивнул на небо.

Я долго всматривалась и наконец заметила то, на что он указывал — длинную балку, выступавшую из основания крыши дорогого трактира. В который раз мысленно поблагодарив Самуэля, в свое время нещадно меня гонявшего и учившего, как легко и тихо взбираться почти на любую высоту, я достала веревку с крюком и под одобрителный кивок Гуса закинула его на балку.

Взбираться наверх всегда было сложно — мне не хватало сил в руках, но Гус, поднявшийся первым, без труда втянул и меня.

— А как ты поняла? — ответил он. — Я люблю задницы, если они не жизненные, конечно. Вот как сейчас. Посмотри, кошечка, оглянись и запомни. Возможно, из-за тебя я вижу это в последний раз.

Глава тридцать шестая

Со смятением я оглянулась в густом влажном воздухе — вид действительно захватывал дух: крыши высились нестройной, разнокалиберной колонной шпилей, горгулий и треугольников с редкими дрожащими огоньками в окнах. Город тонул в тумане, окунался в полупрозрачное молоко, а там, внизу, где-то бродили и скалили пасти твари. Фристада, тем не менее, жила, не обращая внимания на набегающие волны событий — она была единым организмом, огромным муравейником, к которому то приходили, то отплывали морские караваны. И мы с Гусом как две блохи, вообразившие, что способны найти язву в покосившейся стене.

— Ты о них постоянно говоришь, — под пристальным то ли серьезным, то ли веселым его взглядом я постаралась сделать вид, что меня не трогает открывшаяся панорама крыш и улиц. — Я бы тебя с удовольствием пригласила в более приятное место, ты знаешь? Но пока только Каирны. А потом можешь показать мне все, что угодно. Только, умоляю, не задницу.

— Так нечестно, душа моя, — захмыкал Гус. — Ну правда, какая романтика без задниц? Иди уже, не стой, не ввергай меня в соблазн.

— Нет, подожди, — я закусила губу, — послушай, мне жаль, что я тебя туда тащу. Но с нами заключили сделку, так? У нас нет выхода. У меня нет... И я... ты ведь помнишь, кто я?

Гус удивленно уставился на меня, не понимая, к чему я клоню.

— Кошечка? — неуверенно спросил он.

— Оборотень, бестолочь ты, — в сердцах сказала я. — И скоро полнолуние. Просто хочу, чтобы ты знал — случись, что я превращусь рядом, я тебя не трону, я не опасна, пока не...

— Притронешься к человеческой крови, — тут же посерьезнел Гус и растерянно потер шею. — Я тут кое-что вычитал про вас, так что подготовился...

И видя, наверное, как я бледнею, поправился:

— Просто узнал, как себя вести, не нужно так смотреть, Дайан. Ну там — не лезть играть, не учить давать лапу. Извини, извини, глупая шутка. Спасибо, что напомнила. Я правда признателен.

Мы некоторое время смотрели друг на друга в немом смущении, а потом он резко дернулся.

— Эй, ну чего мы стоим, время неспешных прогулок по крышам еще не пришло. Идем.

Крыши после дождя были скользкими, и к тому же ветер, уже не встречающий препятствий в виде стен и домов, заставил нас быть крайне осторожными. Мы практически ползком преодолели рынок по кругу, а Гус все время оглядывался, будто бы убеждаясь, не сверзилась ли я вниз. Но я прожила в городе достаточно времени и имела статус наемника, и мне сложно было не знать все укромные места, и крыши в их число входили. Фристада была старинным городом, полным загадок и потаенных мест, невозможно было не поддаться искушению разузнать и увидеть хоть часть. В конце концов мы осторожно спустились вниз на другой стороне площади и юркнули в темную туманную улочку.

Больше, к счастью, таких препятствий не встретилось, и мы успешно покинули город.

Каирны некогда находились в большом удалении от жилой зоны, но спустя век Фристада так разрослась, что расстояние оказалось ничтожно малым даже для восставших, периодически оттуда выбиравшихся. Раньше, когда там еще хоронили людей, чьи

родственники или заслуги того позволяли, мертвеца заносили через неприметный и хорошо защищенный вход. Но стоило неуспокоенности запустить свои когти, Аскеты тут же завалили дверь, повесив большую табличку, предупреждающую горожан, что их поход туда может стать последним в жизни. Но время и сорианы, поселившиеся там после запустения, создали достаточно новых проходов внутрь, одним из которых мы собиралась воспользоваться.

Карту гробницы я нашла в нашей библиотеке и наскоро ее скопировала на небольшой лист бумаги — она была не ахти какая подробная, просто несколько прямоугольников, обозначающих подземные уровни, и несколько подписанных ходов. И еще я тайком посоветовалась с Иркисом — большим любителем охотиться на давно никому не принадлежащие сокровища. Он там был и подсказал именно этот вход.

— А теперь план действий, радость моя, — жизнерадостно заявил Гус, когда мы почти подобрались к нужному месту. — Прост как пень, куда ты меня посылала. Идем как можно тише, смотрим во все глаза. Я однажды залезал в Каирны, там полно пыли, и следы отыскать не сумеет только младенец. Скорее всего, мы встретим кучу восставших, но без цели они бродят по кругу, как больные вертячкой овцы, так что нужные следы мы найти сможем. И пока я буду занят рисованием токенов, твоя задача следить, чтобы мне не оторвали башку. Ага?

Я кивнула.

— И учти, что там куча ловушек. Любые подозрительные отверстия в стенах мы обходим, если не хочешь получить болт в задницу или того хуже. Странные плиты на полу, свет, да что угодно. Впрочем, тебе о них подскажут скелеты восставших, которые не смогли подняться после особо сильных повреждений.

— Не переживай, я тоже кое-что узнала, пока рисовала карту. Буду вести себя хорошо и охранять твою драгоценную тушку. Единственное, — я нахмурилась, уже некоторое время переживая по поводу этих мыслей, — Самуэль говорил мне, что я могу распространять невидимость и на других по своему желанию, но ничего у меня не выходит. Если нас заметят и мы не справимся, я не смогу тебя укрыть, как бы ни хотела.

— Спасибо за заботу, — серьезно кивнул Гус, и как будто бы с благодарностью. — Думаю, что сам справлюсь.

Входом был кусочек крыши, неуклюже выползший на поверхность. Рядом лежал, источая даже в прохладе запах гниения, восставший. И Гус недолго думая облил его освященной водой — чем меньше препятствий на пути обратно, тем лучше, но я нахмурилась — глупо разбазаривать ограниченное число оружия. Но ничего говорить не стала и мы, извернувшись, залезли внутрь. Каменный гроб с еще читавшейся надписью был разворочен, а крышка, которую совершенно точно сдвинули изнутри, лежала на полу, разломанная на несколько частей. Не приходилось сомневаться, что это хозяин только что отдыхал на поверхности, впад в какое-то подобие покоя. Идти дальше сразу же расхотелось, меня пробрал озноб, но круглая шахта, кем-то заботливо прокопанная, уже ждала.

Спускаясь вниз по веревке и периодически глядя на удаляющийся дневной свет, я ощущала себя более чем неуютно. Двигаться было легко: я упиралась спиной и ногами в стену и вполголоса вторила проклятиям Гуса, пытающегося меня подстраховывать. Потом тьма стала такой густой, что я с трудом различала стены и успокаивалась только голосом Гуса, казавшегося теперь таким дорогим и нужным. Стены здесь были особенно холодными, но хотя бы не сырыми. Преодолев какую-то часть пути, мы остановились, пережидая судороги в ногах и руках, и вскоре продолжили путь. Говорить не хотелось — тело дрожало

от ощущения опасности, темноты и затхлости воздуха — снизу поднимались сладковатые нотки гниения, и мне казалось невозможным, что я посмела бы спуститься сюда одна. Присутствие человека рядом придавало уверенности.

Был момент, когда руки чуть не соскользнули с веревки, и я, беспомощно шипя, проехала вниз, едва не сев на голову Гуса, за что в очередной раз была обозвана кошечкой с прекрасной задницей. С трудом успокоив бешено стучащее сердце, я кивнула, не отреагировав на замечание, и мы продолжили спуск и были вознаграждены неожиданной пустотой внизу. Исхитрившись застыть в более-менее надежном положении, я освободила одну руку и осветила нам путь слабым светом шашки.

Внизу виднелись несколько досок, и я осторожно на них наступила. Это оказались деревянные перекрытия, которые образовывали полукруг над большим залом. Меж ними зияли провалы, позволяя оценить, в какое кровавое месиво мы превратимся, если прогнившая поверхность не выдержит. Пришлось осторожно прилечь, навскидку определив самое прочное место, и осторожно активировать шашки. Когда зала внизу стала достаточно освещенной, я со вздохом облегчения закрыла глаза. Все оказалось не так страшно: Каирны были построены целиком из огромных камней, а значит, неожиданных обвалов, скорее всего, получится избежать.

— Какой долгий путь вниз, — задумчиво произнес Гус. — Не надоело тебе по веревкам руки ранить? Я нашел бы более простой путь, честное слово.

— Вот и нашел бы, — огрызнулась я, но ладони и впрямь, даже несмотря на толстые перчатки, саднило. — Зато мы можем осмотреться.

Внизу бродили восставшие, раз-два... пять штук, еще один — шестой — неподвижно лежал у огромной колонны. Неяркий рассеянный свет их нисколько не взволновал.

— Судя по карте, в этой части катакомб хоронили членов богатых торговых семей. Денег, очевидно, сюда вложили немало, — зачем-то сказала я. — Надеюсь, тебе не придется в голову искать сокровища? Сразу говорю, их тут давно нет.

— А то я не знаю, кошечка. Не бухти, я просто немного нервничаю, — объяснил Гус и легко прикоснулся к моему плечу.

Я кивнула, на миг разрешив себе подумать, увидел ли это Гус или нет.

Разломанные гробницы сверху представлялись произведением искусства. Над каждой из них висели истлевшие гербы, на одном из них я вроде бы рассмотрела волчье ухо — символ семейства оборотней-отступников, отказавшихся поселиться на Острове. Когда-то отступники были искусными ювелирами, но время их не пощадило, и последняя представительница, по слухам, окончила жизнь, случайно оказавшись в драке между Аскетами и отколовшейся от них давно сгинувшей сектой.

Я медленно, вслед за Гусом, стараясь не издавать ни звука, спустилась по веревке, то и дело оглядываясь на неуклюже шатавшихся мертвецов. На нас они не обращали никакого внимания, медленно шаркая истлевшими ногами по каменному полу. Их глухое рычание эхом перекатывалось по пустынному залу, отражаясь от стен.

Страх, волной разлившийся по телу, едва не парализовал меня, но, неуклюже взмахнув рукой и сдергивая веревку, я прикоснулась к теплему плечу Гуса и взяла себя в руки. Он же поймал веревку, и восставший, остановившись за нашими спинами, насторожился, но, не уловив больше ни звука, продолжил путь.

Огромную колонну, казавшуюся теперь уходящей вниз башней, огибали два узких коридорчика, а по краям залы — в западной и южной сторонах — еле виднелись две двери.

Требовалось достать карту, чтобы, не теряя времени, определить, какой из ходов ведет дальше, но я не осмеливалась шуршать свитком и привлекать внимание восставшего. Задумавшись ненадолго, я ткнула пальцем в нужном направлении.

Крадучись, мы пересекли помещение и я заглянула в левый коридор, огибавший башню-колонну. Тьма расступилась перед тусклым светом, и я увидела очередного восставшего, ради разнообразия спокойно стоявшего у стены. Судя по разодранной одежде, когда-то это была женщина, и женщина из богатой семьи — на шее висела потемневшая золотая подвеска с драгоценными камнями. Тело неупокоенной высохло до такой степени, что горло уже не было способно издавать ни звука, иначе мы бы ее услышали.

Коридорчик был настолько узким, что обойти восставшего оказалось невозможно, и мы вернулись к правому проходу. Тот на первый взгляд был пуст. Бесшумно ступая по полу, мы достигли двери в башню и прислушались. Внутри кто-то бродил, впрочем, догадаться — кто, было несложно. Но помещение должно было быть небольшим, так что я сомневалась, что мы обнаружим там слишком много мрачных жильцов. Подождав, когда шаги чуть затихнут, я потянула за ручку — заперто. Очень интересно...

Замок с виду был простеньким, и Гус, молча отодвинувший меня с пути, без труда его вскрыл неизвестно откуда взявшимися отмычками. Снова дождавшись, пока восставший внутри отойдет подальше, он осторожно отворил дверь и я, скользнув внутрь следом, тут же закрыла ее за собой, со склянкой освященной воды наготове. Оставалось на слух определить, сколько здесь мертвяков и куда кидать воду.

Открыв дрожащими пальцами пробку, я плеснула водой в то место, где по моим представлениям находился восставший. В башне прозвучало последнее «Ы-ы-х!», и с тихим шипением мертвяк растворился, не совладав с благословенной Аскетским первосвященником водой. Я снова зажгла свет и вздохнула — больше никого не было. Зато женщина с золотой подвеской за стеной заволновалась и пошла к двери, судя по звукам, тяжело подволакивая сгнившие ноги. Запирать отмычками замок было невозможно, поэтому я выразительно взглянула на Гуса, и он тут же подпер дверь какой-то деревяшкой. Ручка с той стороны подергалась и затихла. Я задалась вопросом — чем мертвая поняла, что ей не открыть дверь, если все мозги давно протухли. А потом отмахнулась — глупые загадки можно решать и потом, когда мы будем в безопасности.

VII. Долги, которые нам приходится возвращать

Глава тридцать седьмая

Я посветила шашкой вниз, но широкая винтовая лестница, насколько хватало света, была пуста.

— Ну вот отсюда мы и начнем, — недовольно сказала я, поеживаясь от холода, и достала карту.

Книга где-то... не здесь. Восставшие слишком спокойны, наверняка это уже понял и Гус, и надо отдать ему должное, он еще не послал меня с походом в Каирны в столь любимое им место.

— Мы невольно оказались на верном пути, кошечка, — проворчал Гус, в три погибели склонившись над картой. — Те два прохода в зале — тупиковые усыпальницы неких Роунделла и Тима. И какой ненормальный зануда составлял эту карту?

— Эй, радуйся, что такая... — Я осеклась, резко обернувшись к лестнице. — Тихо! — прошипела я, хотя Гус молчал, только поднял голову и вопросительно посмотрел на меня.

Я вытащила склянку с освященной водой.

— Там кто-то есть.

— Я даже догадываюсь, кто, — Гус пожал плечами и снова уткнулся в карту, но шаги раздавались уже отчетливо, и долго игнорировать он их не смог, равно как и оставить меня один на один с мертвяками. — Он там один, — вынес он наконец-то вердикт.

— Или двое, но одноногие, — тут же парировала я. — Мысли масштабнее.

— Если хочешь, чтобы я был твоим верным рыцарем, так и скажи, душа моя, — развеселился Гус. — Знаешь же, я готов на все ради твоих желтых глаз.

Я охнула. Зрелище не из приятных, я сама это знала. Как верно сказал Самуэль — я куда милее, когда мирно сплю, покрытая шерстью, чем в эти несколько дней до того...

— Тебе говорили, что это красиво? — полюбопытствовал Гус, глядя на меня снизу вверх и нагло улыбаясь. От тусклого света угасающей шашки лицо его казалось зловещим и не предвещающим ничего доброго.

— В основном желали поскорее издохнуть. Держи, — я отдала ему освященную воду.

Шаги приближались. Восставший не очень-то торопился умереть окончательно. И сперва я увидела руку — что-то неестественно-белое в свете шашки, а Гус схватил меня за плечо.

— Что это? — выдохнул он прямо мне в ухо.

Огромное тело, местами кровоточащее каменной крошкой, было еще сильным и крепким. Раздавался натужный гул — тело хотело есть. Голод пробуждал спящих вечным сном, отправлял на поиски добычи....

Я затрясла головой. Наваждение. Мне стало противно — Гус видел что-то иное, что...

— В задницу тебе три стрелы по самое оперение, козлина! Ты что, живой?

У меня перед глазами мелькали только темные пятна. А Гус вытянул вперед руку с шашкой, увеличивая яркость.

— Эй, дурень! Сюда смотри!

Темные пятна превратились в мужичка, и встретить я его на улице, обошла бы седьмой дорогой. По сравнению с ним жилище Гуса — образец стерильности, так что я скривилась, замотав головой, чтобы он не подходил к нам, хотя идти ему было больше некуда. Бедняга вышел на голоса живых людей, и я понятия не имела, как он вообще здесь выжил.

Бродяги скрывались где угодно — из общин их гнали, стража пинала, Аскеты вышвыривали за ворота, а жители города доносили на них властям и обливали помоями. Фристада не жаловала тех, кто не принадлежал ни к каким фракциям, хоть монашеским, хоть преступным, и хотя была даже община нищих — официальная, с которой не забывали собирать налог, — принимала она не всех. Городской нищий — статус, и ты, конечно, можешь быть вонючим, безногим или немым, но главное, чтобы тебе подавали.

Этот бедолага, возможно, был изгнан, а может, небольшую компанию таких же изгоев пожрали восставшие и минутали. Но он был живой и несчастный настолько, что хотелось отшвырнуть его прочь. Жалости он не вызывал, только брезгливость, и смотрел он на нас потерянным, будто слепым взглядом.

— Ползи наверх, дурень, сейчас здесь будет катастрофически жарко, — сквозь зубы посоветовал Гус, и я несильно пихнула его в живот локтем, но он не обратил на меня никакого внимания. — Как-то ты сюда попал? Вот так и выметайся обратно.

Бродяга смотрел на нас и ничего не говорил. Гус выпустил меня, захлопал по карманам.

— Вали, пока цел, — повторил он и напрягся. Ему как и мне не нравилось это грязное, вшивое, тощее отребье, настолько, что он даже отошел подальше к стене. — Ты еще и глухой?

Бродяга перевел на него невидящий взгляд. Нет, он видел, и глухим определенно не был. Но голодным и насмерть напуганным — да.

— Гус? — позвала я. — Не надо так с ним.

Я тоже была такой. Голодной и насмерть напуганной. И, может быть, если бы мне не повезло сначала с веселым домом, а потом — с Самуэлем, я тоже была бы...

— Он хочет есть, — я облизала губы. Брезгливость? И от меня шарахались люди, меня считали... считают и будут считать неприкасаемой.

Я стащила сумку, в которой лежали запасы еды. Мне нужно было есть, много есть, особенно сейчас, и я уже ощущала голод, но нащупала завернутые в тряпку бутерброды и кинула бродяге. Он поймал их на удивление ловко, прижал к груди и сделал шаг, потом еще. А потом остановился.

Восставшие, поняла я.

— Гус? — я подергала его за рукав. — Там, внизу, никого нет. Он прятался там.

— Ну и что? — отозвался Гус с раздражением, и оно неприятно резануло. — Сейчас-то тут его никто не держит? Пусть проваливает, у нас полно дел, а времени очень мало.

Вопреки общему мнению, оборотень не порождение зла, но сейчас я чувствовала то, что о нас писали дрянные газетки. Поднимается волна гнева, с клыков начинает капать слюна. Мне казалось, я забыла, вычеркнула из памяти, стерла как приснившиеся в кошмарном сне те первые дни во Фристаде, полные страха и безнадежности. А Гус — Гус сытно жрал, сладко спал, издевался над старым пресвитером и пререкался с Аттикусом и Ремом.

Воистину, одна гниль.

Я подскочила к двери и откинула деревяшку так легко, что Гус ахнул. Его испугу я порадовалась.

Я шагнула за дверь. Где-то бродила мертвая, иссохшая женщина, на миг заподозрившая наше присутствие, а мои глаза слишком привыкли к свету шашки, чтобы идти в темноту — все, что мы разбросали, осматриваясь, давно потухло.

За дверью царил вечная, глухая от толстых каменных стен тьма. Я прислушалась, Гус молчал, наверное, злился, но ему было не понять моего порыва — поступить с этим

несчастливым так же, как когда-то со мной поступил Самуэль, — а бродяги не было слышно.

Глаза, поняла я, он же видел мои глаза. Перевернутые боги, пусть он меня не боится, я не причиню ему вред, я хоть так верну вам ту великую милость, которую вы послали мне тогда в этом странном борделе!

Шуршание голых, истлевших ступней по каменным полам, неясные хрипы, доносившиеся из зала, где находилось основное число восставших, и что-то настолько далекое, что даже обострившийся слух едва различал. Что-то... сильное, огромное, могущественное. По коже побежал холодок, и на миг в голову пришла мысль, что я сама, добровольно, похоронила себя в древней гробнице.

Шаги затихли, я выскользнула во тьму и тут же забилась в тупичок, что находился в нескольких шагах, и замерла. Восставшая как заведенная шаркала ногами где-то на расстоянии вытянутой руки от меня, но убивать ее сейчас — лишь встревожить остальных. И я смотрела, как медленно из тьмы проступают углы и камни старых замшелых стен, как все пространство меняется с каждой минутой, обретает свой собственный, потусторонний, желтоватый цвет. Когда мертвая вновь приблизилась, я прикрыла глаза и бесшумно прошла следом за ней, обогнав в расширяющемся проходе. В зале света было больше — тлели еще две шашки, на которые никто не обращал внимания.

Пятеро восставших бродили кругами, как заводные игрушки, издавая приглушенные хрипы. И шепоток. Я прислушалась, ощущая, как по спине бегут мурашки — шепоток я раньше не слышала. Он казался почти неслышным, будто ребенок, спрятавшийся под одеялом от воображаемых монстров, умолял их уйти. И что-то еще — то самое, пронзающее мозг могуществом и силой. Книга?

Второй ход, огибающий башню, в которой сидели Гус и бродяга, был пуст и глух — я проверила, неслышно пропустив мимо себя мертвых и обойдя лежащего восставшего. Это казалось идеальным местом и таковым было — только бы не устроить обвал. Но разум требовал подчинения, и кто я такая, чтобы перечить — это мой собственный разум, пора бы научиться ему доверять.

Подобрав с пола какой-то камень, я изо всех сил кинула его во второй проход и слушала, как реагируют мертвые. Они зашевелились. Тот, что неподвижно лежал, словно бы проснулся, с тяжелым леденящим хрипом вскинул руки, и в нос ударил тяжелый смрад разложения. Тишь, да кем они были, почему тлеют так долго, в Каирнах давно никого не хоронили. Но подняться мертвый не смог. Присмотревшись, я поняла, что от ног уже ничего не осталось, но мертвые не чувствуют боли, и он пополз вслед за остальными, судорожно хрипя. Я шла следом с ощущением предстоящей короткой охоты. В руках уже лежал небольшой удобный арбалет, позаимствованный у Иркиса, и приглушенная огненная стрела — произведение городских магов, дорогая и мощная вещь. И совершенно точно находящаяся вне закона для всех, кто не стражник и не Аскет. Когда все восставшие оказались в нужной мне точке, я метнула в них крохотную склянку с дрянным маслом и пустила стрелу, целясь в пол и прикрывая глаза, боясь ослепнуть.

Тщетно — полыхнуло так, что лицо обдало жаром, и я шарахнулась в самый темный угол, помня об оставшейся за спиной мертвой женщине — она не услышала звук ударившегося о пол камня и осталась бродить по своему маршруту.

Я всем телом ощутила волну боли и отчаяния — почему? Разве не была бы я рада избавиться от участи вечность бродить во тьме, пока не исчезнет плоть с костей?

Закричала мертвая — страшно, хрипло и надсадно, будто кто всадил в тело зазубренный

нож, и я переместилась, позволяя глазам вновь привыкнуть к мраку — масло догорало, и жаром развеивало прах. Женщина — я увидела, как она ковыляла туда, где навечно остались ее собратья.

Стой.

И я стояла — мозгов у нее не хватит искать меня по всей зале, а Гус не выглянет на шум, потому что он Тень.

А теперь убей, шепнул мне разум.

Мягкими шагами я направилась к пышащему жаром тупичку. Женщина рычала, потеряв все черты, что еще напоминали в ней человека, тыкалась и отходила от потухающего огня. А я уже стояла за ее спиной с поднятым в руке клинком.

— Эй, — сказала я хрипло и едва не рассмеялась в ее отвратительное лицо. Она больше не была женщиной, она была монстром, телом, поднятым магией Книги, душа давно покинула ее. Она ничего не чувствовала.

Как и не почувствовала удар, не успев среагировать, и рассыпалась прахом.

Убей, снова шепнул разум. В четырех шагах от меня полз последний восставший, бессильно и надсадно воя прогнившими связками.

Я обошла его по кругу, уже не таясь и ничего не боясь. Я улыбалась, наверное, как безумная, а он неуклюже пытался поворачиваться за мной, хватал воздух руками там, где недавно были мои щиколотки, шлепался на пол, теряя точку опоры, и выл. Я закончила это одним махом, неожиданно придя в себя. Кем бы он ни был сейчас, но раньше — человеком. Нужно уважать чужую смерть. Он тоже рассыпался прахом, тьма обволокла зал, и я очнулась лишь спустя время, когда хлопнула дверь и из башни вышел Гус.

— Все в порядке, — сказала я. — Их больше нет.

— Да, я... услышал. Порезвилась?

Мы смерили друг друга злыми взглядами. Плохо, очень плохо, нам нельзя сейчас становиться врагами, а мне — мне надо все объяснить. Гус обо мне ничего не знал, хотя, может быть, и того, что он знал, ему хватило.

— Вполне, — кивнула я и крикнула в темноту: — Эй! Эй, выходи! Не бойся!

Бродяга показался из тьмы, все такой же потерянный, все такой же... забитый. Он даже шел неуверенно, будто всю жизнь его варварски били палками, издевались, унижали. Он больше не поднимал головы и только прижимал к себе тряпку с едой.

Гус хмыкнул.

— Он неприкасаемый, — коротко сказала я, не смотря на него. Не хотела. — Как и...

— Да я понял, — так же сухо ответил Гус.

— И не пришел мне на помощь?

— Ты не просила, — сквозь зубы проговорил он. — Но я бы пришел, только тебе. Не показывай мне клыки, кошечка, а ты, — бросил он бродяге, — проваливай, пока цел.

Мы стояли, сверля друг друга ненавидящими взглядами, пока бродяга не исчез где-то в глубине зала. Он ушел, а мне почему-то стало невероятно легко.

— Одна из причин, почему я пошел на это, — внезапно очень спокойно сказал Гус, обводя рукой огромное помещение и имея непонятно что в виду, — та же, по которой ты помогла ему. Где-то я был должен проклятым Теням за то, что не сдох в колыбели. Когда жизнь тычет тебя мордой в то, от чего она тебя когда-то избавила, лучше замкнуть этот круг, иначе он тебя переедет. А теперь пошли, кошечка, время не ждет.

Глава тридцать восьмая

Я чувствовала себя погребенной заживо. Узкие коридоры сменялись один другим, и лишь изредка попадались большие залы с высокими потолками, позволяющими вздохнуть немного свободнее и расправить плечи. Каирны нагнетали страх с легкостью садиста, медленно вонзающего нож в тело жертвы — и жертва, то есть я, извивалась в путах липкого ужаса, не в силах скинуть его с себя. Все подземелье будто дышало тяжело и надсадно вместе с восставшими, потерянно бродившими из одной стороны в другую, и не беда, что мы их больше не видели — они здесь были. Никак не получалось успокоить сердце: сразу, как выравнивалось дыхание, случалось что-то, что запускало страх по новой. Восставший ли, неожиданно появившийся из-за угла, торчащая балка, которую я не заметила в тусклом свете пашки, или непонятно откуда взявшаяся летучая мышь. В такие моменты я приваливалась к стене, жадно глотая спертый воздух, и долго стояла, заставляя себя продолжить путь.

Гус молчал. Но был рядом, за что я благодарила его все больше. Он не говорил красивые слова, как Аттикус, он просто был рядом. Кое-как сравнивая — а выходило не слишком хорошо, инстинкты брали верх над головой — я склоняла чашу весов в пользу Гуса. Временами чаша колебалась против моей воли, но тут Гус сам был кругом виноват.

Мы спускались все ниже и ниже. Здесь и запах был другой — я не могла его описать. Как будто меня заперли в бочке с протухшей водой.

— Ты в порядке? — услышала я голос Гуса за спиной. — Эй, кошечка?

Я обернулась.

— Тьфу ты. — Гус отшатнулся, но сразу натянул привычную улыбу. — Кошечка как есть.

Глаза — во! — И он показал обеими руками, наверное, размер моих глаз.

Да, у кошек тоже желтые глаза. Ненавижу кошек. Может, Гусу об этом сказать?

Один раз восставшие нас почуяли. Я спускалась вниз по веревке, и когда я поставила ноги на твердую поверхность, дверь, ведущая внутрь, неожиданно открылась. Нос к носу я столкнулась с относительно свежим мертвяком. Кожа его местами сильно сгнила, а мясо воняло так, что я чуть не шарахнулась. Но привычка не дала шевельнуться, что и спасло меня. Восставший насторожился, потянул остатками носа воздух, ощерился в жутком оскале и протянул вперед руку. Из его груди торчали стрелы — штук шесть, не меньше.

Сверху на восставшего щедро плеснулась освященная вода, и он с тихим шипением исчез в клубах смрадного дыма. Гус сполз по веревке следом за мной.

— Дурная была идея, — сказал он тихо. — По-моему, тебе сильно не по себе.

Я махнула рукой. Странно, странно. Чего-то подобного я ожидала, конечно.

— Ненавижу замкнутые пространства, — со вздохом пояснила я. — Забудь. Это такое, как... страх высоты. Я справлюсь.

Каирны дышали натужно, с хрипами, с трудом вырывая глоток затхлого воздуха из своих недр. Что-то проснулось внизу — такое желанное, родное, темное. Я затрясла головой, это что-то поманило меня, заставило взглянуть на мир глазами подгнивших тел, ощутить приятный запах разложения и сырости, заставило осознавать...

Проклятые Каирны лезут в мой разум.

— Ты что-то чувствуешь? Чувствуешь? Чувствуешь? — гремело над моей головой, а перед глазами мелькали стены, стены, стены... Серые пятна, вспышки пашки, лицо Гуса, который что-то мне говорил. Это хуже-хуже-хуже, чем было там, в кабинете Рема, я... —

Чувствуешь? Чувствуешь?!

— Чувствуешь?

Гус держал в руках огромную книгу и тряс ей перед моим лицом. И я на время отключилась.

Пришла в себя я, впрочем, довольно скоро, и первое, что я увидела — довольную рожу Гуса и свет шашки.

— Убери, — попросила я и отвернулась.

— Тебе совсем плохо? — жизнерадостно спросил Гус. — Но мы можем отпраздновать и выбираться наверх.

— Значит, мне не привиделось? — я нахмурилась. Этот зов... неприятен, подумала я, неудивительно, что и минутали, и восставшие, и даже орукарати на границе сходят с ума. — Я была права, Гус... мне хочется и бежать, и идти на... в голове туман.

Он с готовностью закивал и продемонстрировал мне находку.

— Ну, не сказал бы, что я шел прямо на этот зов... Прости, но я больше смотрел, куда тебя тащит. Хотя нет, зачем извиняться, не зря. Да-да-да, гнилая начинка Тени, ты совершенно правильно подумала обо мне как о куске дерьма.

Я ничего не подумала, но кивнула.

— Скоро тебя отпустит, — пообещал Гус. — Заглянем?

Я опять кивнула. Хорошо бы и правда мне полегчало, никогда в жизни мне не было так скверно перед превращением. Ну инстинкты, которые я могу контролировать, не больше, сейчас...

Я застонала.

— Извини, извини, — засуетится Гус. Он смахнул с Книги слой пыли, и я вдобавок еще и закашлялась. — Странно, чего на ней столько мусора?

Я закрыла глаза.

— «Тридцать монет Куску», — прочитал Гус. — «Семнадцать монет Трусу». «Редкая удача! Ожерелье вернуть третьей вдове Стерджиса, если эта старая дура еще жива». Что?

Мертвецы оживают, мертвецы идут на зов. Кругами, кругами... Здесь много золота и всюду смерть, смерть, смерть... куча скелетов и много золота, которое я заберу с собой.

— До чего обстоятельный расхититель гробниц, ну кто бы мог подумать, — прошептала я, вздрогнув от звука собственного голоса. — Гус, это явно не та книга.

Ответом мне было шуршание страниц, а потом смачный шлепок. Я открыла глаза — обескураженный Гус выкинул чью-то расходную книгу в дальний угол, и она подняла взвесь из пыли и мелкой каменной крошки.

— Ну да. А тебе уже лучше? Ладно, пойдём... Там, ниже, куча ловушек, я тебе говорил про них, да?

Ловушки! Меня затошнило, когда я представила, как вылетают стрелы из небольших отверстий и со свистом вонзаются в мое тело. Я могла долго и мучительно умирать, лежа в крошечной темноте. А потом на запах свежей крови пришли бы вечно голодные восставшие и...

Нет, не надо этого представлять.

— Я... близко... слышу эхо... отовсюду...

— Что? — испуганно переспросил Гус. — Эй, кошечка, давай не сходи с ума!

Он стащил свою сумку, долго звенел и шуршал там чем-то, а потом возле губ я почувствовала невыносимую вонь.

— Я не ем восставших, Гус...

— Пей, это поможет, — и он сильно нажал пальцами мне на щеки и влил в рот какую-то дрянь. Она обожгла язык как пламя, я взвыла, начала вырываться, а перед превращением лучше бы Гусу ко мне не лезть...

В себя я пришла через какое-то время. Морок пропал, в голове было ясно, видела я хорошо. Например, Гуса, который сидел у противоположной стены и листал давешнюю книгу.

— Лучше? — осведомился он. — Ты мне чуть не оторвала голову. А здесь ничего нет, только вот про нас сказано: «Кучка недоумков».

— Ха-ха, — подтвердила я. — Мне показалось, ты собрался меня отравить. — Я ощупала рот, потому что подозревала, что вместо щек у меня две дырки. — Но эта дрянь действует. Это что?

— А, антипохмельное зелье, — фыркнул Гус. — Только ядреное, неразбавленное.

Он поднялся и стал серьезен. Как я уже знала, это совсем не к добру. Я же так и сидела, ловя каждый момент трезвого ума. Кто знает, сколько продлится эффект от этого зелья?

— У нас есть два варианта, Дайан, — сказал Гус, подходя ко мне ближе и садясь рядом. — Первый: ты меня ешь... Шучу. Мы уходим.

— Книга здесь есть, — перебила я. — Ты сам не чувствуешь?

— Я испорчен, — хохотнул он. — Но, может, это и к лучшему. Тебя тащит как с той странной травы, которую я однажды заварил роженице вместо расслабляющего чая... кхм, да. Моя врожденная магия, наверное, убита Тенями, та ее часть, на которую они так надеялись, и не могу сказать, что мне жаль, но... Ты идешь, идешь на зов. Ты, которая немного не ты. У меня предложение — остаться и подождать, пока ты превратишься, Дайан.

— Плохая идея, Гус...

Я тоскливо подумала, что он прав. Обойти Каирны невозможно.

— Рем ведь не полный дурак, — продолжал Гус. — Он считает, что ты — опять прости — тварь. Ты станешь ей через... какое-то время. Можно было бы посадить на цепь орукарати, но пока его где-то найдешь. К тому же ты себя контролируешь.

Ох, мне бы твою уверенность, Гус. Я пошевелилась, стараясь сесть как можно удобнее. Голова была ясная, а тело не слушалось.

— Ты бракодел.

— Надо же, — деланно восхитился Гус, — говоришь совсем как пресвитер Игнатиус. Когда он еще помнил такие слова, старый пень. На вот, перекуси, я осмотрюсь пока, думаю, что здесь тихо, но парочка токенов не помешает.

Он вытряхнул из сумки прямо мне на колени несколько бутербродов, задумчиво посмотрел на них, отковырнул от верхнего дохлого таракана, поднялся на ноги и был таков. Я посидела, прислушиваясь к его шагам, потом тщательно изучила еду на предмет посторонних ингредиентов, ничего не нашла и куснула. На зубах что-то хрустнуло, и я себя убедила, что это просто яичная скорлупа.

У меня у самой была в сумке еда, но ворочаться не хотелось. Лучше уж сэндвичи с тараканами, в конце концов, где-то в Южных краях их прекрасно едят... будем приобщаться к высокой кухне.

Что будет завтра, я не знала, но волноваться больше не хотелось. В конце концов, есть Гус, который, наверное, не один раз выбирался из безвыходных ситуаций, иначе давно был бы трупом. Есть я — не Тишь весть что, но и не бездарь. Как-нибудь справимся, нужно

только не...

Никого не съесть, ха-ха-ха.

Время размазали по суткам тонким слоем. Я машинально ела, вслушиваясь в шаги. Может, Гус, или восставшие, или тот бедолага. Бросить ему бутерброд? Наверное, он голодный. Что он здесь ел? Не мертвецов же? Или? Да все может быть. Да-да-да.

Опять стук. Кто-то ходит здесь с колотушкой. Или это Гус прибывает токены. Он что, взял с собой молоток? Вот придурок. Все же обвалится.

— Гус, перестань!

«Стань-стань-стань!»

— Я знал, что тебя нужно спасать.

Аттикус? Вот кого я не ожидала тут увидеть. Но я и не видела, только слышала, а еще бутерброд упал с колен.

Тишина. И стук прекратился. Гуса, похоже, кто-то съел.

Голова раскололась надвое, а потом опять все стало ясно. Я лежала, согнувшись, и перед моим носом был надкусанный бутерброд, а еще я смотрела на свои пальцы. Чуть дрожащие, и это не больно.

Я выдохнула. Что-то шло совершенно не так. Много магии, чересчур много магии. Что там Гус говорил? Про токены, да. Что магии очень много, она сбивает... сбивает... А Аттикус говорил, что я — элемент неожиданности. Что магия накапливается, но бояться не стоит. Не надо бояться, не надо...

Я перевернулась. Воротник душил меня. Обычно мы обращались раздетыми, но я знала, что одежда не помешает, главное случайно ее не порвать.

— Ты похожа на волка, да?

— Не совсем. Ты увидишь, — улыбнулась я, и мне показалось, что моя улыбка — настоящий оскал. — Ну то есть... тебе будет, наверное, с чем сравнить.

— Интересный опыт, — согласился Гус. — Давай-ка я сниму твою сумку. И, может, немного поспишь? Когда ты обратишься совсем, мне придется надеть на тебя ошейник.

Я хотела уже огрызнуться, но, хорошенько поразмыслив, решила, что спокойствие мне дороже. Хотя какое тут спокойствие...

— Как думаешь, далеко нам идти?

— Понятия не имею, — привычно хмыкнул Гус, усаживаясь рядом и — да чтобы мне провалиться — подбирая бутерброды. — Я только рассчитываю, что мне не придется тебя спускать. Там, внизу, что-то есть. Кто-то или что-то, мне оно очень не нравится и, по-моему, оно давно тут живет, так что, надеюсь, Вольфгант не стал совать Книгу ему под задницу. Вот... погуляем тут. Ты там как?

— Если честно, не очень, — призналась я. — Но это нормально.

Гус заткнулся, а я опять начала слушать. Слух теперь обострился настолько, что я легко могла распознать, где ходит кто-то живой — как мелкий клещ, незаметно перемещающийся по голой коже. Но глаза не видели, и нос не чуял. Он знал, что найдет клеща, сожрет и утолит свой голод — дело только во времени. Время еще есть, время немного передохнуть.

Это никогда не было больно. На острове говорили, что обращенный оборотень мучается каждое полнолуние, словно роженица, но никто из них не был обращен, всем под страхом смерти было запрещено приближаться к человеческой крови. Бывало, что кто-то охотился на зверей — зайцев, лис, но никогда не на волков, потому что они тоже сородичи в каком-то известном смысле. Как и человек. Выходит, оборотень терял контроль над собой,

попробовав крови сородича. Я не знала — тяжелели мысли, ворочались, будто чугунный шар в чане с водой, и выскальзывали из пальцев. Сделать выводы было сложно, ведь волк не думает, он действует, повинуюсь инстинктам, чтобы выжить.

Это не было больно, но Гус отвернулся и отошел, тщательно скрывая страх, но от меня сейчас ничего не спрячешь. Я чуяла его, видела как большое грязное сиреневое пятно, окутывающее голову. Скоро он будет бояться еще больше. Правильно, бойся меня. Бойся-бойся-бойся. Я злой и страшный серый волк, и я тебя съем.

Я бездумно разглядывала поднесенные к глазам пальцы, но с ними было что-то не так? Что такое пальцы? И что такое Гус? Разве тот человек, состоящий из страха, беспокойства и толики жалости — Гус? Это слово не подходило, но, Тишь, а что такое слово? Я забыла и затрясла головой, приводя мысли в порядок. Не помогло. Человек был человеком, и цветов вокруг него стало куда больше — он был сложным, многогранным и одновременно простым, что разгадать — на одну лапу, на один зуб.

Укушу!..

Глава тридцать девятая

Мир обретал цвета, становился ярким, как детские рисунки, раскрашенные акварелью — множество широких, неаккуратных мазков по наброску расплывающейся реальности. Грязные серые камни расцвели черными штрихами древности и впитанного в них за долгие века тишины зла, они дышали чем-то, от чего должно было воротить любого, посмотревшего на них моими глазами. Черный давил все остальные цвета — смешивал палитру в грязно-бордовый, состоящий из страданий и смерти.

Неожиданно я пошатнулась и потеряла точку опоры, чуть не грохнувшись на пол и едва не собрав на себя вековой слой пыли. Почему так случилось, ведь я сидела, не в силах даже двигаться? Но тело поняло все за меня — нужно было всего лишь поставить лапу, все так просто. И так сложно. Это был миг полной растерянности, охватившей нас обоих. Мир перевернулся, стал прямоугольным, и я подняла голову, рассматривая человека в углу. Человек рассматривал меня в ответ, а потом сделал шаг, присел неподалеку и издал мелодичные, красивые звуки, от которых по телу пробежала волна тепла. Он был добр — здесь и сейчас, со мной, но в остальном дышал абсолютным недоверием ко всему, включая стены и нависающий тяжелой громадой потолок. Он понимал меня, тоже боялся разбухшего зла и предлагал поохотиться вместе. От него пахло травами, чем-то резким и старым мясом, которое он недавно съел.

«Пойди в мои лапки, клещик-клещик». В уши вдруг врезался резкий густой голос, не человека, а кого-то другого.

Этот голос был знаком, и я затрясла башкой, пытаюсь выгнать из ушей какофонию звуков, которые обрушились со всех сторон. Вопило многоголосье темного хора, а человек подошел еще ближе и прикоснулся к мягкой шерсти. Глупый поступок, глупый-глупый, но кусать нельзя — что-то держит внутри, не позволяет. Он друг, ему будет больно.

Я оскалилась, и человек отдернул руку быстро, но недостаточно, чтобы не успеть ее схватить — челюсти щелкнули в дюйме от живой плоти, просто как предупреждение.

— Перестань, кошечка, я невкусный. Пойдем, слышишь? Книга.

Но было уже неинтересно, нос безошибочно чуял что-то знакомое, шедшее за нашими спинами еще далеко. Сбоку ходило гнилое мясо, издавая сладкий приторный запах — я слышала его всхлипы в полной темноте, шаркающие шаги, а еще шепот снизу — он был дальше всех, но больше всего и манил.

— Кошечка?

Я легко переступила с лапы на лапу, изогнула спину и бросилась вперед, отсекая ненужные звуки.

Коридор, еще один, зал с тремя еще не вставшими мертвецами, еще один коридор и... Ничего. Человек бежал за мной молча, больше не кричал, не звал меня. Видно, понял, что его голос ничто по сравнению с тем, что звал снизу — густой, хриплый, манящий, обещающий славную охоту и воду. Я хотела пить, но вокруг были только стены, сжимающиеся в каменный пузырь, из которого хотелось вырваться. Но голос звал... Снова коридор, огромный зал с бродящими мертвыми, но я проскочила их так быстро, что никто меня не заметил.

«Иди, клещик, иди-иди!» — на миг показалось, что в мысли что-то врезалось — огромное и твердое, но тело по инерции пролетело еще несколько футов перед тем, как лапы

отказались повиноваться.

Я взвыла, переполошив все вокруг, затрясла головой, прогоняя монстра изнутри, а он прикасался к моим мыслям, и те словно застывали. Табу на охоту на человека заморозило, я оскалила зубы, а потом с размаху влетела в стену, и монстр исчез.

Сбоку что-то вспыхнуло, закричало, захрипело, и я вновь осознала, сколько запахов вокруг — страха, опасности, пота и злости. Человек убивал мертвых и снова издавал сложные звуки.

После очередного поворота пришлось затормозить всеми лапами, и человек едва не врезался в меня — мертвый, ошалело мотая головой, шел прямо на нас. От него несло опасностью. Гнилью и мертвечиной — я зарычала и присела, готовясь к прыжку, но человек очень крепко схватил меня за холку и не пустил.

— Тихо-тихо, кошечка, ты вообще соображаешь? Это же человек. Хоть и мертвый. Стой.

Я едва не рванула вперед, когда он выплеснул на мертвого воду, так хотелось пить, но дернулась от взметнувшегося клубка праха — вода исчезла. Я снова зарычала, и человек отпустил холку — голос звал, говоря что-то еще неразборчиво, как и человек рядом. Но голос был понятнее. Он пах... кровью.

«Клещик-клещик...»

Снова мертвый — все его тело было чем-то истыкано, и при должном воображении его можно было сравнить с большим ежом. Нас разделяло совсем небольшое расстояние в несколько футов, и на этот раз я не стала торопиться, хоть рука на шерсти ужасно раздражала.

— Стой-стой, там же ловушка, смотри туда, душа моя. Видишь свет? Он странный.

Мы стояли, я не понимала, почему рычала, прося отпустить меня — человек задерживал, мешал, а в голове клубился красный туман голода и жажды. И охоты.

«Беги, клещик, беги ко мне».

В коридоре ярко вспыхнуло синим светом, и мертвый рассыпался прахом, не успев издать ни звука.

— А теперь пошли, рядом, поняла, кошечка? Посмей только не туда наступить. Вот я идиот, я думал, ты соображаешь. Поводок бы пригодился уж точно.

Он потащил меня, не убирая руки с загривка, по диковинному большому залу, полностью залитому светом. Человек, похоже, решил, будто я хочу его слушаться, хочу быть рядом, но я слушала только далекий голос внутри, который запрещал кусать и рвать его — но почему-почему-почему?

«Клещик... где ты, клещик?»

Но человек держал меня мертвой хваткой, пока мы не пересекли зал, а потом опустился ко мне на пол, взял обеими руками за морду, и я вспомнила, как он выглядел. Сиреневый, красный и зеленый. Сложный и простой. Но голос внизу был сильнее, интереснее, вкуснее.

— Я за тобой не успею, если ты будешь мчаться как дура последняя, ясно? И тебя пришибет первая же ловушка. Иди куда надо, но жди меня, да? Кошечка, ты хоть рыкни, если понимаешь меня. Тьфу ты пропасть.

Я смотрела, сходила с ума, и он смотрел. Он ведь Гус, так? Что за странное слово? Что такое Гус? Почему Гус? Почему мы не бежим?

Я зарычала, прижалась к полу, умоляя уйти, не держать меня, не хотеть от меня чего-то, ведь нельзя кусать — совсем нельзя.

— Ага! Отлично! Тогда иди рядом, хорошо? — и отступил.

И пошел вперед сам, загораживая мне проход, заставляя прыгать из стороны в сторону, ища щель, чтобы протиснуться и убежать. Но человек предугадывал мои шаги, и всякий раз проход загораживали ноги. Я щелкала около них зубами, выла, рычала, но кусать не могла — голос в голове запрещал, а человек словно знал о нем — перестал меня бояться. Он боялся всего, но не меня, — я видела, как изменился сиреневый цвет, чуяла, что больше не властна над ним. Но и он надо мной не властен, нет...

«Ближе, маленький клещик, еще ближе».

Что-то каменное, огромное вдруг возникло на пороге очередного зала, из него текла кровь грязного серого цвета, которая тут же застывала и падала песком на пол. И человек прошел прямо сквозь нечто, остановился, стал озираться, будто и не замечая ничего.

Чудовище протянуло ко мне сочащиеся каменной крошкой культи, загрохотало древним голосом, и я прыгнула, уже зная, что это оно зовет меня снизу. Одновременно здесь и там, как двуликий бог смерти — и я пролетела насквозь, совершенно того не ожидая, неловко кувыркнулась и врезалась в человека, тут же заоравшего, будто я вцепилась ему в глотку.

Голос отдался эхом по всем залам в моей голове, затопив остаток ясных мыслей, и я, взвизгнув, рванулась вперед — на голос каменного монстра. Он манил, пах так вкусно и одуряюще, все, чего мне хотелось — догнать его, найти-найти-догнать. И что?..

Зал промчался мимо меня так скоро, что я не обратила внимания на призрачный звон цепей — лишь бы подальше от кричащего что-то вслед человека, он утомлял, задерживал и был полон страхов. А там, за ним, шел кто-то еще, кто-то со знакомым запахом, но и он был неинтересен. Люди скучны и однообразны, тот тоже будет держать, тянуть руки и что-то говорить.

Так оно называется — говорить?

Я тряхнула на бегу башкой так, что уши захлопали, едва не врезалась в стену, на миг потеряла ориентир, но выправилась и помчалась дальше — на голос, что звал так долго, как будто вечность только меня и ждал, томился, прижимался брюхом к полу, ластился.

И запах, запах того, кто шел за нами, приближался так быстро, что я едва успевала. Они шли с разных сторон, а я оказалась в ловушке.

Порог был уже близко, когда меня что-то настигло: темнота навалилась, смяла и придавила к полу. Нелепо взмахнув лапами и взвизгнув, я распласталась совсем рядом с дверным проемом.

— Дайан!

Что такое Дайан? Последнее, что мелькнуло в моей голове, прежде чем зрение изменилось, стало плоским, скучным, бесцветным. И мысли изменились. И высота.

Я видела в пыли, на полу, распластанное волчье тело — мое, оно пахло как я. Но где я? И кто я?

...Клещ попался. Запищал, задергался в невидимой паутине его голода и вожделения, и, не устояв, умер, живописно раскинув руки. Монстр дрожал от нетерпения поскорее разделаться с жертвой, но что-то гнало его сознание в другую сторону. Что-то давно требовало его внимания, но азартные поиски назойливой букашки не давали больше ни на чем сосредоточиться. Но теперь, когда погоня закончилась, его нутро взвыло от противного, тревожного чувства — бежать, бежать, бежать. Нет, не бежать — заснуть, тогда его не заметят, не тронут.

Монстр затих, затаился в темных углах, извилистых коридорах и под потолком. И присмотрелся...

Фигура незнакомца была закутана в темную тряпку, но это не помешало учуять его силу. Огромную и опасную, но все же не сравнимую с той, что родилась в нем.

Тихий голос нашептывал, что надо ждать, молчать, не двигаться, и тогда его не заметят, не тронут, не съедят. И мир вокруг молчал и не двигался, повинуюсь голосу.

«Отпусти, отпусти клещика, увидят...» — шептал он.

«Нет, мой-мой, я поймал, я съем!»

«Отпусти-отпусти-отпусти».

«Нет! Нет!»

Незнакомец склонился над пойманной букашкой, провел рукой по красным волосам и вдруг резко обернулся.

И тогда монстр взвыл — яростно, со страхом, умоляюще. Враг забирал у него силу — тело корчилось, выкручивалось, как в тисках, скулило от боли.

«Нет, нет, нет, перестань!»

«Отпусти букашку».

«Отпущу-отпущу, не трогай!»

«Это уже не я, дурачок», — ответил голос.

И это не я.

— Дайан?

Я безуспешно попыталась вскочить, все еще представляя, как меня сплющивает.

— Дайан, все хорошо. Подожди, я дам свет...

Свет? Откуда здесь может быть свет?..

Я заозиралась, чувствуя слабость во всем теле и ноющую тупую боль в руке, которой судорожно сжимала плечо, стараясь ослабить призрачное давление, боль в боку, да — Тишь, везде! Что произошло? Почему мне так плохо?

Надо мной склонился Аттикус — зрение было затуманено, мир расплывался перед глазами, но голос определенно принадлежал ему. На миг наступило облегчение — если Аттикус здесь, значит, ничего недоброго больше не случится.

— Аттикус, — я силилась взглянуть в посеревшее лицо Тени. — Я что, уже обернулась обратно? Что происходит?

Вокруг по-прежнему, словно паук над жертвой, нависали древние Каирны. Если у меня и мелькнула мысль, что Аттикус вытащил меня, пока я была в отключке, то тотчас пропала — волочить оборотня по этим коридорам занятие неблагодарное.

— Мы в Каирнах, недалеко от места, где на тебя напали. Только не двигайся пока, ладно? Ты ранена. Дай наложить повязку, а потом я тебя подлатаю. Не дергайся, Дайан! — он повысил голос, когда я приподнялась, чтобы получше его разглядеть. — Признаться, я не особо удивился, что ты пошла сюда. Но как же тебя сложно выслеживать!

Он махнул рукой, и в воздухе вспыхнул крошечный шар, тут же заливший пространство неярким светом.

— Аттикус...

Я захлебнулась в чувстве внезапной привязанности и замолкла, не в силах выразить свою радость.

— Молчи, — послышался треск ткани, и я откинула голову на холодный пол. Молчи, иди, слушайся — в этом и был весь Аттикус. Но боль и вправду начинала пульсировать в руке, словно маленький шар — то легче, то хуже. Он прикасался осторожно, но когда повязка резко обхватила руку, я едва не взвыла.

Он улыбнулся.

— Ну вот и все, кровь на время остановится. Рад, что успел. Как ты себя чувствуешь?

— Больно, я не знаю. Как хорошо, что ты пришел!

Усилием воли я задавила в себе желание прикоснуться к нему и потрясла головой, поднялась, и Аттикус тут же вызвался помочь — сжал руки на моих плечах, и я поняла вдруг, как замерзла. Одежда была изорвана после превращения и скитания, лохмотья свисали, словно я была бродягой или устроила забег сквозь колючие кусты. И кожа превратилась в ледышку — грязную, как вся эта гробница. Но что со мной произошло — воспоминания терялись в тумане.

— Что... что это было? Я плохо помню, только зов, какой-то голос... Я бежала, и, кажется, ох, задница, ничего не помню...

— Иногда случается так, что здания обретают собственный разум, — туманно ответил Аттикус. — С ним-то ты и столкнулась. Думаю, Каирны впустили тебя внутрь себя, поделились сознанием и попытались сожрать. Но ты бы справилась, вот только сильно

позже, когда было бы уже поздно.

Он недоговаривал, но понять что, сложно — голова плыла, хотелось пить и есть, а еще больше вновь уснуть и проснуться в собственной постели, в безопасности. Не здесь, не в царстве тьмы, а там, где свет и Самуэль. И ни о чем не думать — сейчас это было труднее всего.

Аттикус обнял меня, и стало теплее и легче.

— Кошмар, — пошатываясь, я сделала неловкий шаг. — Ты не представляешь, какие они... мерзкие. Не они, а их зов. Зов я хорошо помню, он был черного цвета. Сознание здания, да?

Я едва не упала от слабости, и Аттикус печально улыбнулся.

— Теперь ты не откажешься опереться на меня? Каирны выпили все твои силы, а нам еще нужно выбираться, пока их жадность не пересилила страх. Идем потихоньку, чтобы не растревожить рану. Тебе повезло, что ты оборотень, регенерация тканей у тебя много выше, чем у человека, но боюсь, как бы не занести заразу.

Никаких вопросов, подумала я, это странно, но, видимо, Аттикус знал... Шел за нами? Мне было все еще плохо и страшно. Гус? А где Гус?.. Перевернутые боги, что я с ним сделала? Воспоминания должны были вернуться чуть позже — как и всегда, но вспоминать оказалось неожиданно страшно. Что если я его убила? Не прикоснулась к крови, нет, иначе Аттикус не справился бы со мной, но убить, будучи обращенной, можно разными способами. А я ведь обещала, что не трону? Обещала, кажется, да...

— Если бы ты мне хоть немного доверяла, то получила ответ без таких усилий, Дайан. Вы искали здесь Книгу? — Аттикус, по-моему, разговаривал сам с собой.

Вопрос был глупым — но сейчас я готова была позволить ему все что угодно, лишь бы он не покидал меня. И где Гус?..

Его руки дарили мне странное теплое спокойствие, и я расслабилась. Боль постепенно стихала, но идти самой было все еще сложно. Тень безошибочно выбирал самые короткие и безопасные пути.

— Здесь много ловушек, — вяло сказала я, игнорируя его прежние замечания. Потому что — что тут скажешь? Как ему можно доверять? Не сейчас, сейчас другое дело, но вообще — как? Или можно? И где Гус?

— Не считаешь же ты, что я не способен обнаружить бездарные капканы для дураков? — Аттикус улыбался, и это тоже успокаивало.

— Мне это не нравится. Знаешь, я не питаю к тебе особо теплые чувства, но сейчас готова продать за тебя даже Самуэля. Ты заколдовал меня, да? Зачем?

— О, это побочный эффект, не обращай внимания. Мне пришлось поделиться с тобой силой, чтобы ты могла идти. Завтра проснешься и по-прежнему будешь меня не любить.

— Вполне заслуженно, — со стыдом добавила я. — Они бы убили меня, да?

Мысли путались в этих коридорах, и я понимала, что задаю не те вопросы, не о том говорю, но слова произносились сами — неважные, бессмысленные. Какая разница — убили бы или нет, ведь я жива, а Гус?

— Нет, — хмыкнул Аттикус. — Для этого у Каирнов еще мало сил. Чуть попозже ты бы сама сбросила магию — когда превратилась обратно, это несложно. Но вот восставшие представляли для тебя большую опасность. Думаю, именно повторное присутствие Раскаля позволило сознанию появиться, оно молодое, неопытное, и его легко было отогнать прочь от тебя.

— Ты снова меня спас, — недовольно сказала я. — Ничего, что я на «ты» перешла?

— Переживу как-нибудь.

Я хотела спросить про Гуса. И сколько времени прошло? Я уже совсем человек или это все тот же побочный эффект? И мне больно.

— Кажется, кажется, я сбежала от Гуса, да? Плохо помню... Что с ним, ты нашел его? — нужные вопросы наконец вырвались, когда мы остановились у очередного поворота, и Аттикус придерживал меня за плечи, а сам что-то осматривал в глухой стене.

— Вот за кого переживать не стоит, — Аттикус пожал плечами. — Этот плут выберется из любых ситуаций. Скорее всего, он уже на поверхности...

В его словах было столько уверенности, что захотелось поверить, но разве Гус ушел бы и оставил меня здесь? Он друг, ведь друг? А кто же я?

— Он... я думаю, он все еще ищет меня... Сколько времени я провалялась в забытьи? Я успела превратиться обратно, значит, уже утро... Так? Или, может... я могла ему навредить. Гусу. Здесь слишком много магии, и я потеряла разум, поэтому так плохо помню.

— Полагаю, — согласился Аттикус. — Думаю, что даже день, но здесь сложно ориентироваться во времени. Выйдем и увидим. Что насчет Гуса. Его ведь учил я, помнишь? И хорошо учил. Ты не представляешь, на что он способен. Такой оболтус, правда? Носится туда-сюда, кричит, шутит, но когда пахнет жареным... просто поверь, он в порядке. Иначе бы я уже его искал.

— Это... — я запнулась. — Это было признание, что тебе не все равно?

Аттикус хохотнул и ничего не ответил, продолжая вести меня по темным подземельям.

Я кивнула, занявшись другими мыслями — логично, если уже день, а может, и вечер, то Гус не станет бродить по Каирнам в поисках меня, но тогда что? Пойдет за помощью к Теням? Вот уж сомнительно... Или ждет у входа. Разум отказывался поверить, что Гус способен бросить меня здесь одну. С другой стороны, если он учуял приближение Аттикуса, то понял, что я в безопасности. И еще он подозревал, что Тень будет следить за нами... Тишь, как сложно соображать... Голова раскалывалась на тысячу мелких кусков, и меня мутило от холода и жажды.

— Если ты нашел мою сумку, — слабо улыбнулась я, — там должна быть вода. Я хочу пить...

— Прости, Дайан, — Аттикус неожиданно остановился, всмотрелся в едва освещенное магией пространство и потянул меня назад. — Там ловушка. Боюсь, у меня не было времени собирать твои вещи. Но я знаю короткий путь на поверхность. Помолчи, будь добра, не трать силы.

Спустя долгие ярды темных коридоров, лестниц и дорог я обнаружила себя в какой-то комнате. По пути я то и дело проваливалась куда-то, и голос, трещающий что-то про клещика, звал — но со страхом, просил прийти, зачем? Я не понимала, я даже не запомнила, как мы выбрались на поверхность и пришли в город — все это пронеслось мимо меня смазанными, серыми красками, и единственное, что имело значение — человек, державший меня, не позволяющий упасть.

Аттикус бережно усадил меня в кресло и теперь наливал что-то в чашку. Сил не осталось ни на что — даже слушать его было сложно. Хотелось заснуть прямо здесь, свернуться калачиком в кресле, рядом с Аттикусом, он не будет мешать и от Рема защитит...

— Боюсь, что нет, Дайан.

— Что?

— От Рема защитить я не в состоянии.

— Я что, вслух это сказала? — выдохнула я. — Извини... Я не знаю, зачем меня нужно защищать от Рема. Ничего не знаю...

— Не надо извиняться. Я, признаться честно, уже подумываю чаще делиться с тобой силой — столько... доверия. Выпей-ка, полегчает.

Я послушно припала к кружке, и вскоре по телу разлилось приятное тепло, принося с собой силу и проясняя сознание — это была не вода, а какой-то травяной отвар. Но он подействовал, и на мою просьбу повторить Аттикус покачал головой.

— С этим лучше не перебарщивать. Тебе нужно поспать, и станет легче.

Рука разболелась еще сильнее — наверное, меня зацепила ловушка, пока я носилась, ведомая голосом твари. Я поморщилась и наконец вспомнила, что стоит оглядеться.

Кресло, на котором я сидела, окружала слишком аскетичная обстановка. Менее пустым был даже дом Льюиса, который не переносил рядом с собой лишних вещей. Кровать в углу, застеленная невзрачным синим покрывалом, письменный стол, высокая стойка, на которой, очевидно, Аттикус ел, очаг, камин на другой стороне и раковина. Больше ничего — ни полки, ни шкафов. Видимо, он здесь и не жил — я вспомнила богатую обстановку кабинета в Цитадели и согласилась с собственными выводами. Из окна лился вечерний свет от зажженных факелов, и был слышен гул копошащегося города.

— Давай начнем сначала, — вымученно улыбнулась я, закрывая ладонью проступившую кровь на повязке. — Ничего не соображаю. Где мы? Это твоя квартира?

— Квартал Эрмет. Я ведь тебе говорил, помнишь? — Аттикус остановился напротив меня и хмуро посмотрел. — Ты уверена, что хорошо себя чувствуешь?

— Просто устала, — отмахнулась я, не желая его беспокоить, изо всех сил заставляя мозг работать. — И...

— Врешь, — перебил он меня. — Дай мне руку, я посмотрю.

Это вызвало затруднения, и я поспешила переменить тему — только не руку, ее Самуэль залечит, или я сама, только не он. Нет-нет-нет.

— Аттикус! — повысила я голос. — Не надо, ладно? Не трогай меня, все будет хорошо, я немного отойду и побреду домой. Скажи мне лучше...

— Чушь какая, Дайан, — от усталости внезапно не осталось и следа, и Аттикус присел рядом со мной, посмотрел так, что вертевшийся на языке вопрос тут же вылетел из головы. — Взгляни на меня, слышишь?

Я послушалась и едва не утонула в спокойствии. Аттикус так ловко взял в ладони мое лицо, что я ничего не успела заметить и остановить его.

— Помнишь? — он так серьезно смотрел на меня, близко-близко, что у меня перехватило дыхание. — Я не причиню тебе вреда, я на твоей стороне.

Глава сорок первая

Проснувшись, я обнаружила себя в кровати — укрытая одеялом и заботливо раздетая, но не до конца, словно кто-то очень старался соблюсти приличия. Но я все равно покраснела и натянула одеяло по шею.

За окнами стояла глубокая ночь, тишину которой разбивали лишь редкие звуки проезжающих повозок и нервное ржание лошадей. Фристада спала, и я неожиданно поняла, что ужасно по ней скучала. Блуждание в Каирнах продолжалось вечность, и безумно захотелось глотнуть свежего воздуха, почувствовать морской ветерок в волосах, учуять запахи закрывшихся пекарен, узнать, что в городских трактирах не прекращаются извечные драки. Просто окунуться в этот водоворот жизни. И, пожалуй, кофе.

— Аттикус? — неуверенно позвала я и приподнялась.

Он сидел за стойкой вполоборота ко мне, уткнувшись в лист бумаги, и рассеянно улыбался. Как всегда невозмутимый и без привычного плаща немного домашний. Я тряхнула головой, избавляясь от нахлынувших приятных ощущений.

— Привет, — отозвался он. — Забавная карта, будто ее Гус рисовал. Ох уж эти его таланты.

А потом повернулся ко мне и ясно улыбнулся.

Я на секунду закрыла глаза и едва снова не провалилась в сон, но Аттикус уже был рядом и щупал мой лоб.

— Это ты меня раздел, — я даже не спрашивала, и так понятно, но все же стоило обозначить границы. Хотя лежа в чужой постели почти голой сделать это было сложнее.

— Иначе бы ты запуталась в своих лохмотьях, — он пожал плечами. — Но если тебя успокоит, то я не смотрел.

Меня не успокоило, но стало немного проще. Смотреть, на самом деле, было не на что, а Аттикус выглядел уже не таким посеревшим и усталым, как в Каирнах. Сколько же времени прошло?

Квартирка была освещена тремя свечами, а Аттикус улыбался. Я высвободила руку из-под одеяла, поднесла ее к нему и тут же отдернула, покраснев.

— Извини, я... у тебя не будет кофе?

— Не стоит извиняться за каждый чих, — покачал он головой. — Конечно, все что пожелаешь. Но я все же хотел посмотреть твою руку. Впрочем... как ты говорила? Все по порядку?

Он поднялся, пересек комнату и нырнул в сундук, который я раньше и не заметила, выпрямился с рубашкой в руках и протянул ее мне.

— Вполне сойдет за платье, а потом что-то придумаем. Я отвернусь, а ты переодевайся.

Я снова покраснела, но он уже не видел — отошел к стойке, на которой лежала карта.

Рубашка была мягкой, льняной и теплой, и что важно — чистой. Окажись я в подобном положении у Гуса, пришлось бы что-то выдумывать. Стоит вспомнить таракана в бутерброде.

С раненной рукой вышла небольшая заминка, а я с тяжелым сердцем проговорила про себя: Аттикус все знает. И нет смысла скрывать, и разговор об этом предстоит.

— Ты ведь все видел, да? — тихо спросила я. — Не поворачивайся, еще рано.

— Имеешь в виду то, что ты не хотела показывать? — мягко уточнил он. — Извини, но

да. Весьма... неожиданно. Но я немного в курсе того, как заключаются браки на Волчьем острове.

Застегивать пуговицы было почти невозможно, успокоившаяся боль в руке вспыхивала с новой силой, стоило ее хоть немного согнуть, но просить Аттикуса помочь — немыслимо. Боги, да я и так раскрылась перед ним, как только возможно.

— Ты обо всем в курсе, — отозвалась я, скрывая смущение и раздражение. — В любом вопросе, какой ни задашь.

— Ну нет, — хохотнул он. — Если ты спросишь меня, каково быть беглянкой с Волчьего острова, я ничего не смогу сказать. Не обижайся... Я не со зла. Ты ведь для этого просила аудиенции у герцога? И поэтому не обратилась к нам, боялась, что с таким рычагом давления мы прижмем тебя еще сильнее?

Пуговицы в порыве злости были застегнуты все, и я осторожно поднялась с постели. Немного шатало и кружилась голова, зато боль почти не ощущалась — так сильно мне хотелось запустить в Аттикуса чем-нибудь тяжелым. Чтобы замолчал, не читал меня, как детскую книгу.

— С чего ты взял, что я хочу избавиться от этого? — голос предательски сорвался. — С чего взял, что знаешь меня?

Он обернулся, явно стараясь смотреть куда-то в сторону, но, заметив, что я стою, посмотрел прямо — без усмешки, без сочувствия. А словно... словно принимая то, кем я была — неприкасаемой, беглянкой, вынужденной сматываться, когда кто-то с Острова появлялся в городе, тощей девицей, полной страхов и неуверенности. И отступил.

— Не злись на меня, Дайан, — тихо сказал Аттикус. — Твои страхи понятны и обоснованы, как и недоверие. Но я хочу помочь, просто помочь. И я все вижу. Если тебя смущает моя привычка говорить все прямо — я постараюсь... Впрочем, надо ли?

Он схватил с кресла две разноцветные лоскутные подушки и кинул к прогорающему очагу.

— Садись, прошу тебя. Здесь не ахти как все обустроено, но что-то придумаем. И кофе найдем, и еду. И силы поговорить.

Я послушалась, недовольно, но осторожно сев — повязка на руке была сменена на привычный бинт, явно чем-то пропитанный, но кровь снова выступила, а я, хоть убей, не помнила, где получила рану. Аттикус плюхнулся напротив меня, слегка смущенный и хмурый.

Смотреть на него и хотелось и не хотелось — похоже, побочные эффекты меня не отпустили.

— А что ты делал в Каирнах? — задала я самый очевидный вопрос. — Следил за мной?

— Да, — он осторожно взял мою руку, снял повязку и взгляделся в нехорошую, рваную рану. Края уже начали заживать, но я с неприятным холодком видела гной. — Плохо дело. Залечить я тебя смогу, но лучше бы убедиться, что нет заражения. Потерпишь еще немного?

Я кивнула, наблюдая, как он поднялся и отошел к стойке, достал бинты и какую-то бутылку.

— Затянуть рану магией — дело плевое, но убрать воспаление и заражение — умение высшего порядка, увы, я в этом не силен. Но, думаю, все будет хорошо.

— Ты появился в момент, когда я потеряла сознание, — я с трудом выцепила из мешанины воспоминаний нужное. — У тебя руки трясутся. Так почему ты не показался раньше? Ты ведь видел меня?

— Видел? Дайан... я понял, что вы задумали. Твоя идея была? — он уже не смотрел на меня, прочищая рану, а я морщилась, но терпела.

Странное это было ощущение — злиться на него и находиться в таком положении... в зависимом? Меня передернуло. Нет-нет, ни за что. Ничего я ему не должна. Самуэль всегда говорил — принимай все, что предлагают, и сама решай, хочешь ли что-то дать в ответ. Почему с Аттикусом так нельзя?

— Нет, Гуса. Ты пришел очень вовремя, — все-таки не удержалась я. — Как ты это назвал — соприкасаться сознаниями? Это было отвратительно, словно я превратилась в половинку личности. Одни мысли — есть, есть, поймать, убить, спрятаться. Кажется, я все вспомнила. Это... это нормально, когда воспоминания после превращения приходят не сразу. Но зато я теперь знаю, что не укусила Гуса. Хоть и хотела.

— Поверю тебе на слово, — усмехнулся Аттикус. — Гуса и я иногда покусать хочу и еще пару затрещин надавать. Все время забываю, что он уже взрослый и наши пути разошлись... Что? Ах, да... Сознания зданий примитивны. Но никаких последствий не будет, если интересно. Я осмотрел тебя, пока ты спала, все в порядке.

Я с силой сдержала очередное «спасибо» и просто кивнула. Аттикус смотрел на меня спокойно, не насмешливо, как Гус, а с теплотой. Я снова опустила взгляд.

— Думаешь про Гуса, — угадал Аттикус. — За него не переживай, повторяю, он выберется. Что угодно поставлю, он не впервой там шастает. С него станется, Дайан.

— У него нет чувства самосохранения? — потрясенно спросила я. — Мне бы в голову не пришло сделать что-то подобное.

— Гусу надо как-то выживать, — улыбнулся Аттикус, перетягивая мне руку. — Что странно, мы его этому не учили. Как говорят — ученик превзошел учителя, наверное, это оно и есть. Могу гордиться, как полагаешь?

Тень сидел рядом со мной, держась за мою раненную руку. Боли больше не было: ни в теле, ни в руке, хоть и выглядела она отвратительно.

— Пока ты спала, кое-что произошло: убита Виктория, — сменил он тему.

— Что? — я попыталась вскочить.

— Сиди, я сказал! — неожиданно разозлился Аттикус. — Ты хоть когда-нибудь слушаешься? А впрочем... — Он махнул рукой. — Кто-то убил Викторию — ее нашли прямо на Рыночной площади часов шесть назад, пока ты спала. И ее подданным это не понравилось. Естественно, подумали на Аскетов, кому она еще так мешала? Была страшная драка, кажется, погибли шестеро или семеро с обеих сторон, пара стражников и несколько простых горожан, случайно оказавшихся в том месте. Крови натекло, в общем, море.

Опять. Но Аттикус не выглядел недовольным, скорее обеспокоенным и напряженным.

— А Виктория, как ее убили? Кто, ты ведь знаешь, правда?

— Истыкана стрелами, будто еж, — поморщился он, все еще легко сжимая мою руку. Браслет, ничем не прикрытый, рассказывал обо мне все, что Аттикусу знать было не нужно. И я ничего не могла поделать, только сжимать его руку в ответ и надеяться, что он никогда не затронет эту тему — ни с кем. — Нет, Дайан, откуда мне знать, я ведь шел за тобой. Что за прелестная обязанность — спасти жизнь прекрасным девушкам, а?

Он вновь тепло улыбнулся, и мелкие морщинки тут же собрались вокруг его глаз.

— Ты ведь мне кофе обещал, — напомнила я, не в силах смотреть на него и ждать. Только чего?

— Прости, конечно.

И пока он возился, я пыталась понять, что же меня зацепило в его словах о Виктории. Истыкана стрелами — странная смерть. Непохоже на месть Аскетов.

— Так значит, все сейчас ищут виноватых?

— Очень активно, — кивнул он, ставя турку на угли. — Виктория много кому мешала, сложно даже сказать — кому больше. Но Аскеты — это самое очевидное решение, они вечно были на ножах. Но, знаешь, немного цепляет способ...

— Стрелы? Аскеты ими пользуются, но если я что-то и знаю о них, то уверена, что они воспользовались бы молотами. Это в их понимании честнее.

Аттикус поморщился, странно на меня взглянул и спрятал лицо в руках.

— Эй? Что такое? — забеспокоилась я и снова попыталась встать.

— Сиди, пожалуйста, сиди. Все в порядке, я просто устал.

Я закусила губу, что тут надо было сказать? Отдохни? Как-то это слишком... интимно?

— Может, ты поспишь, а? Я подожду тебя здесь, никуда не буду высовываться, обещаю. Тем более с такой рукой особо не побегаешь.

В конце концов, он столько раз меня уже спасал, почему бы не посочувствовать немного? От меня не убудет.

— Конечно, ты подождешь, — передернул он плечами. — Но нет. Не переживай. — И снова тепло улыбнулся, будто извиняясь.

Смерть Виктории. Аттикус приложил руку к убийству, но зачем? Единственный мотив, который приходил в голову — Виктории отомстили за гибель Вольфганта, но я почти сразу отмела эту мысль. Может быть, все же Аскеты? Она сама опасалась, что те догадаются, кто замешан в гибели братьев. Но Поющий лес уже полыхал бы так, что Фристада задохнулась в дыме. Нет, нет.

— Не расстраивайся, скоро все закончится, — Аттикус, улыбаясь, снова сел рядом и прикоснулся к моей здоровой руке. — Нужно только собрать все силы и найти эту проклятую Книгу. Не могу поверить, что вы искали ее в Каирнах.

— Я и сама теперь не могу, — призналась я. — Но все казалось логичным, понимаешь? И Гус говорил, что меня что-то тащит. Но... я помню события, а вот мотивы уже нет. Слишком там много магии, я растерялась. И еще этот голос и шепот. Аттикус, ох, у тебя руки холодные... Ты мне все-таки объясни, почему я до сих пор под твоими побочными эффектами?

А он между тем рассеянно гладил меня по плечу. Остановился и удивленно посмотрел на меня.

— О чем это ты? Ах, да...

И замолчал, вдруг весело улыбнувшись. Он вообще сегодня слишком часто улыбался.

Кажется, я сказала что-то не то.

— Ты позволишь мне быть откровенным?

— В данной ситуации откровеннее быть просто некуда, — вздохнула я, молясь про себя не услышать что-то уж совсем неприятное. — Давай.

— Боюсь, никаких эффектов уже давно нет, — кратко сказал Аттикус.

И что вот тут ответить? Ну и дура же я...

— А теперь давай о другом. Заранее прошу прощения за эту тему, но мне не дает покоя. Если ты хочешь снять браслет... я могу помочь, Дайан. Обещаю не пользоваться этим знанием в недобрых целях, правда. Веришь мне? — И посмотрел так, что я поверила вопреки всему.

Ярко тлели угли в очаге, варился кофе, а я неподвижно сидела, чувствуя, как под холодной рукой Аттикуса щиплет кожу. Ситуация была неловкой.

— Я... если ты можешь... Я очень хочу. Даже не знаю его, этого мальчишку. И я спрашивала Гуса, но он испугался, сказал, что не справится, ведь даже Самуэль не смог.

— Гус хороший друг, — грустно улыбнулся Аттикус, почему-то не удивившись. — И он сказал правду. Ни Самуэль, ни он. Но я могу.

Я осторожно потянула руку. Так все просто, надо только ответить «да», и я уже, облизав губы, открыла рот, как кто-то постучал в деревянную крепкую дверь, и Аттикус сразу изменился в лице.

— Будь здесь, Дайан, — поднимаясь, приказал он очень сурово, — и что бы ни случилось, не выходи.

Глава сорок вторая

Я и не собиралась никуда выходить, в конце концов, это были дела Теней, а я и так влезла в них по самую маковку и дальше была не намерена. Может, пришли сообщить, что там с убийством Виктории, и я решила, что узнаю все позже, и подвинулась ближе к огню, стремясь прогнать из тела дрожь. Аттикус вышел за дверь, я осталась одна.

За окном наливался невидимый пока еще рассвет, и как всегда в это время суток реальность казалась зыбкой и расплывчатой, распадалась на кусочки и снова складывалась, скрепленная кучей бессмысленных фраз и образов.

Я помотала головой, прогоняя сон, и уставилась на огонь.

— Дурак бы я был, если бы стал тебя искать где-то еще.

Гус! Я дернулась, словно в меня попали сотни ловушек. Гус определенно живой и, возможно, здоровый, а еще, кажется, невероятно злой. Я никогда не слышала у него такой голос — полный ненависти, дрожащий, и Аттикус ничего не отвечал. Я застыла. Гус! Зачем он пришел сюда?

Но Гус был не тем человеком, который способен причинить кому-то зло. У него была тысяча поводов оторвать голову лично мне, и хотя я понимала, что он опять же этого делать не станет... А за дверью было тихо. Тихо?

Тихо? Холод, отогнанный испугом и беспокойством, почувствовал слабинку и вернулся, обнимая тонкими ледяными щупальцами. Он назывался «чувство вины».

С чего я взяла, что Гус не способен?..

Я поймала себя на том, что уже стою возле двери, прислушиваясь. Ни звука, ни шороха. Что это было? Гус... убил Аттикуса и ушел? Можно ли убить Тень? Наверное, да, если убийца — тоже Тень.

Сердце колотилось где-то в животе, трепыхаясь колкой льдинкой. Нет, нет-нет-нет.

Я приоткрыла дверь, осторожно просунула голову и заставила себя осмотреться. Тела нет, и насколько я вижу, крови нет. Выходит, они оба ушли? Что же это, Гус подозревает, что Аттикус причастен к смерти Виктории? Ему что за дело, или — что я, собственно, знаю о нем?

Тишь, может, мне просто пора бежать? Не к Самуэлю, а из Фристады?

В глубине дома что-то упало, а потом продолжительно звякнуло, будто разлетелось окно, и это было единственным звуком. Я не знала, смогу ли я скрыться, обычно я отлеживалась пару дней после превращения, но сейчас... сейчас медлить было нельзя.

Я метнулась в комнату, выискивая взглядом хоть что-то, похожее на оружие. У меня было оружие, но Аттикус вместе с сумкой забыл его в подzemельях, и что я знала точно — я за ним никогда не вернусь. Кухонный нож должен был подойти, если что.

Сжимая это поварское недоразумение в здоровой руке, я как была, в рубашке Аттикуса, выбежала в коридор и опять прислушалась. В какой стороне был звук?

В этом доме, наверное, мало кто жил. На этаже всего две двери, но там — там разбилось окно, значит, надо понять, откуда тянет воздухом. Мне показалось, что сверху, и я начала подниматься по лестнице, ловя по пути странные мысли. В слабом свете свечей я видела давно осевшую пыль и мелкий мусор, который часто налетает с улицы сквозь плохо пригнанные оконные рамы. Этот дом принадлежит Теням? Аттикусу? Поэтому Гус знал, куда ему направляться?

— ...ваши проклятые заморочки. Рем-то сам как считает — повелся я на его посулы или нет? Аттикус, мне давно не пятнадцать, перестань корчить великого учителя и разинь наконец рот. Удивись, что ли, разнообразия ради?

Никакого ответа. Голос Гуса, а значит, он еще не совершил непоправимое, но я взлетела на этаж и сразу заметила следы на полу. Это заставило остановиться: я, возможно, сейчас и невидима, но я не могу летать.

— Может, спросишь, доволен ли я? — продолжал Гус уже тише, и я с трудом разбирала слова. — Я нашел эту дрянь, когда Дайан сбежала. Кстати, где она?

— В безопасности, — коротко отозвался Аттикус.

Гус хохотнул — своего он добился, Аттикус начал ему отвечать. Я все стояла, не зная, подойти ближе к двери или не стоит. Но я уже наследила порядком, только идиот не поймет, что я сюда поднялась. Но ни Гус, ни тем более Аттикус... или наоборот, ни Аттикус, ни тем более Гус идиотами не были.

— Так я и думал. Ты шел за нами, и ей я не сказал только лишь потому, что... — Мне показалось, что он махнул рукой, а Аттикус перебил его. — Брось! — Гус словно специально повысил голос. — В этой вашей вшивой казарме кроме тебя нет ни единой души.

Я пошевелилась, стараясь не издавать ни звука и сжимая ненужный, наверное, нож. Прямо сейчас я могла узнать, что случилось тогда между ними. Не то чтобы это меня занимало, но я хотела быть в курсе. Аттикус что-то ответил, и Гус сразу притих. Что он сказал? Что мы здесь не одни?

Я смекнула. Тишь, я просто бестолочь! И приблизилась к двери, стараясь наступать точно след в след, и у цели обернулась — похоже, я все-таки не очень себя выдала.

— ...рванула куда-то и я понял, что мне ее все равно не догнать, а ты отираешься где-то рядом и бросишься ей на помощь, рыцарь в доспехах, ха-ха, я сообразил, куда мне идти...

— То есть Дайан тебя смущала?

Что? Я чуть не поперхнулась слюной. Вот это мне уже абсолютно не нравилось. И что нашел Гус? Но как же ему удавалось разводить Аттикуса на откровенность. Выходит, у Тени могут болеть старые раны, и имя одной из них, как ни парадоксально, — Гус.

— Меня смущало то, что я шел за ней, — бросил Гус с торжеством победителя. — Инстинкты, и что там еще вещал этот идиот...

— Ты говоришь про Незримого, — сдержанно напомнил Аттикус.

Они говорили теперь очень тихо, но я их слышала. Мне приходилось напрягать слух, и лишь потому, что превращение только закончилось, я различала слова, хотя и теряла их часть.

— Да хоть про самого герцога. Даже Тень оставляет следы, Аттикус. Я пошел по следам. Не смотря на восставших, в самое логово этих тварей. Восставшие наверху были слишком спокойными. Дайан — милая наивная девочка, и клянусь тебе, если я вдруг узнаю, что ты причинил ей вред, прикончу тебя этими вот руками, можешь не сомневаться, что сил и навыков у меня хватит. Так вот, дорогой мой учитель, ваша сраная трижды Книга не мутила монстров, она успокаивала их. Как забавно, да? Обхохочешься.

Книга. Гус нашел Книгу. Я не верила своим ушам и не понимала, о чем он говорит. Все ошибались, и Рем, и сам Аттикус, и я в том числе? Твари лезли в город, повинуюсь обычному голоду, а уходили, потому что Книга сама утоляла его? Вольфгант не хотел никому зла, он хотел успокоить монстров, а вышло... как вышло?

Мысли бегали в голове на удивление споро, подкидывая варианты, как монетки. Кто-то

зашуршал чем-то еле слышно, Гус засмеялся.

— Артефакт, Аттикус. Но это умно. Контрмеры, как это похоже на вас.

— На тебя тоже, — прервал его Аттикус, и я распознала усмешку. — Ты ведь Тень.

— Да, — не стал спорить Гус. — Иначе я в жизни бы не разгадал ваши ребусы. Вы не знали, где настоящая Книга, положили в Каирны усмиряющий артефакт. Он, правда, на редкость паршиво работал... поэтому Рем так спешил. Но я нашел, где толпой дрыхнут восставшие, прошел мимо них, и они даже не почесались. Комплимент твоему уму, а теперь скажи мне, распоследняя дрянь, почему именно я? Почему Дайан?

— Сядь.

Наверное, Гус попытался вскочить и по привычке побегать по комнате, но я этого больше не слышала. Рем и Аттикус загнали нас в западню? Или мы совершенно случайно наткнулись на имитацию Книги, задача которой была хоть немного сдержать этот кошмар?

— Хрена с два, Аттикус, и скажи спасибо, что я еще не выбил тебе все зубы. А я мог бы и сразу до этого допереть, когда увидел сидящих на месте хохотунов. Их, видимо, крепко прибило, вот они и не лезли с «Колючки». Ну и еще кое-что...

— Например?

Аттикус был спокоен. Настолько, что я вслед за Гусом начала свирепеть, мне захотелось вонзить нож с размаху в деревянную дверь. Они знают, что я слышу каждое слово? Чувствуют меня оба? Или нет? Наверху закашляли, и я поняла, что все же в доме еще кто-то живет. Кто-то из Теней, разумеется.

— То, что твари поспешно валили обратно в дырки. То, что вы не особо дергались, хотя тысячу раз могли схватить Вольфганта. Да ладно, кто просил вас отрубить ему башку, швырнули бы его в Алые Кресты. Впрочем, сейчас он такой же дохлый, как и восставшие, какой с него спрос. Интересно, не ты ли лично приложил к этому руку?

— Ты уже забываешься, — Аттикус по-прежнему был если и не спокоен, то успешно делал вид. Если бы я не слышала ненависть в голосе Гуса, могла бы подумать, что они обсуждают рутину. Кто-то что-то кому-то вдруг не сказал, совершенно не важное. — Оставь это здесь и иди.

— Да пожалуйста, — фыркнул Гус. — Как бы это сказать тебе прямо, Аттикус? Пошел в задницу со своей Книгой. И Рема с собой прихвати, так ему и передай.

Я едва успела отскочить в сторону, кляня себя за промедление, как Гус распахнул дверь, кошмарно ругаясь сквозь зубы, и мне стало не по себе от этих бранных слов. Я стояла, обхватив себя руками за плечи, и ждала, что Аттикус окликнет меня. Но он не спешил.

Не торопился и выходить. Я подумала, что у него здесь еще одно убежище, а еще подумала, чем объяснил Аттикус Гусу то, что не пригласил его в ту квартиру. Может, Тени водят сюда веселых девочек? Не могут же они настолько блюсти целибат...

Аттикус за дверью распахнул окно, хлопнула дверь вниз — Гус ушел, и мне пора было возвращаться.

Аттикус не вернулся.

Кофе давно закипел и забрызгал все вокруг, я бросила нож, сняла запачканную турку с огня и зачем-то села на кровать. Мне было все еще плохо, стоило лечь или уйти прочь, но меня мучило любопытство. Гус нашел артефакт, но не Книгу. Может, именно это и было причиной, что Аттикус так уверенно заявлял — я сброшу наваждение Каирнов...

Но не сказал мне об этом, так почему? Почему?

Остаться или уйти? Что я узнала такого, о чем знать была не должна? Ничего. Просто подслушала чужой разговор, но когда речь идет о Тенях, не может быть ничего слишком тайного. Все, что они хотят скрыть, они скроют, так что или они считали меня абсолютно никчемной, или допускали, что я развешу уши. Так-так.

Доверие это или что-то иное?

Я свернулась на кровати, снова чувствуя, как ноет рука. Браслет. Доверие. Мой брак. Наверное, нет, торопиться не стоит, и почему Гус считал, что Аттикус способен причинить мне вред? После того, как я его бросила, после всего. Он хороший друг. Очень хороший друг.

Быть бы ему хоть немного... чистоплотнее.

Кофе все еще очень хотелось, так что я в конце концов встала, вылила переваренные остатки в раковину, сполоснула ее и вновь поставила турку на угли, заодно подкинув пару поленьев, которые не скоро займутся. Но разве это мое дело, Аттикус здесь хозяин. Я всего лишь гостя, которая зачем-то ему нужна.

Истыкана стрелами, как еж. Виктория не шла из головы, как не шел и задерживающийся Аттикус. Пусть он сейчас заботится обо мне, потому что я должна найти Книгу, но ведь ему и в голову не пришло пасти Гуса — почему? Потому что тот более опасен, чем я, менее... наивен? Чувшь какая, хотя Аттикус мог так считать. В глубине души я понимала, что, возможно, вела себя не совсем верно с ним, но как? Полностью закрыться, как я делала в начале — тоже не выход. Получила ли я хоть какую нужную информацию после того, как разоткровенничалась и развесила уши?

Но Перевернутые боги, как он хорош... И опасен.

Рука болела все сильнее, и я сидела на подушках, баюкая ее, словно младенца, и карауля кофе. За окном пронесся порыв ветра, хлопнула дверь и вернулся Аттикус — хмурый, раздраженный. Ну это понятно, попробуй молча выслушать орущего Гуса. Я бы наорала в ответ.

— Извини, мне пришлось задержаться.

— Что-то случилось? — невинно спросила я, но Тень передернул плечами, не желая отвечать.

Вот тебе и доверие, Дайан. Ни слова лишнего, сплошная сладкая вода. Тони в ней, барахтайся, как в сиропе, и, может, тебя вытащат.

Сжавшись в комочек, я наблюдала, как Аттикус шуршит бумагой, что-то доставая — свечи почти прогорели и было плохо видно, а затем поленья неожиданно занялись и из-за резкого света я перестала различать детали. Огонь отбрасывал причудливые блики, и казалось, что полуседые волосы Аттикуса становились то рыжеватыми, то возвращали свой естественный темный оттенок. Он не спросил, что случилось с кофе, решив, вероятно, что я просто уснула. Подумаешь... явно не тот вопрос.

А может, и не вытасчат.

Аттикус мрачно молчал, но и молчать с ним было удобно, особенно после того, что я услышала. Я изредка бросала на него быстрые взгляды, пытаюсь понять, о чем он думает, но Аттикус меня игнорировал.

— Когда все это закончится, — спросила я, морщась от боли в руке. — Что будет?

— Прости? — слабо удивился он.

— Ну... что будешь делать ты, — глупый вопрос, но я хотела посмотреть, как он станет изворачиваться. — Тебе не нужно будет следить за мной, делиться силой, и все это вообще, — я обвела квартиру здоровой рукой.

Кажется, он улыбнулся, но так же слабо, как и удивился, собрался промолчать, но я смотрела неотрывно, и Аттикус понял, что от ответа не уйти.

— Сомневаюсь, что ты хочешь услышать, как я перечисляю свои дела, да? — он вернулся ко мне с тарелкой, полной бутербродов, и парой чашек для кофе. Сел напротив и пристально посмотрел в глаза. — Конечно, нет. Но не могла бы ты задать вопрос конкретнее?

— Вот уж сомневаюсь, что тебе понравится конкретика, — усмехнулась я. — Но пожалуйста. Ты все это делаешь для меня, потому что я должна найти Книгу? Ты мог бы отправить меня к Самуэлю, а не возиться здесь столько времени. Ты... понимаешь, какой ты странный? Просишь доверия и ничего не говоришь. Слова и поступки слишком уж разнятся, и я не могу сообразить, что ты за человек. Легко, конечно, послушать Гуса и принять его мнение, тем более что он тебя прекрасно знает. — Лучше некуда. — Но Гус и я — разные люди. Мы найдем Книгу, ты исчезнешь из моей жизни, забудешь, потому что... — я поморщилась, вспоминая надпись в Цитадели. — Отстраненность не есть равнодушие, как-то так?

— Что за глупости, Дайан, — возразил Аттикус, поднялся и снял турку с огня. — Зачем мне это делать?

— Нет-нет, это не ответ. Говори прямо, иначе... иначе я уйду.

Он кивнул.

— Пока ты спала, я много думал о тебе. Не смотри так, я всего лишь хочу затронуть тему твоего образования. Девочка ты способная, я мог бы помочь тебе. Не потому что я хочу тебя использовать, — он едва не рассмеялся и потер лицо рукой, будто отгоняя наваждение. — А вот работать с тобой, не сейчас — потом, был бы не прочь. Ну и... я ведь не просто так предложил снять браслет. Если бы ты мне позволила стать немного ближе и откровеннее. Но я смотрю на тебя и вижу, что ты боишься, не доверяешь, ждешь подвоха. Это оправдано, но и связывает мне руки в определенном смысле.

Он налил мне полную чашку кофе и пододвинул тарелку.

— Ешь, Дайан. И послушай еще. Я вовсе не теряю время и не вожусь, как ты выразилась. С тобой находиться приятно и спокойно, хоть твои поступки порой и заставляют удивляться, но ты совсем молода и не видишь этого. А я вижу потенциал — огромный, а с моей помощью — бескрайний. И я готов помочь, но вот уже по твоим глазам замечаю, как ты просчитываешь, что должна будешь отдать в ответ. Ничего. Просто попробуй это принять.

— Почему? — застыла я с поднесенным к губам кофе. Он пах одуряюще, но человек рядом казался намного важнее. И ответ услышать тоже было важно.

— Потому что ты мне нравишься, — просто ответил Аттикус и улыбнулся. — Без всяких почему. С кем другим я поступил бы более равнодушно. Да, так же вытаскил из Каирнов и

следил бы. Но никаких разговоров, привязанностей. О тебе думать приятно — ты славная, чистая. Как давно я не встречал людей, которые просят о доверии не для того, чтобы им воспользоваться в своих целях. А просто для комфорта.

— О, я... я. Запуталась. Столько всего изменилось за эти дни. Монстры, город тонет во тьме, и я не понимаю, что делаю.

Объяснить что-то толком вдруг стало сложно, почти невозможно, потому что он опять сидел напротив меня, смотрел так просто, так спокойно, словно мы знакомы тысячу лет. И все правильно — пазл складывается в картинку, не мрачную, не ту, что царил за окном. Аттикус улыбался и, кажется, меня понимал.

— Я знаю, что такое — оказаться на распутье. Но потом ты поймешь, что все делала правильно. Потому что главное — это действовать, а не рефлексировать. Не доверяй, поступай, как сама считаешь нужным, и никогда не прогадаешь. Никогда не слушай ни Гуса, ни меня, ведь никто из нас не знает, что лучше для тебя. Но все же... мне нравится, когда ты рядом. И я очень хотел бы продолжения этой истории.

Я поежилась и грустно улыбнулась. Про Гуса и артефакт Аттикус не сказал мне ни слова. Доверие, или — что мне в принципе положено знать.

— Если мы выживем.

— Пожалуй...

Я наконец сделала глоток кофе, зажмурилась то ли от удовольствия, то ли от боли в руке, а может, от смущения. И почувствовала, как Аттикус пересаживается еще ближе.

И я плюнула на все — на предупреждения Гуса и Самуэля, на свое мнение — было слишком хорошо. Так спокойно, как ни разу за этот год. Я сжала руку Аттикуса, лежащую на его колене, и увидела, как его пальцы переплетаются с моими.

— Не могу определиться, что делать, — тихо сказал он, не отрывая взгляд от наших рук. — Один вариант страшнее другого, но бездействовать нельзя.

Я промолчала, ожидая продолжения. Аттикус улыбнулся еще шире.

— Раскаль, Дайан. Если вы не найдете Книгу, придется решать все иным путем. Более болезненным, как века назад. Но на улицах за эти дни и так погибло много народу, и разве не наша обязанность сохранить жизни горожанам? Но Рем не торопится что-то предпринимать, все чего-то ждет, и хотелось бы мне понимать его. Впрочем, тебя это волновать не должно.

И это было уже ближе к истине. Доверие в понятии Теней — что-то, что подразумевает неведение одной из сторон. Меньше знаешь — крепче спишь.

— Ты мог бы занять его место. Наверное... ты таким быть сможешь.

Я отвернулась, не зная, зачем он вдруг об этом заговорил, и почувствовала, как он, отпустив ладонь, осторожно привлекает меня к себе.

Из головы тут же вылетели и Раскаль, и Гус, и смерть Виктории. Я осторожно взглянула на Аттикуса и, встретив внимательный взгляд, обняла его. Разговаривать расхотелось, кофе тоже остался стоять едва тронутым, потому что, оказывается, я очень ждала этого. И на руку тоже плевать.

— Когда-то я мечтал стать Незримым, это правда, — спокойно сказал он. — Но годы, проведенные в Ордене, наглядно показали мне, чего стоит этот пост. Такую цену я платить не готов.

— Какую?

— А сама как думаешь? Время, нервы, привязанности, всего этого у меня и так слишком

мало.

Я прижалась к Аттикусу, чувствуя странную, щемящую нежность внутри, и отчаянно боялась сделать следующий шаг — еще ближе. Он меня обожжет, сожжет дотла? Или и дальше мне будет так же хорошо? Этот человек был слишком сложен для меня, непонятен, он обманывал меня, говоря откровенно, но меня тянуло к нему так сильно, что я готова была наплевать на все доводы разума. Какое разум имеет значение, когда тело говорит, что все верно? Огонь в очаге, остывающий кофе, смешные разноцветные подушки и сильные руки, что меня обнимают и дарят покой. Разве может быть, чтобы Аттикус и это делал из чистой выгоды — какая она может быть от разговоров ни о чем и объятий?

Я развернулась к нему, обняла сильнее и, решившись, прошептала:

— Мне так хочется, чтобы ты сейчас не врал...

Глава сорок четвертая

Аттикус, улыбаясь, отстранил меня и заправил волосы мне за уши, а после нашел мою ладонь и в очередной раз сжал ее в руке. Он делал так, словно не хотел терять со мной связь, и я не знала, как реагировать.

— Я не лгу тебе, Дайан. Как доказать тебе это?

— Просто быть рядом? — неуверенно спросила я. Ему стоило бы уточнить — «Не лгу тебе прямо сейчас». — Мне хочется тебе верить, но все мое существо кричит, чтобы я бежала от тебя. Ты... ты мне нравишься. Ты необычный, с тобой спокойно. Но все выглядит как одна большая маска, — голос вдруг сорвался до хриплого шепота. — Ты в один миг все разрушишь, бросишь на алтарь Фристаде и меня, и Гуса, и всех. И саму Фристаду потом, когда придет время.

— Понял... Дайан, ты правда думаешь, что я позволил бы себе так с вами поступить?

Я немного смутилась и пожалала плечами. Хорошо, он даже обиделся, а Гус? Гус говорил, что так и будет, и Самуэль меня предупреждал. А еще Гус нашел то, что не должен был находить, и Аттикус не сказал мне об этом.

— Ты действительно так считаешь, — он был удивлен. — Послушай, не я выбирал тебя на эту роль, я как никто вижу, что она тебе не подходит. Но сложилось, как сложилось, никто не способен повернуть время вспять и переиграть. Воспринимай все это как прилив — сегодня многое затоплено, но завтра ты найдешь ракушку с жемчужиной. Как я нашел ее я.

Я непонимающе смотрела на него. Что за жемчужина? Я? Или...

— Но ты мог быть честнее со мной, — заупрямилась я, не в силах разорвать мягкое рукопожатие. — Изначально...

Или Гус. Гус, это была его идея с Каирнами. Гус, ведь Аттикус допускал, что он найдет эту Книгу. И не мешал.

— Смешная девочка Дайан, — нежно улыбнулся Аттикус. — Нельзя быть честным в такой игре. И ты не была, в чем не ошиблась ни на йоту. Никто не честен в сделке, понимаешь?

Особенно в такой, особенно когда ставки высоки.

— А сейчас?

Гус был честен, и напрасно я этого не ценила.

— Как видишь, — Аттикус поднес к лицу мою руку с браслетом. — В Ордене не обрадуются, если узнают, что я привел тебя сюда, но какое мне дело. Им многое не нравится.

Я невольно восхитилась, это надо же так уметь — ничего по сути не сообщить, но казаться таким убедительным. Меня тянуло к нему — с того момента в кабинете Рема, когда накрыло усталостью и магией в очередной раз, и я заколдована до сих пор, но нет уже никаких побочных эффектов, это что-то иное. А Аттикус будто читал меня.

— Ты так сильно стараешься меня убедить, что все правильно, Аттикус. Чересчур пытаешься, меня тошнит от этого, понимаешь? Я хочу тебе верить, правда. Но что-то мне не дает.

Он нахмурился, не отводя взгляд, немного пожевал губу и пожал плечами, приняв наконец какое-то решение. Но не выпустил мою руку, и все было по-прежнему. Он, я и это

странное чувство влечения и недоверия одновременно. Я опустила голову и уставилась на свои колени.

— Когда я узнал, что к поиску Книги хотят подключить Гуса, то был против, и вот об этом я даже сказал, неоднократно и весьма убедительно. Гус может считать меня каким угодно чудовищем, но это я его подобрал, я растил и учил. Я знаю его как никто, и ты сама видишь, кем он стал. Оболтусом, но он умеет думать и знает, чего хочет. Вопреки всему, что он про меня наговорил, именно это я хочу видеть в каждом послушнике, что ко мне приставляют. Я вижу в них азарт от открывающихся тайн и возможностей, от перспектив изменить мир, но никогда — изменить себя, стать лучше. Быть самим собой, на своем месте, просто выполнять работу. Таким пытаюсь быть я, но у Гуса выходит куда лучше. И страшно, что я его потеряю.

Причина, по которой он проглотил все оскорбления бывшего воспитанника? Не возражал, так, вяло отбредивался, старался осадить, но не поставит на место, как ни крути, между этими словами есть разница. А разве он не потерял Гуса много лет назад, разве он сейчас не живет иллюзиями? Но неожиданные откровения выбивали из колеи, и я боялась смотреть на Аттикуса — каково его лицо сейчас? Он все еще хмурится?

И все же один раз исподтишка взглянула — он был красив даже в свои годы, несмотря на седые волосы и тонкие морщины у глаз и рта, а ведь ему наверняка больше сорока. Да и Гусу было отнюдь не двадцать, и если Аттикус растил его — Тишь, сколько же ему лет?

— А сколько тебе лет? — спросила я невпопад, толком не понимая, как реагировать. Надо было что-то сказать, разорвать эту вязкую пелену недоброго молчания, оно затягивало, совсем как разум Каирнов.

— Пятьдесят шесть, зачем тебе? — Удивился Аттикус или нет, но ответил без промедления. Тоже был рад, что я увела разговор в сторону? Сложно, сложно. Очень сложно, я плутаю как в катакомбах.

— Так, — уклонилась я от ответа. — Гус тебе небезразличен, но ты ходишь по пятам за мной, а не за ним? Почему, раз ты боишься за него?

Вопрос застревал в горле, Аттикус не казался мне человеком, способным испытывать хоть какие глубокие чувства, может, в этом все дело? Говорит он одно, вижу я другое, и это... как кукольное представление. Кукольник искренен там, за ширмой, а у куклы пустые глаза и никаких эмоций на искусно нарисованном лице. Но, взглянув еще раз на него, я заметила беспокойство.

— Мой голос как пристрастной персоны не был засчитан на голосовании. Рем, как ты понимаешь... — он досадливо поморщился. — Хотел я Гуса предупредить, но... не увидел смысла.

— А я? — кружка с кофе оказалась спасением, без нее можно было утонуть в той тихой, тщательно скрываемой боли, что звучала в его голосе.

И все равно это была роль кукольника. Верю тому, кто дергает ниточки.

— Я не думал, что ты такая, Дайан, — прошептал Аттикус. — Неопытная и маленькая. Оборотень, а тем более сбежавший из стаи и выживший, как правило, значит опасный и сильный оборотень. И у меня нет предубеждения — в ордене есть Тени, женщины, которые будут пострашнее и меня, и Рема, возведенных в квадрат. А когда увидел — помочь уже не мог.

Резко и натужно взвыл ветер и бросил в окно пригоршню грязи — вновь начинался шторм, что за июнь такой, тоскливо подумалось мне. Ни единой радостной мысли, только

горе и кровь. И вот Аттикус... такой. Кукловод и кукла в одном лице, книга, на которой цепи и амбарный замок. И привязанность к Гусу, откуда в такой глыбе льда место для чувства?

Мое чутье — то, что оставалось еще после превращения, ничего не имело против того, что я собиралась сделать. Мое тело не возражало, а разум был занят другим.

Я оставила кофе и протянула к Аттикусу руку, чтобы прикоснуться, но не поддержать, нет. Зачем? Прикоснуться еще один раз, прежде чем я уйду. Кто знает, увидимся ли мы снова — наверняка да, но тогда все будет по-другому. Он будет Тенью, а не растерянным человеком, явно пытающимся справиться с беспокойством и горечью. Тенью без каких-либо моральных границ, с которым мне не по пути. Он прав, я совсем молода и неопытна, мне стоит поверить тем, кто мудрее меня и никогда не желал мне зла.

Но в следующий момент Аттикус сделал то, что вдребезги разбило мою решимость и оставило силу воли лежать побежденной.

— Ты примешь мое предложение, Дайан? — он так серьезно посмотрел на меня — без просьбы, без боли, но наконец-то там, за серостью глаз, проглядывало что-то человеческое. Что-то нормальное. — Просто так, без платы, без услуг, я никогда ни о чем не попрошу тебя. Всего лишь хочу...

Аттикус поморщился, но взгляда не отрывал.

— ...Гус был таким же, как ты — простым и честным, осторожным. И я сломал его жизнь, пытаясь дать лучшее, что было во мне. Насильно, не спрашивая, хочет ли он. Этой ошибки я больше никогда не повторял. И, может быть, потом ты сможешь помочь ему, если захочешь. Покажешь мне, как нужно... Извини, глупости все это.

Он тряхнул головой, а я так и застыла с вытянутой рукой в нелепой позе. А за окном расходился яростный ветер. Я ведь собиралась куда-то идти, не правда ли?

Но вместо этого неуклюже потянулась и позволила себя поцеловать.

Аттикус неторопливо и обаятельно втирался в мое доверие, практически не прилагая к этому усилий. Хотя кто его знает, может, и прилагая. Самое страшное — ему даже не было необходимости врать. Наверное... Стоило только увидеть хоть краешек его настоящего, как все сомнения — не уходили, нет, а становились неважными. Я наконец увидела то, что увидеть давно хотела — что Аттикус человек, не голем, идущий к своей цели, а человек. Пусть и глубоко внутри. Но что это мне в итоге дало?

Аттикус бережно привлек меня к себе и провел рукой по волосам.

— Я боюсь, что не уловила сути вашего с Гусом конфликта, — пробормотала я ему в рубашку.

Аттикус фыркнул мне в макушку.

— Я слишком давил, выжимал из него все, что видел. И вот тебе известный результат... Но ты мне не ответила.

— Зачем тебе я, все это нелепое обучение? Я ведь не способна к магии. Ты... — я чувствовала себя жутко несчастной и одновременно счастливой, ощущая, как его руки меня обнимают. — Ты был откровенен, но опять не о том. О чем ты думаешь, а?

— О тебе. И о нас. Я всего лишь нашел повод видеть тебя, когда причины следить за тобой закончатся. И все остальное тоже правда.

Я не смогла не улыбнуться и подняла голову, встретившись с ним взглядом.

— Это гораздо приятнее, чем думать о проблемах.

— Но разве тебе нужен повод видеть меня?

— Он нужен тебе, глупая. Я же вижу, — Аттикус погладил холодной рукой меня по

лицу.

Захотелось прижаться к его ладони, но я не пошевелилась. Было страшно и непривычно, никогда еще взаимоотношения с мужчинами не заходили так далеко.

— Ты меня немного пугаешь... — призналась я. — И я себя тоже пугаю.

Все стало слишком зыбко. Только что мы говорили о Гусе и вдруг вступили куда-то совсем не туда. Рассудок не затыкался, подбрасывая слова Самуэля, Гуса, Рема, да, даже Рема. «Меня вам не жалко? А Гуса?» Конечно же, нет. А Гус? «Мне не хотелось бы прибегать к силе». Но это опять не то.

Я зачем-то кивнула, не зная, что еще сказать, прижалась к Аттикусу сильнее и закрыла глаза. Голова шла кругом от такой близости, от поцелуя, от поднимающегося внутри влечения. Тишь знает, что это такое, но этого мне нельзя, пока на мне брачный браслет.

Аттикус взял мое лицо в ладони и поцеловал. Никто и никогда так со мной не поступал. Это было тягуче, как слегка горьковатая смола, до мурашек по оголенным ногам, и даже пульсирующая боль в руке стыдливо скрылась. Что я делала? Но как хорошо.

Ветер выл за окном, набрав полную силу, швырял что-то в стекла и всхлипывал над несчастной Фристадой, утопленной этим летом в крови. Где-то там иссеченная стрелами Виктория...

Стрелами? Очень странно.

Мертвый Вольфгант, но никто больше не имел значения. Лесные Чада пусть питают кровью Поющий лес, а я еще позволю себе эту слабость. Совсем немного, еще чуть, и...

Аттикус так осторожно положил меня на подушки, что я едва это заметила, увлеченная новыми ощущениями, и только резкая боль в руке подбросила меня на месте. Я зашипела, и Аттикус отстранился.

— Рука, — растерянно прошептала я.

— Чуть позже я еще раз промою и залечу ее, — серьезно кивнул он, не спеша освободить меня из объятий.

— Не рана, — сказала я и закрыла глаза. Браслет, и непривычно чувствовать себя так неуверенно, словно стоять на тонком льду. Я очень боялась соглашаться, но отказываться от законных поводов часто его видеть не хотелось еще больше. Итак, что Аттикус требует от меня сейчас, какая связь между моим и его желаниями?

Мир постепенно сужался до одного-единственного человека. Это, конечно, скоро пройдет — мне ли себя не знать.

— А если я откажусь? — тихо спросила я, имея в виду все сразу. И обучение, и браслет.

Мне нужно было время подумать, а Аттикус улыбнулся так весело и искренне, что не ответить улыбкой оказалось невозможно.

— Тогда мне придется найти другой повод видеться с тобой, милая, наивная девочка Дайан. Ты мне нравишься, и я знаю, что нравлюсь тебе. Уж прости, но выражение твоего лица сложно интерпретировать как-то иначе. Я не издеваюсь, я просто пытался до тебя кое-что донести. На самом деле мне не так важно, хочешь ли ты получить мои знания, мне важно, чтобы ты была под рукой.

— Ничего себе «под рукой»! — невпопад прошептала я и погладила его по плечу.

— Ох, замолчи, пожалуйста, — рассмеялся Аттикус и поцеловал — коротко и нежно.

Сердце, которое и до этого от волнения билось слишком часто, застучало как сумасшедшее. Я отпрянула, испугавшись, потом передумала и подвинулась обратно. Чего мне бояться, ведь все уже произошло... Почти, дальше меня не пустил брачный браслет.

Как он действует?

Браслет дает мужу возможность направлять меня, как и куда ему заблагорассудится. Если бы брак был консуммирован, я не могла бы сопротивляться. Сейчас у меня еще есть своя воля, я в состоянии быть собой, и только такие вот случаи, как этот, останавливают меня и...

Или?..

— Аттикус, как ты считаешь, — легко произнесла я, — если бы Рем заранее знал о моем брачном браслете, он отправил бы меня искать Книгу?

И мы оказались на равных. В глазах Аттикуса что-то блеснуло холодно и немного зло, и я не дала ему перебить себя.

— Честность, Аттикус. Помнишь? Мы договаривались. Рем не ошибался, когда говорил, что меня должна вести магия Книги. Я ведь действительно... А надо мной оказались властны Каирны, но ненадолго. Почему ты был так уверен, что я сброшу их наваждение? Потому что их разум молод? Не верю.

Я очень хотела, чтобы он сказал правду, но из его взгляда только пропал убивающий лед.

Там, в кабинете Рема, мне было скверно настолько, что я не знала, что хуже, Каирны или Аттикус, ускользящий от меня. Разгадка была прямо перед глазами, и я ее прятала — от себя в том числе.

— Что за книгу ты держал в руках?

Меня к нему все равно тянуло, тянуло так сильно, но в то же время так слабо, я легко способна была сломать свое желание и скомкать его как ненужный мусор. Как и Аттикуса.

В кабинете Рема я ни слова не понимала из того, что он говорил. Тогда — тем штормовым утром, когда никто из нас троих не обращал внимания на разбросанный по комнате мусор, на ветер и грозу, Аттикус смотрел на Рема, а я могла видеть только Аттикуса и едва сдерживала себя, чтобы не подойти, не оказаться в том месте, где он стоял.

К нему ли меня тянуло? Конечно же нет, и только браслет помог не сойти с ума окончательно.

— Дайан? Ты в порядке?

Не было больше ощущения его рук, ни красоты лица, ни обаяния голоса.

— Ты тогда уже начал подозревать, что что-то нечисто, что где-то ошибка. Я ходила вокруг Цитадели кругами, не зная, что вот он, ответ. Какая ирония, меня спасало мое же проклятье. Ты согласился привести меня к Рему, только чтобы проверить свои догадки, но дальше них не пошел, потому что об этом не знал. — И я показала браслет — Аттикус улыбнулся. Я права? Или нет? — И сейчас предложил мне снять браслет, понимая, что он и есть та причина, по которой со мной вы запутались.

Аттикус тогда держал в руках Книгу, настоящую Книгу, и Рем потому наблюдал за ним так пристально, будь я чуть адекватнее, то заметила бы? Не потому ли Рем не предпринимал абсолютно ничего, хоть город и тонул в крови невинных? Потому что Книга уже была у него. Изначально.

— Я не знаю, какой в этом смысл, Аттикус. И я не хочу знать. Самуэль будет волноваться, — закончила я тише, чувствуя себя опустошенной и преданной. Разум дарит печаль, это правда. — Мне нужно идти.

Злобно завывал ветер, сорванные листья и мусор взвивались под порывами и оседали на плечи и голову. Ветер проникал всюду, выметал все тепло, оставляя за собой крупную дрожь. Я шла в одной рубашке, меня знобило, и никто, никто не видел меня.

Тени гнилые, все, все до единой. Верить Теням нельзя, мне ли теперь об этом не знать. Словно в ответ на мои мысли ветер взвыл еще яростнее, и мне пришлось закрыть лицо руками. Потянулись длинные кварталы и улицы. Ветер убаюкивал Фристаду, укрывал горгульи, башни и крыши, пел заунывную колыбельную песнь стоявшим вплотную домам.

Ветер хотел спать — понял, что переусердствовал, потратил все силы. Сказку превратил в плен. Впрочем, ему нравилось, только муравьишки все продолжали исходить недовольством. Я растерянно усмехнулась — такие мысли всегда приходили без предупреждения, без причины, извне. Не расстраивайся, я рада тебе.

Ветер вновь взвыл, окружая колючим коконом. Это было и неприятно, и успокаивало одновременно. Как много, оказывается, противоречий. И главного я не знала — зачем нужно было заставлять меня искать Книгу, которая была в кабинете у Рема. Я не спросила, не имело значения, Аттикус все равно бы не дал мне настоящий ответ.

Фристада готовилась ко сну: уже давно закончили работать магазины, кузницы, мастерские, остались открытыми лишь круглосуточные таверны с вечно недовольными от недосыпа барменами.

Я вышла к форту Флинт. Появился стражник, он шел домой, бедняга — немолодой усатый мужчина спал на ходу, изредка распахивая глаза и мотая головой. Меч на его поясе обреченно болтался в такт неровным, расслабленным шагам. Провожая его взглядом, я вдруг забеспокоилась — а дойдет ли он или свалится где-нибудь за углом?

А потом я почувствовала, как небо снова рушится на мою многострадальную голову. Это было ожидаемо, реально, нечему, казалось, было удивляться. Я увидела того самого бродягу, которому помогла выбраться из Каирнов, и остановилась, смотря на него в немом изумлении.

От шел, а я следовала за ним и не объясняла себе почему, мимо маленькой, украшенной крылатыми статуями часовни Аскетов, которую охраняли два изрядно продрогших брата. Я не могла открываться в таком виде, я привлекла бы внимание, просто шла, терзаемая любопытством. В квартале Эрмет людей было много, и я едва не потеряла своего спасенного. Я даже не успела рассмотреть его лицо. Потом он все-таки скрылся в толпе, и я

заозиралась. На меня налетел какой-то человек, но не заметил, а затем я услышала душераздирающий крик.

Кричала женщина, ее вопль, полный боли и страха, подхватили другие люди, и первой мыслью было — кричит мой спасенный. Дурачок! Сердце мое сжалось, но среагировать я не успела, толпа из арки хлынула на меня, и я еле успела отпрыгнуть в сторону. Люди орали, на лицах был написан ужас, и несмотря на то, что многие мужчины были вооружены, никто не спешил туда, где что-то...

Что-то опять случилось.

Минутали? Гус забрал артефакт, который удерживал их, и вот результат?

Я неожиданно почувствовала себя очень уязвимой. Кровь внутри кипела, а крики, стоны, другие звуки пугали. Я застыла у стены, не зная, что делать. Двое горожан выбежали, таща на плечах истекающего кровью мужчину с тремя стрелами в груди, потом выскочили еще несколько человек.

— Стой! — я схватила пробегающего мимо мужчину за рукав. — Там минутали?

Он резко мотнул головой и вырвался, решив, что голос ему показался. Может, восставшие. Надо было правильное задавать вопрос.

Откуда-то набежали стражники и Аскеты, перегородили арку, и два огромных Аскета выкидывали окровавленных людей в безопасное место. На скамью упала женщина. Она была запятнана кровью и тряслась от несдерживаемых слез, и, глядя на нее, я решила уйти отсюда.

Что бы тут ни случилось, я ничем им не помогу.

Самуэль, я обязана рассказать ему все, пусть он скажет, что делать. Что мне теперь делать, запутавшейся и обманутой. Все, все было напрасно, а Гус еще все усугубил. Потому что Аттикус был занят мной, хотя должен был следить, чтобы мы не взяли этот сдерживающий артефакт. Наверное. Или нет. Будь оно все проклято, никто этого не хотел.

Пара надгробий были украшены трупами стражника и Аскета. Я не знала ни того, ни другого. В груди каждого торчали шесть стрел.

Где-то я уже это видела. Да?

Я заходила в дом, держась за стены и боясь поскользнуться. Тишина вместе с утихнувшим ветром раскинула свои крылья над старым кладбищем и давила на плечи.

— Самуэль! — закричала я. — Самуэль!

Нет-нет-нет-нет. Он сейчас отзовется.

— Самуэль!

Пожалуйста-пожалуйста, пусть его там не было!

— Дайан!

Он выбежал ко мне, я даже не поняла, откуда, схватил меня и прижал к груди. И стало тепло, спокойно, правильно. Так правильно не было никогда.

— Глупая моя, где ты переждала полнолуние? Ты понимаешь, что тебя могли там увидеть?

— Самуэль...

Я не думала, что стану реветь после гибели Льюиса. Не здесь, не сейчас, и предательство Аттикуса — это ведь не так больно? Да и предательство ли, что это значит для Тени? Просто недосказал, приказали нам ясно — искать Книгу, ну вот я ее нашла.

Самуэля ничего не удивляло, или он меня не спрашивал. Почему я в чужой, явно мужской рубашке. Он прошептал только:

— Как ты дошла?

— Скрылась.

— Хорошо, — довольно проурчал он, глядя меня по голове. — Ты уже можешь скрываться, несмотря на слабость после превращения. Ты радуешь меня все больше, Дайан.

Что я сказала? Что готова за Аттикуса отдать Самуэля? Я так сказала? Воистину Перевернутые боги, когда вы хотите наказать, лишаете разума. Не поступайте так больше со мной, я не заслужила. Пожалуйста.

Там, в городе, все проваливается в бездну в очередной раз. На нашем кладбище снова трупы.

— Скажи мне, — прошептала я, отстраняясь и внимательно глядя Самуэлю в глаза. — Скажи, почему ты забрал меня от Мэг? Что во мне было такого? Мой дар?

— И это тоже, — ласково произнес Самуэль. Тишь, мой бесценный, бесценный старичок, самый дорогой и важный на этом свете! — Я понял, какой ты алмаз, Дайан. И кто должен быть ювелиром, который даст тебе огранку, чтобы ты засияла. Ты многое можешь, ты многому научилась, но знай, если ты не откажешься...

— Нет! — громко крикнула я, только этого мне не хватало, он снова завел этот разговор. — Почему ты говоришь все время об этом? Я не хочу от тебя уходить!

Самуэль вздохнул. Взял мои руки, подержал их недолго, покачал головой, что, что, что? Моя связь с Тенями его так тревожит? Но мне пришлось ждать, пока он уйдет к себе в комнату и вернется, держа в руках увесистый узелок.

— Гус нашел Книгу, — совершенно некстати сказала я. Сейчас Самуэль отправит меня... куда-то. Может быть, насовсем, и я не смогу его послушаться. — И это не то, что мы с ним искали, другой артефакт, который Тени положили в Каирны, чтобы утихомирить тварей. Гус вынес его, и... И я нашла Книгу. Настоящую. Она была в кабинете у Рема все это время.

И в городе снова кошмар, но об этом — об этом после.

— Очень забавно, — с иронией заметил Самуэль.

Всего лишь догадки, не больше. Предательство человека, который... да, говоря откровенно, Аттикус был готов освободить меня для себя. Благородно и мерзко. Похоже на Тень, но не на Гуса. Да? Да.

Самуэль говорил, что Тени пожертвуют мной, когда им понадобится. И прямо скажут об этом, но, видно, я просто ушла очень вовремя.

— Мой браслет меня спас, — ответила я, не поднимая головы, но молчание Самуэля меня удивило, и я выпрямилась, взглянула на него — он улыбался, прикрыв глаза, и только качал головой. — Он тащит меня — то, что другим не принадлежит — из пропасти, куда меня все толкали. Как будто... я и словно не я. Меня две или три или даже больше, и кто из них настоящая, не понять.

Которая я была рядом с Аттикусом?

— И Рем, когда отправлял тебя, ничего не знал, — кивнул Самуэль. — Я думал об этом. И не сказал, потому что всему свое время, так он меня учил.

— Зачем Рему так делать? — спросила я, теперь замороженно глядя на мешочек. — Не отправлять меня, а...

— Полагаю, он рассчитывал взять ситуацию в свои руки. Рассчитывает и сейчас, если ты, конечно, никому не сказала об этом, — и Самуэль посмотрел на меня с подозрением, но тут же настороженность на его лице снова сменилась улыбкой. — Впрочем, когда Теней

волновало то, что знают другие люди. На всякий случай — возьми. Это по праву твое.

Он протянул мне мешочек — вправду тяжелый, и я не рискнула заглядывать в него на весу, расчистила место на столе — Самуэль что-то готовил — и развязала туго затянутую веревку. Сначала мне показалось, что это деньги, но никакие деньги бы столько не весили, и лишь когда я запустила в него руку...

— Откуда оно у тебя? — пораженно прошептала я. — Это же...

Глава сорок шестая

— Драгоценности Вольфганта.

Самуэль никогда не упускал возможности, хотя со стороны всем, даже мне, могло показаться иначе. Вскользь брошенная фраза, недосказанный толком намек — он всегда знал, что и когда ему делать. Самуэль расплывался в улыбке как сытый кот, наблюдая за мной, а я перебирала в руках сокровище. Надолго ли мне хватит? На всю жизнь, пусть я больше не заработаю ни единой медной монетки, а если случится — останется и наследникам. И это лишь малая часть того, что унес из тайника Вольфгант.

— Зло оставляет след, а их не отдали добровольно, поэтому, Дайан, у тебя только то, что Вольфгант выманил обманом или просто украл. Прочее хранится в общине, пригодится.

Самуэль не договорил, но я и так поняла. Те самые разводы краски в воде, врожденная магия, на этих побрякушках не было крови.

— Спасибо.

— Теперь займемся твоей рукой, — Самуэль посмотрел на меня сурово, и я не сделала попытки отвертеться. — Не знаю, кто оказывал помощь, но тебе больно, так что придется поверить мне и моему умению...

Самуэль усадил меня в кресло, принес травы — не все я, оказывается, побила, когда бушевала в ванной, — промыл рану, наложил мазь и перевязал свежими бинтами. Я сидела и ничего не чувствовала вообще, только сравнивала ощущения с теми, какие были, когда лечил Аттикус. То ли магия Самуэля была тому причиной, то ли его любовь, в которой я не сомневалась, ни дня не сомневалась.

— А где ты их нашел? — спросила я, когда Самуэль закончил лечение и надо было встать и переодеться, но меня разморило в тепле и от доброты, может быть, незаслуженной. — Искал по всей Фристаде? Или сразу пошел на... на зло? Как объяснить?..

— Я стар, ленив и давно перестал вмешиваться в чужие дела, — захихикал Самуэль, но я видела, что он безмерно горд тем, что нашел драгоценности, я не сомневалась — нашел легко. — Мне так сложно оторвать свой зад от уютного кресла. Но я также жаден и кое-что еще могу, да, так что стоило мне закрыть глаза и прислушаться к крикам... Вольфгант спрятал их в крепостной стене, хороший тайник, но для таких серьезных дел не годится. А вот Гусу сойдет вполне — оставлять запрещенные травы дамочкам, которые не хотят обрадовать мужей нагулянными наследниками, напомни, я потом покажу.

Я кивнула и подумала, что быть врожденным магом непросто. Интересно, Гус слышал те самые крики убитых, и если да, то как он не обращал внимания? Самуэль умел управлять этим даром. А Гус?

Да, Гус.

В городе опять беспокойно, но я хотела его найти.

— Самуэль, в городе... снова бойня. Это может быть оттого, что Гус нарушил каким-то образом равновесие?

— Нет, Дайан. Если кто и нарушил призрачное равновесие, то явно не Гус. — Самуэль не выглядел обеспокоенным, он все еще наслаждался тем, какой эффект на меня произвел его подарок. Не то чтобы я жаждала больших денег, но драгоценности пригодятся. — Равновесие нарушили в тот момент, когда забрали Книгу. Ее стоило уничтожить, а не притворяться, что можно, а что нельзя. Не забывай, я ведь врожденный маг.

Как я могла быть настолько глупой?

— Так ты знал? — выдохнула я, и руки вдруг затряслись. — Самуэль, ты имеешь в виду, что с самого начала знал, где находится Книга?

Я обиделась бы смертельно на кого угодно — на Гуса, на Аттикуса, на Льюиса, но Самуэль ничего не делал — или делал — просто так.

— Рем, очевидно, хотел приманить на Книгу Раскаля. Нет, уверенно я ничего не скажу, — улыбнулся он слегка виновато, — но знаешь, идея приручить Древесного бога... что-то в ней есть, хотя Тени не справятся. Если только устроят резню, какая была.

Аттикус говорил так же.

— И что делать?

— Ждать.

Чего ждать? Переспрашивать я не стала, у меня, несмотря на желание шлепнуться спать, оставался Гус. В своей комнате я стащила рубашку Аттикуса и снова вспомнила все, что между нами едва не случилось. Правильно или нет, это было, и... не дошло до той невозвратной точки, который быть никогда не должно. Это к лучшему, покачала головой я, сжимая рубашку в руках и думая, чем она больше пахнет — травами, снадобьями, мной или... К Серому богу. Это иллюзия и обман.

Колокольный звон донесся до моего все еще обостренного слуха, и я кое-как успела застегнуть штаны и заправить в них рубаху. Что-то было не так... Бам-бам-бам, без остановки, тревожно, и на новом Храме — бам-бам-бам.

— Самуэль? — я выбежала к нему, на ходу натягивая легкую куртку. — Что это? Пожар? Где-то пожар? Фристада горит?

Он тоже стоял, напряженно слушая звон. Бам-бам-бам... Но пожал плечами.

— Я посмотрю и сразу вернусь, — пообещала я, не уверенная, что так и сделаю, но возле двери схватила оставленный кем-то — или изъятый Самуэлем, что более вероятно — заряженный арбалет.

То, что охраны на кладбище не было, говорило о многом. С одной стороны — все, кто живет в общине, останутся живы, а с другой? Самуэль не считает опасность для нас серьезной. И в последнее время он все чаще хотел, чтобы я обо всем догадалась сама.

Я пробежала до самого квартала Эрмет и почти никого не встретила, только огромные крысы гурьбой протискивались в водосток. Возле стены сидел мертвый стражник с шестью стрелами в груди, и мне показалось, что это тот самый, уставший, я даже остановилась проверить, но нет.

Стрелы, стрелы. Что с этими проклятыми стрелами?

Колокольный звон мешал думать. Это был набат, тревога со всех Храмов Единого, и в окнах домов людей, верующих в бога Аскетов, горели свечи, сложенные треугольником. Слышались крики и голоса, но я не могла понять откуда. Где была последняя бойня? Непохоже, там все еще стояли Аскеты, но они спокойно охраняли арку. Что-то не так.

А вот Грейстоун оказался оцеплен стражниками и Аскетами. Многие были в крови, но держались на ногах, а те, кто не держался, лежали мертвые. Я скрылась, как только вышла из дома, но не могла пройти через кордон, надо было карабкаться по стенам, а бросать веревку нельзя, даже если бы она была. Она не невидимая, сразу заметят.

— Чисто! — донесся до меня крик. — Чисто! Чисто!

Значит, квартал оцепили не просто так, и здесь была настоящая операция. Военачальники Аскетов ее возглавляли редко, но если начиналось что-то подобное — я об

этом знала лишь из рассказов — работали братья на совесть. Может, зря я недолюбливала их? Все познается в сравнении, проклятые Тени.

Я не могла решить, пробираться мне в Грейстоун или не стоит. Если Аскеты говорят, что все чисто, им можно поверить, но зачем тогда колокольный звон?

Книга, подумала я, это Книга. Что если Рем случайно выманил Раскаля на зов и теперь в Цитадели одни трупы? Открылась дверь, вышли военачальник Аскетов — я узнала его по плотной магической броне на груди — несколько братьев и два мага. Они замешкались, и я воспользовалась моментом. Наверное, мне ничего не грозит, никакая опасность, ведь и Самуэль меня отпустил, а догадывался, что я побегу в самое пекло.

Только пекла не было, но...

Я проскочила лестницу, пролетела по крыше, едва не столкнувшись с парой уставших Аскетов, и помчалась по другой лестнице вниз. У меня закралось сомнение, что я смогу беспрепятственно выйти в Грейстоун, и да: пробраться мимо стражника, дежурившего у двери, оказалось практически невозможно.

Но рядом было окно, и я, рискуя тем, что стражник на меня натолкнется, прокралась туда и выглянула на улицу. Бойня вышла короткой, но тревогу я не могла бы назвать напрасной.

Узкая короткая улица была завалена трупами. Мужчины, дети, даже дохлая крыса, стало ясно, почему эти твари бежали сломя безмозглые головы. И каждый мертвый был истыкан стрелами. Четыре, пять, шесть... шесть стрел.

Я вспомнила стражника, которого видела мертвым в ту ночь, когда следила за Вольфгантом. В нем тоже торчала стрела, но ему хватило одной. Вероятно, шальной, такое тоже бывало. Но в этих смертях что-то зверское и знакомое. Очень знакомое.

Такие трупы я видела там, в Каирнах. Восставшие, и да, они... не все они были упокоены как подобает, выходит, что кто-то из них стал мертвым совсем недавно, может быть, год назад или два?

В дверь коротко и властно стукнули, и стражник бросился ее открывать. Это был дом какого-то знатного горожанина, но когда на пороге стояли Аскеты, богатство и титулы уходили на задний план. И сейчас все семейство, вероятно, пряталось где-то наверху или же, напротив, в подвале, а я осторожно, пригнувшись, пролезла под рукой стражника и, наступив на ногу Аскету, выбежала наружу.

Воняло кровью, запах ударил в нос, забил все, чем я жила и дышала. Может быть, будь сегодня не убывающая луна, я не справилась и у Фристады стало бы одной заботой больше. Но пока только колокола и трупы, трупы, трупы... Сколько же здесь погибло людей? Кто-то словно специально загнал их сюда и варварски уничтожил. Не месть, не злоба, но... развлечение? Жестокая травля на потеху. Зачем?

Минутали? Я видела одного с копьем, но кто научил этих тварей стрелять так метко? Это искусство, а еще — я поняла это очень отчетливо — нападавших было несказанно много. Десятки, если не сотни, но куда они все подевались, их ищут, поэтому оцепили квартал и объявили тревогу. Но это все только здесь, в городе, а у нас тишина и два трупа со стрелами.

Непонятно. Что думает Самуэль?

Я уже выходила к проходу в саму Цитадель, и вроде бы там было спокойно, как услышала шорох и решила сначала, что это очередная пострадавшая крыса. Но нет, это был человек. Я остановилась, а он выбирался из-под кучи покойников, которых пока никто не

подумал унести, и было в нем что-то знакомое.

Мой спасенный!

Мы платим своим долги. Я бросилась к нему, забыв открыться, но он не обратил на меня никакого внимания. Он был в крови, но не ранен, насколько я видела, и взгляд его был гораздо осмысленнее, чем в Каирнах, и это немудрено.

— Эй! Эй, погоди! Стой! Это я, я, узнаешь?

Бродяга поднялся, я опомнилась и открылась, и он повернулся ко мне и внимательно посмотрел. Я не сразу поняла, что не так.

Он вырос.

Я теперь стояла, задрав голову, и смотрела в глаза человеку, которого я спасла. Он улыбнулся мне, и это оказалось безмерно жутко, а потом развернулся и куда-то пошел. Я его не остановила, мне было не по себе.

Я в Каирнах толком не соображала, успокоила я себя, а он безоружен и не слишком умен. Ну и то, что он ел, оставляло вопросы. Я еще покрутилась, выясняя, остался ли кто живой, а потом решила прислушаться. Это была половина ответа: магия Книги, которая в кабинете у Рема.

Нет, что-то было определенно, что-то, что заставило меня пойти в направлении Цитадели, как только я на мгновение приказала себе не думать. И я кружила здесь, когда встретила Вольфганга, так что все верно, стоит признать, что Рем что-то затеял, и оставить это все на его совести.

Колокольный звон прекратился, и осознала я это, только когда услышала негромкий взрыв. Я не могла ошибиться — это был характерный хлопок магии, Самуэль так убирал развалившиеся надгробия, которые мешали проходу.

Серый бог с ними, вдруг поднялась такая ярость, оглушающая, безмерная, с Тенями, с Аттикусом, с Книгой, я ее нашла, но до этого нашел Рем и обрек — меня на бесполезную авантюру, сотни людей — на смерть, из-за чего? Из научного интереса — можно ли приручить Древесного бога? Я лично выкраду эту Книгу, забуду ее Рему в глотку и не стану требовать объяснений. Но сначала Гус, мне надо его найти. Он должен узнать правду первым или мне ее рассказать.

Больше не думая о Тенях, я шла к воротам, надеясь, что они не заблокированы Аскетами. Главное — не попадаться на глаза тем, кто выпустил эти стрелы. Людей погибло много, десятки, если не сотни, и хотя раненых наверняка забрали к лекарям, я останавливалась при малейшем шорохе — вдруг кто-то жив.

Так я услышала тихий хрип и склонилась над человеком. Все те же стрелы, и кто-то, наверное, умирал от одной, но чаще их было несколько.

Человек неровно, тяжело дышал, руки подергивались, сердце едва-едва качало кровь, и она пузырилась в ранах, как прибой на каменистом берегу. Приливы времени, кажется, так называл это Аттикус, но слишком жестокий прилив выдалось мне увидеть. Я этого не хотела, не ждала, не просила.

И я наконец рассмотрела стрелы. Как они вообще попадали в цель? Тонкие, немного кривые, сучковатые, с редкими зелеными почками по бокам, кто делает такие безумные стрелы? Они пустили корни в едва живом человеке, я видела, как дерево впитывает кровь, словно дождевую влагу, и краснеет. И чуть не закричала, когда одна из почек вздрогнула и превратилась в нежный розовый листок.

Глава сорок седьмая

Я отпрянула и пробежала вперед. Этому несчастному не помочь, я искала подтверждение тому, что увидела. В конце улицы я склонилась над человеком — безусловно мертвым, и стрелы в его груди начали распускаться, но завяли. Им нужна была кровь...

Я кинулась бежать, не разбирая дороги: найти Гуса, укрыться в самом безопасном месте. В общине. Мы переждем там, где спокоен сейчас Самуэль. Нежить в городе, Рем постарался, проклятый ублюдок, выла я про себя, не замечая головной боли и страха. От найденной Книги толку ноль, но это все — не моя забота, я не хочу умереть.

Улица закончилась резким поворотом, и я врзалась в какого-то бедолагу, кричавшего от ужаса. Поднырнула ему под руку, разминулась со стражником, из ноги которого торчали две стрелы, но он ничего не замечал, только бежал, хромя, в попытке спастись. И едва не натолкнулась на моего спасенного, снова он!

— Беги! — заорала я, собираясь хотя бы толкнуть его к стене — это казалось лучшим укрытием. Но он неожиданно крепко схватил меня за руку, придвинул к себе, посмотрел на меня... Зарычал.

А потом с силой бросил на землю так, что чуть не выбил дух. Больно ударившись о камни мостовой, я вскрикнула и забилась в арку.

— Беги! — Это заорали уже мне. — Беги, дура!

Аскет, размахивая мечом, бросился на бродягу.

— Нет!

Нет-нет-нет, он просто напуган, он ни в чем не может быть виноват! Руку прошибло болью, не раненную, другую, ту, на которой браслет. Он горел, это было агонией ровно до тех пор, пока бродяга не развернулся к Аскету, уже замахнувшимся мечом.

Перевернутые боги!

Бродяга, возвышающийся над всеми, достающий, казалось, уже крыш домов, поднял руку, и с его кривых пальцев в синем мерцании сорвались несколько стрел. Аскет натолкнулся на них как на стену, меч выпал из рук, а я...

Что я натворила?

Я скрылась, не зная, увидят меня или нет, но жжение в руке прекратилось, осталось напоминанием. Бродяга стоял посреди улицы, оглядываясь в поисках жертв. Меня ударило чувство вины — если бы я была скрыта, Аскет не погиб бы из-за меня.

Я поднялась на ноги, шатаясь, пробиралась вдоль стены. Бродяга рычал, и в его облике оставалось все меньше человеческого. Черты лица менялись, кожа становилась темной, как кора, и такой же неровной, глаза округлились, рот одеревенел. Это монстр, которого я вывела на поверхность. Чудовище, которого ничто не держало больше. Это...

Раскаль. Это Раскаль.

Я не дойду до дома Гуса, осознала я. Раскаль пощадил меня, когда встретил впервые, и потом, когда выбирался из кучи убитых им невинных людей, но я начинала ему надоедать. Я в ловушке, мне не пройти мимо Древесного бога, и когда он поймет, где я есть, с его пальцев сорвутся стрелы, и я больше ничего не увижу.

Раскаль обернулся к стоящему на углу дому и швырнул свои странные стрелы подлинным ливнем, они отскакивали от камня, но впивались в дверь, оконные рамы, потом разбилось стекло и из окна вылетел шар огня. Аскеты! Маги, я быстро отскочила, если

Раскаля охватит огонь, он станет непредсказуем. Но пламя только лизнуло его и потухло, а дом затрясся от нового потока стрел.

Если погибнет кто-то еще, я... не смогу с этим жить, не смогу. Гус, почему я не слушала Гуса?

Раскалю надоело атаковать каменный дом, а сорвать дверь с петель у него не хватало разума. Вольфганг, особо не заморачиваясь, дал ему тело какого-то несчастного, который двух слов связать не мог, и оно пока еще держало Раскаля, но я видела — осталось недолго. Он освобождался, так вот оно что, Раскаль был относительно безопасен, пока был в человеческом теле.

Но что-то все же пошло не так.

Раскаль заревел и куда-то направился. Он был уже выше крыш, ему нужны были жертвы, чтобы расти. Проходя мимо трактира, он легко сорвал вывеску, и она пролетела мимо меня, едва не задев.

— Стой! Стой, куда ты идешь?

Глупо, безмерно глупо. Да, он не видит меня, но я та, кто дал ему... то, что мог дать Вольфганг. Он должен послушать меня.

Рычание, несколько стрел, улетевших на голос, но я успела уже отбежать. Нет, не должен и слушать не будет определенно. Надо что-то придумать, он идет к Козлиным болотам, а там далеко не все могут укрыться за камнем стен. Там нищие старики и женщины с кучей детей, живущие кто в обвалившихся арках, кто в коробках, выпрошенных у торговцев. И если кто-то погибнет, это будет моя вина.

Я видела треугольники из свечей в окнах, а кое-где — токены. Аскеты сообразили, как защитить горожан, осенило меня, Раскаль избегал силу Единого, так вот оно что! На нашем кладбище — свежие токены! Льюис... И Самуэль со своей поразительной магией.

Мне нужно загнать Древесного бога в Храм.

— Иди сюда, тварь!

Раскаль был немного медлителен или, может быть, заторможен. Он обернулся, ища меня взглядом, а я скрылась, перебежала на новое место, открылась и позвала его:

— Я же спасла тебя! Иди за мной!

Я отпрыгнула, в меня полетели стрелы, я снова скрылась, побежала. Нужно вернуться в квартал Эрмет. К Святому Мэрноку, да простит он меня за подобное святотатство.

Половина улицы.

— Эй, я здесь!

Это чуть не стоило мне головы. Раскаль злился, ему нужна была кровь, моя кровь, а я в азарте не успевала, пришлось упасть. Больно.

Улица.

— Эге-гей! Козлина болотная!

Вряд ли Раскаль понимал оскорбления, он шел, как любая тварь, на добычу, и я только молилась, чтобы никто не попался нам на пути. Но я, завернув за угол, столкнулась с отрядом стражников, а прямо за мной был Раскаль. Сияние полыхнуло над городом, и одного стражника я, все еще скрытая, повалила на землю, вжалась в него под шквалом стрел и видела вокруг только трупы. Кровь, много крови, и слышала только рев. Он доносился уже из самого поднебесья, еще немного — и Фристаде придет конец.

Стражник попытался сбросить с себя странное нечто.

— Нет! — заорала я хриплым шепотом, хотя до этого, встречая в книгах нелепую фразу,

считала, что автор перемудрил. — Не вставай!

Он послушался. Возможно, решил, что услышал глас Единого.

Раскаль заревел и метнул стрелы над нашими головами, я слышала крики и звон щитов. Аскеты! Я сползла со стражника, перевернулась на живот, прижимаясь и ворочаясь в груди тел, приподняла голову. Аскеты держали щиты, а маги — защитные купола. И пока это им помогало.

Его сдержит только Единый. Аскеты знали это, они начертили токены. Токены горели и на щитах. Раскаль двинулся на живую стену, но сделал лишь пару шагов и застыл, сзади донеслись вопли и голоса, кто-то тяжело пробежал по крыше, Раскаль, окруженный мертвыми телами, обернулся, полетели кривые ядовитые стрелы, крики, стон, чье-то тело грузно упало на трупы, беготня по крыше — их много там, они скрыты. Тени? На Раскаля со всех сторон посыпался град горящих стрел.

— Дайан! — среди вихря, захватившего сознание, голос Аттикуса показался еще одним гвоздем, вбитым в крышку моего гроба. — Уходи! Это Раскаль!

Древесный бог окружен, но он набирает силу с каждым новым убитым, еще несколько трупов, и станет поздно. Он улыбнулся, нет, оскалился, и снова вырос, вобрал в себя все тени, ютящиеся по углам.

Ступня опустила рядом с моей рукой — кусок бездушного дерева, только шаг. Щит Аскетов дрожал, но держался, и теперь от него поднималась волна красного цвета, будто живая, росла, наливалась оранжевым, трепетала, разливалась по улице.

Его ведь остановили тогда! Может, смогут сейчас? Они ведь должны! А волна достигала нас, яркая и горячая, словно пламя.

Она не сжигала, но дышать я почти не могла. Стражник отполз к стене и уже задыхался, я дотянулась до него, вцепилась в руку, потащила за собой в другую сторону.

Раскаль ревел за нашими спинами, и его стрелы не прекращая стучали о защищенные Единым щиты. Волна магии стала слабеть, и мы в панике — стражник был совсем молодой, мальчишка — влетели в строй Аскетов, блокирующих проход за спиной Раскаля.

Я кинулась к первой попавшейся двери и заскочила внутрь в тот миг, когда по воздуху что-то просвистело — магия, резкая, хлесткая, убийственная. Заперла дверь и подперла ручку корявым старым стулом. Это была мясная лавка, хозяин которой, возможно, уже лежал мертвый среди десятков других.

Пламенная магия заливала улицу. Орала что-то Аскеты и стража, лопнуло стекло в окне, а потом цвет пламени изменился, ослепительный молочный свет трещал в воздухе, и мое убежище заволакивал удушливый дым, какой бывает от живого еще дерева.

— Дайан!

Я слышала голос Аттикуса, он звал меня, он был где-то здесь. На крыше, вместе с Тенями? Я не понимала, где он, не знала, куда бежать. В разбитое окно пучком влетели стрелы, одна вонзилась в стойку рядом со мной.

— Аттикус!

Мой вопль пропал втуне. Зачем? Я не герой, никогда не была им и вряд ли когда-нибудь стану. Единственным утешением мне послужило лишь то, что мясник и его семья были живы, и я пронеслась через дальнюю комнату, выбив окно, выскочила на улицу, и мне вслед донесся грохот от тысяч стрел, ударивших в стены домов с той стороны, где остался Раскаль.

Рев и белое-белое пламя над крышами, и в нем, почти задевая головой низкие тучи, бился Древесный бог. Тварь, созданная... когда-то кем-то. Вряд ли человеком, его против

воли вытащили сюда и теперь убивают. Такая же жертва чужого безумия, как и мы все.

Улицу занесло настоящим огнем — нестерпимо ярким, пламя взметнулось до самого неба, его жар достал переулка, где я стояла. Не выдержав, я упала на землю, закрыла голову и даже так чувствовала, как тлеет одежда. Кто бы ни делал эту совершенную магию, он был... всемогущ.

Рев оборвался, и стало тихо. Так тихо, что я слышала, как пожирает пламя то, что только что было чудовищем. Тишина оглушила, это обитель Олоры и Айре, но мне ведь еще рано туда.

Я с трудом поднялась на ноги. Меня шатало, в груди все горело от жара, наверное, я обожглась, но первой мыслью был...

— Аттикус!

Я снова влезла в окно, и мясник уже сидел с топором, зло на меня глядя. За его спиной жалась старушка, молодая беременная женщина и девочка лет четырех.

— Все закончилось, — сказала я хрипло. — Он мертв.

В лавке блики пламени с улицы отплясывали на стенах и безнадежно испорченных тушах. Я отбросила стул, распахнула рывком дверь, забыв, что снаружи ревет огонь. Да, я, похоже, опалила ресницы и волосы, но смотрела как замороженная, как стрелы на двери превращаются в сухое, немощное дерево.

Опадают трухой.

— Дайан! — сильный звучный голос Самуэля раскатился по улице, и я никогда не слышала в нем столько страха.

— Я здесь, — заорала я. — Самуэль!

Самуэль. Здесь, со мной, Самуэль. Перевернутые боги, с ним творилось что-то... настолько странное, но я устала уже удивляться. Передо мной стоял до боли знакомый старик, а я видела юного воина, узнавая только глаза, и от силы, что исходила от Самуэля, я сжалась в комок и едва не захныкала. Страшная сила, злая, могучая.

— Самуэль?

— Это иллюзия магии, Дайан. Все хорошо. Это я.

— Это ты. Это был ты. И тогда, — прошептала я, утыкаясь в его грудь и замирая в его объятьях, — это тоже был ты. Ты убил Раскаля в тот первый раз?

— Не настолько я стар, Дайан, — негромко засмеялся Самуэль мне в макушку. — Мой учитель всегда говорил мне — всему свое время. Никогда не спеши. Стоило и тогда не спешить.

Спешить больше некуда. Если только Гус, Аттикус и...

— Книга? — вспомнила я.

— Я уничтожил ее. Взорвал, и Рема, кажется, зацепило. Не беспокойся об этом, полковник Каррад все видел. Боюсь, ему не понравилось то, что я ему показал. — Я посмотрела Самуэлю в лицо. Магия невероятной силы действительно пропадала, и сейчас я обнимала своего старика. — Думаю, Тени уйдут из нашего города. Это и к лучшему, как ты считаешь?

Я кивнула. Да, пусть уйдут. А Фристада вздыхала свободно, и пламя очищало ее от зла, не трогая нас, сейчас будто лаская.

— Самуэль, я... — Он вопросительно наклонил голову. — Аттикус... он где-то здесь, я...

— Пойдем, Дайан, — мягко, но очень настойчиво сказал Самуэль. — Мы сделали то,

что могли. Теперь нам пора отдохнуть.

Он крепко держал меня за плечо. Не было больше ни зова непонятно чего, ни... спокойствия. Или того, что я за него принимала, когда магия Книги и воля Теней вступали в конфликт с моим брачным браслетом, разрывая мой разум на части и подчиняя тело чужим желаниям.

— Тени, когда умирают, уходят в небытие, — как сквозь толщу воды услышала я успокаивающий тихий голос. — Как бы то ни было, тебе хватит смотреть на смерть.

Самуэль легко подтолкнул меня в сторону лавки, и представив себе, что нас на пороге встретит мясник с топором, я не удержалась от нервного смеха. Но, проходя в открытую дверь, все равно обернулась.

То, что было Древесным богом, догорало в погребальном костре.

Глава сорок восьмая

Узкие косые лучи закатного солнца падали на умытые дождем крыши. Наверху все было иначе, а с улиц стража убирала мертвых. Великую жатву собрал перед смертью Древесный бог, напился крови. Его гибель была волей Единого — так теперь говорили люди, а Самуэль смеялся и с этим не спорил. Людям надо в кого-то верить, сказал он мне, так Единый неплох.

Мой Самуэль, милый, мудрый старичок, о котором я знала так мало и так много одновременно. Он был, как всегда, бесконечно прав.

Сердце все еще сжимал липкий страх, и я не могла вдохнуть полной грудью. Страшно вновь учуять запах крови и страданий. Я ежилась, кутаясь в грубую куртку, не в силах согреться даже под легкой улыбкой Гуса.

Он помылся и слегка приоделся. В своей странной манере, но вещи были новыми и дорогими, и оставалось только догадываться, где он их прикупил — а главное, на что, — пока Фристада приходила в себя.

— Выглядишь как довольный жизнью кот, — хмуро сказала я, закончив сбивчиво извиняться за поведение в Каирнах.

— Отличная компания для кошечки, — заметил Гус и широко улыбнулся. — Не мог же я прийти на свидание в обносках, а?

Я была слишком вымотана. Я выспалась под крылом Самуэля, нормально поела, но напряжение не отпускало ни на секунду даже во сне с той полной кошмара ночи, и я не знала, куда себя деть.

— Конечно, не мог, — согласилась я и плюхнулась у ближайшей каминной трубы, внизу топили, от нее шел легкий жар, и я поспешила прислониться в очередной попытке согреться. А потом сунула руку в карман и протянула Гусу письмо с печатью герцога.

— Ого, — выдал Гус, рассматривая бумагу с некоторой завистью. — Этот хлыщ держит слово, зря я огульно причислил его к дерьму. А мне просто принесли кучу денег.

Гус уселся рядом и смотрел на меня с интересом. По одному его наглому виду можно было понять, что он успешно отсиделся во время бойни в безопасном месте. Где, интересно? Впрочем, не была бы я дура, поступила бы так же. А еще у меня был арбалет, которым я не воспользовалась, неудивительно, что хозяин лавки был готов пустить меня на мясо.

— Ты видел его? — с несчастным видом спросила я, рассеянно обводя крыши взглядом. Если бы не цена, которую пришлось заплатить городу. По моей вине в том числе. — Раскаля?

— Конечно, видел, — привычно расфыркался Гус. — Я был ему даже слегка благодарен, потому что повитуха грозилась засунуть мои зелья мне в задницу прямо в склянках. Но когда он там начал реветь, наша дамочка враз отстрелялась успешной тройней, а дальше я отпаивал уже бедолагу отца. А чего ты переживаешь, кошечка? Все закончилось, — и тут же посерьезнел. — Погибшие, конечно, но... ты еще туда зачем-то полезла, — упрекнул он, а я покраснела. Я не сказала ему причину, он бы засмеял. — Подумай теперь о себе. Иди к герцогу, иди, душа моя, не верь своим чувствам. Горечь пройдет, а браслет твой останется. Попроси охрану, он даст, вот увидишь, полковник этот неплохой человек...

— Это я его выпустила! — сорвалась я. — Из Каирнов! Тот бродяга! Это и был Раскаль,

а я ему собственными руками расчистила путь и показала выход! Понимаешь? Я, а ты... ты... мне стоило...

Я закрыла лицо руками. Перевернутые боги, это будет преследовать меня всю оставшуюся жизнь.

Гус терпеливо ждал, а потом спросил как бы совсем между прочим:

— А что тебе сказал Самуэль?

— Что Аттикус, скорее всего, это видел.

Гус легко ткнул меня в бок и кивнул. Не было больше ни улыбки, ни озорного блеска разноцветных глаз. Он задумчиво чесал в затылке, а потом попытался неуклюже обнять меня, будто только в этом я и нуждалась — в утешении. Это был искренний порыв, но меня словно подбросило от ярости.

— Прекрати, — зашипела я и увернулась. — Не будь как Аттикус...

И тут же осеклась, потому что Гус вздрогнул, будто я наотмашь хлестнула его по лицу.

— Извини. Я имела в виду, не нужны мне эти глупые утешения. Ты... ты честный, этим и хорош.

Я готова была заплакать, смотря, как мрачнеет лицо Гуса. Вероятно, самое страшное оскорбление для него — сравнение с Тенями, с человеком, который причинил ему много боли, который по собственному же признанию сломал Гусу жизнь.

— Я не хотела, — прошептала я, опять пряча лицо в руках. — Конечно, ты не как он. Скажи, а правда, что Тени уходят в небытие?

— Врут, — спокойно ответил Гус. — Тени такие же, как и все. Считаешь Аттикуса мертвым?

Я кивнула, не смея отвести руки от лица.

— Самуэль так сказал. Я только слышала, как Аттикус меня звал. Был он там или не был, не знаю.

— Но ты не видела труп? — растерянно спросил Гус, и я покачала головой.

Поцелуи к делу не относились, Гус про них не узнал, и я не понимала, как реагировать. Щеки пылали, стоило вспомнить, а сердце проваливалось куда-то глубоко-глубоко. Аттикус мертв, потому что я верила Самуэлю. Такого странного, такого отвратительного и в то же время притягательного человека больше нет.

Гус не выдержал, вскочил и принялся ходить по крыше туда-сюда, словно взбесившийся маятник, и размахивать руками.

— Минуталева задница, я шлялся по этим гробницам, развесил уши, кивал, будто мне в шею вставили штырь. А Рем почитывал проклятую Книгу. Вот почему они все вертелись в городе. Я должен был догадаться, кошечка, должен! Перестань есть себя и жри меня. Заслужил.

Он вдруг как-то обмяк и плюхнулся обратно.

— И Аттикус это знал, — припечатала я. — Водил нас за нос, словно котят, заботился. Такие сказки о тебе рассказывал.

— Нет, кошечка, Аттикус, может, ничего и не знал сначала, но когда понял... понял он быстро. А Рем оказался куда прозорливее, подсунул меня, прекрасно понимая, что именно по моему трупу Аттикус вряд ли пойдет, а значит, не пойдет против Рема. Ну и ты, душа моя, подвернулась, куда же тут без тебя. Он тебя наколол, да? Я же слышу по твоему дрожащему голоску, налил сладкой воды, а ты и уши развесила. Как ты поняла, что Книга у них?

— Я видела эту Книгу, когда была в кабинете Рема, Аттикус держал ее в руках...

Может, подсказывал? Не знаю. Но мне тогда так тошно стало и тянуло к ней. Вот только я думала, что...

— О, задница, а ты считала, что втюрилась в него, с ним ведь так безопасно, да?

У меня не было сил кивнуть, но Гус и так все понял.

— Плюнь, разотри, старый лис знает, какое впечатление производит на глупеньких кошечек. Не ты первая, не ты последняя. Хотя нет, последняя, — мрачно закончил он. — Иерархия у Теней очень жесткая, Аттикус никогда прямо не пошел бы против Рема. Извилистыми путями — конечно. Они запугались в своих интригах, увязли словно мухи в паутине. И в итоге вот, — он резко махнул рукой вниз в бессильной злости. — Результат. Доигрались. Ни ты, ни я, ни кто другой в этом не виноват. Разве что Вольфганта справедливо начинили его же кишками, предварительно их из него вынув. Тьфу.

Не тогда ли, после визита к Рему, Аттикус начал по-настоящему искать ко мне подходы, говорил о доверии и помощи. И браслет. Аттикус не знал, что всему мешает. Как же противно и горько, хоть что-то было искренне? Хоть раз?

— Мы как два идиота носились, отвлекая внимание, и еще эта копия Книги в Каирнах. До сих пор не пойму, то ли все это ради Аскетов, то ли ради Вольфганта, чтобы его накрутили трижды на вертел. Или ради того, чтобы запудрить голову герцогу. Но мне нравится этот полковник, — Гус задумчиво покивал. — Говорят, что он был у Теней в тот момент, когда Рем напоследок экспериментировал с Книгой. И то ли с испугу, то ли со злости Рем чего-то там напортачил. Туда ему и дорога. Но знаешь, — оживился Гус, а я улыбнулась, потому что и он про участие Самуэля не знал. — А вот в чем уже Рем прокололся, так это в том, что сбросил со счетов Самуэля. Он явно что-то предпринял, но что...

Я пожала плечами — Самуэль предпочитал не посвящать меня в детали разнообразных дел в жизни общины, а в последнее время забот мне хватало, чтобы что-то замечать. Я только сбегала от него под предлогом озарения. А Самуэль не противился.

— Ты жалеешь? — спросила я. Гус озадаченно и хмуро взглянул на меня. — Об Аттикусе.

По выражению лица было понятно, какие смешанные чувства одолевают Гуса. Старый учитель, питавший болезненную привязанность и так и не простивший неудачи ни ученику, ни себе самому. Раскаль большей частью стал порождением Рема, но у Аттикуса было достаточно шансов закончить все это. Наверное.

А улицы залиты кровью, и Тени уйдут, как сказал Самуэль. Уйдут, а не заплатят за все, и, вероятно, уйдут в подполье, а не из Фристады. Даже у полковника Каррада не хватит власти изгнать их. Даже у герцога.

— Я не знаю, как к нему относиться, — тихо призналась я. — Он гад, но...

— Обаятельный? — слабо хмыкнул Гус. — Да, кошечка, очень. И идейный. Ненавижу таких. Они готовы все положить на алтарь своей цели. Ненавижу его, — он выпалил это и в ту же секунду пожалел о порыве, бессильно опустил плечи и надолго замолчал.

Я не двинулась, понимая, какая буря царила у него внутри и насколько неуместны будут утешения. Слова Гуса точно совпали с моими собственными размышлениями, и это, казалось, должно нас немного сблизить, но сейчас мы были просто Гус и я — два разных существа, растерянных в попытках понять, чем же являлся Аттикус.

Но что точно — я не желала ему такой судьбы. Что бы он ни сделал с нами обоими, я скорее готова была грустить по его уму. Направить бы его, убедить, что жизнь — не борьба,

а чередой случайных неслучайностей, на которые надо реагировать, а не играть сотнями людей. Но человека переделать невозможно, его путь — только его выбор.

Гус, опомнившись, вернул мне письмо.

— Зато от Теней ни слуху не духу, что понятно, но ожидаемо, да? С них долги просто так не выбьешь. Что с Рема, что с Аттикуса спрошу теперь на том свете.

— Значит, тебе заплатил только герцог? Ты по-прежнему не свободен от Присяги?

— Я и не сомневался. Правда, с деньгами мне передали еще кое-что, — улыбка Гуса вдруг стала озорной, совсем как раньше, и я слабо ответила. — Что если хоть раз поймают за незаконным, свои дни я окончу в Алых Крестах. Как ни старался, а вышло скверно, зато у меня теперь квартира в квартале Эрмет и даже прислуга. Полковник как знал, что мне этих денег надолго не хватит. Но, душа моя, когда я попадался, да? Так я им и передал.

— Когда за ними закрылась дверь?

— Ты понимаешь меня с полуслова, кошечка.

Гус сидел рядом со мной, а я, пялясь на темнеющее небо, гадала, продолжится ли наша неожиданно зародившаяся дружба или Гус, прохиндей, канет в ночь варить свои зелья и забудет последние дни как страшный кошмар.

— Знаешь, а я ведь мог бы поехать с тобой. На Остров. Никогда там не был. Что ты об этом думаешь?

Я улыбнулась. Впервые за пару дней широко и искренне, и смогла вздохнуть полной грудью. Охрана и Аскеты — отлично, и Самуэль, который меня не оставит, но иметь рядом друга... неплохо, правда?

— Не нагулялся еще, да? Хочу.

Больше книг на сайте - Knigoed.net